

С. М.
СЛОВЬЕВ

РУСЬ
ВЗНАМЬЛЕНАЯ

Сергей Михайлович Соловьев
История России с древнейших времен.
Том 1. От возникновения Руси до
правления Князя Ярослава I 1054 г.
Серия «История России с древнейших времен», книга 1

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171951

История России с древнейших времен. Книга I. Русь изначальная: АСТ, Фолио; М.; 2001

ISBN 5-17-001032-X

Аннотация

Эта книга включает в себя первый том главного труда жизни С. М. Соловьева – «История России с древнейших времен». Первый том охватывает события с древнейших времен до конца правления киевского великого князя Ярослава Владимировича Мудрого.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА ВТОРАЯ	21
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	29
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	52
ГЛАВА ПЯТАЯ	57
ГЛАВА ШЕСТАЯ	69
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	85
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	114

Сергей Соловьев

История России с древнейших времен. Том 1. Русь изначальная. От возникновения Руси до правления Князя Ярослава I 1054 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русскому историку, представляющему свой труд во второй половине XIX века, не нужно говорить читателям о значении, пользе истории отечественной; его обязанность предупредить их только об основной мысли труда.

Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию – вот обязанность историка в настоящее время, как понимает ее автор предлагаемого труда.

Русская история открывается тем явлением, что несколько племен, не видя возможности выхода из родового, особого быта, призывают князя из чужого рода, призывают единую общую власть, которая соединяет роды в одно целое, дает им наряд, сосредоточивает силы северных племен, пользуется этими силами для сосредоточения остальных племен нынешней средней и южной России. Здесь главный вопрос для историка состоит в том, как определились отношения между призванным правительственным началом и призвавшими племенами, равно и теми, которые были подчинены впоследствии; как изменился быт этих племен вследствие влияния правительственного начала – непосредственно и посредством другого начала – дружины, и как, в свою очередь, быт племен действовал на определение отношений между правительственным началом и остальным народонаселением при установлении внутреннего порядка или наряда. Замечаем именно могущественное влияние этого быта, замечаем другие влияния, влияние греко-римское, которое проникает вследствие принятия христианства от Византии и обнаруживается преимущественно в области права. Но, кроме греков, новорожденная Русь находится в тесной связи, в беспрестанных сношениях с другим европейским народом – с норманнами: от них пришли первые князья, норманны составляли главным образом первоначальную дружину, беспрестанно являлись при дворе наших князей, как наемники участвовали почти во всех походах, – каково же было их влияние? Оказывается, что оно было незначительно. Норманны не были господствующим племенем, они только служили князьям туземных племен; многие служили только временно; те же, которые оставались в Руси навсегда, по своей численной незначительности быстро сливались с туземцами, тем более что в своем народном быте не находили препятствий к этому слиянию. Таким образом, при начале русского общества не может быть речи о *господстве* норманнов, о норманском периоде.

Выше замечено, что быт племен, быт родовой могущественно действовал при определении отношений между правительственным началом и остальным народонаселением. Этот

быт долженствовал потерпеть изменения вследствие влияния новых начал, но оставался еще столько могущественным, что в свою очередь действовал на изменявшие его начала; и когда семья княжеская, семья Рюриковичей, стала многочисленна, то между членами ее начинают господствовать родовые отношения, тем более что род Рюрика, как род владетельный, не подчинялся влиянию никакого другого начала. Князья считают всю Русскую землю в общем, нераздельном владении целого рода своего, причем старший в роде, великий князь, сидит на старшем столе, другие родичи смотря по степени своего старшинства занимают другие столы, другие волости, более или менее значительные; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тем, что когда умрет старший или великий князь, то достоинство его вместе с главным столом переходит не к старшему сыну его, но к старшему в целом роде княжеском; этот старший перемещается на главный стол, причем перемещаются и остальные родичи на те столы, которые теперь соответствуют их степени старшинства. Такие отношения в роде правителей, такой порядок преемства, такие переходы князей могущественно действуют на весь общественный быт древней Руси, на определение отношений правительственного начала к дружине и к остальному народонаселению, одним словом, находятся на первом плане, характеризуют время.

Начало перемены в означенном порядке вещей мы замечаем во второй половине XII века, когда Северная Русь выступает на сцену; замечаем здесь, на севере, новые начала, новые отношения, имеющие произвести новый порядок вещей, замечаем перемену в отношениях старшего князя к младшим, ослабление родовой связи между княжескими линиями, из которых каждая стремится увеличить свои силы на счет других линий и подчинить себе последние уже в государственном смысле. Таким образом, чрез ослабление родовой связи между княжескими линиями, чрез их отчуждение друг от друга и чрез видимое нарушение единства Русской земли готовится путь к ее собиранию, сосредоточению, сплочению частей около одного центра, под властью одного государя.

Первым следствием ослабления родовой связи между княжескими линиями, отчуждения их друг от друга было временное отделение Южной Руси от Северной, последовавшее по смерти Всеволода III. Не имея таких прочных основ государственного быта, какими обладала Северная Русь, Южная Русь после татарского нашествия подпала под власть князей литовских. Это обстоятельство не было губительно для народности юго-западных русских областей, потому что литовские завоеватели приняли русскую веру, русский язык, все оставалось по-старому; но губительно было для русской жизни на юго-западе соединение всех литовско-русских владений с Польшею вследствие восшествия на польский престол литовского князя Ягайла: с этих пор Юго-Западная Русь должна была вступить в бесплодную для своего народного развития борьбу с Польшею для сохранения своей народности, основой которой была вера; успех этой борьбы, возможность для Юго-Западной Руси сохранить свою народность условливались ходом дел в Северной Руси, ее самостоятельностью и могуществом.

Здесь новый порядок вещей утверждался неослабно. Вскоре по смерти Всеволода III, по отделении Южной Руси от Северной, явились и в последней татары, опустошили значительную ее часть, наложили дань на жителей, заставили князей брать от ханов ярлыки на княжение. Так как для нас предметом первой важности была смена старого порядка вещей новым, переход родовых княжеских отношений в государственные, отчего зависело единство, могущество Руси и перемена внутреннего порядка, и так как начала нового порядка вещей на севере мы замечаем прежде татар, то монгольские отношения должны быть важны для нас в той мере, в какой содействовали утверждению этого нового порядка вещей. Мы замечаем, что влияние татар не было здесь главным и решительным. Татары остались жить вдалеке, заботились только о сборе дани, нисколько не вмешиваясь во внутренние отношения, оставляя все как было, следовательно, оставляя на полной свободе действовать те

новые отношения, какие начались на севере прежде них. Ярлык ханский не утверждал князя неприкосновенным на столе, он только обеспечивал волость его от татарского нашествия; в своих борьбах князья не обращали внимания на ярлыки; они знали, что всякий из них, кто свезет больше денег в Орду, получит ярлык преимущественно перед другим и войско на помощь. Независимо от татар обнаруживаются на севере явления, знаменующие новый порядок, – именно ослабление родовой связи, восстания сильнейших князей на слабейших мимо родовых прав, старание приобрести средства к усилению своего княжества на счет других. Татары в этой борьбе являются для князей только орудиями, следовательно, историк не имеет права с половины XIII века прерывать естественную нить событий – именно постепенный переход родовых княжеских отношений в государственные – и вставлять татарский период, выдвигать на первый план татар, татарские отношения, вследствие чего необходимо закрываются главные явления, главные причины этих явлений.

Борьба отдельных княжеств оканчивается на севере тем, что княжество Московское вследствие разных обстоятельств пересиливает все остальные, московские князья начинают собирать Русскую землю: постепенно подчиняют и потом присоединяют они к своему владению остальные княжества, постепенно в собственном роде их родовые отношения уступают место государственным, удельные князья теряют права свои одно за другим, пока, наконец, в завещании Иоанна IV удельный князь становится совершенно подданным великого князя, старшего брата, который носит уже титул царя. Это главное, основное явление – переход родовых отношений между князьями в государственные – условливает ряд других явлений, сильно отзываясь в отношениях правительственного начала к дружине и остальному народонаселению; единство, соединение частей условливает силу, которою новое государство пользуется для того, чтобы победить татар и начать наступательное движение на Азию; с другой стороны, усиление Северной Руси вследствие нового порядка вещей условливает успешную борьбу ее с королевством Польским, постоянною целию которой становится соединение обеих половин Руси под одною державою; наконец, соединение частей, единовластие, окончание внутренней борьбы дает Московскому государству возможность войти в сношения с европейскими государствами, приготовить себе место среди них.

В таком положении находилась Русь в конце XVI века, когда пресеклась Рюрикова династия. Начало XVII века ознаменовано страшными смутами, грозившими юному государству разрушением. Крамолами людей, питавших старинные притязания, нарушена была духовная и материальная связь областей с правительственным средоточием: части разрознились в противоположных стремлениях. Земля замутилась; своекорыстным стремлениям людей, хотевших воспользоваться таким положением дел для своих выгод, хотевших жить на счет государства, открылось свободное поприще. Несмотря, однако, на страшные удары, на множество врагов внутренних и внешних, государство спаслось; связь религиозная и связь гражданская были в нем так сильны, что, несмотря на отсутствие видимого сосредоточивающего начала, части соединились, государство было очищено от врагов внутренних и внешних, избран государь всею Землею. Так юное государство со славою выдержало тяжкое испытание, при котором ясно выказалась его крепость.

С новою династией начинается приготовление к тому порядку вещей, который знаменует государственную жизнь России среди европейских держав. При первых трех государях новой династии мы видим уже начало важнейших преобразований: является постоянное войско, обученное иностранному строю, готовится, следовательно, важнейшая перемена в судьбе древнего служивого сословия, так сильно отозвавшаяся в общественном строе; видим начатки кораблестроения; видим стремление установить нашу торговлю на новых началах; иностранцам даются привилегии для учреждения фабрик, заводов; внешние сношения начинают принимать другой характер; громко высказывается необходимость просвещения, заводятся училища; при дворе и в домах частных людей являются новые

обычай; определяются отношения церкви к государству. Преобразователь воспитывается уже в понятиях преобразования, вместе с обществом готовится он идти только далее по начертанному пути, докончить начатое, решить нерешенное. Так тесно связан в нашей истории XVII век с первой половиной XVIII, разделять их нельзя. Во второй половине XVIII века замечаем новое направление: заимствование плодов европейской цивилизации с исключительной целью материального благосостояния оказывается недостаточным, является потребность в духовном, нравственном просвещении, потребность вложить душу в приготовленное прежде тело, как выражались лучшие люди эпохи. Наконец, в наше время просвещение принесло свой необходимый плод – познание вообще привело к *самопознанию*.

Таков ход русской истории, такова связь главных явлений, в ней замечаемых.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Природа Русской государственной области и ее влияние на историю. – Равнинность страны. – Соседство ее с Среднею Азией. – Столкновение кочевников с оседлым народонаселением. – Периоды борьбы между ними. – Козаки. – Племена славянские и финские. – Славянская колонизация. – Значение рек на великой равнине. – Четыре главные части древней России. – Озерная область Новгородская. – Область Западной Двины. – Литва. – Область Днепра. – Область Верхней Волги. – Путь распространения русских владений. – Область Дона. – Влияние природы на характер народный.

Задолго до начала нашего летоисчисления знаменитый грек, которого зовут «отцом истории», посетил северные берега Черного моря; верным взглядом взглянул он на страну, на племена, в ней жившие, и записал в своей бессмертной книге, что племена эти ведут образ жизни, какой указала им природа страны. Прошло много веков, несколько раз племена сменялись одни другими, образовалось могущественное государство, но явление, замеченное Геродотом, остается по-прежнему в силе: ход событий постоянно подчиняется природным условиям.

Перед нами обширная равнина: на огромном расстоянии от Белого моря до Черного и от Балтийского до Каспийского путешественник не встретит никаких сколько-нибудь значительных возвышений, не заметит ни в чем резких переходов. Однообразие природных форм исключает областные привязанности, ведет народонаселение к однообразным занятиям; однообразность занятий производит однообразие в обычаях, нравах, верованиях; одинаковость нравов, обычаев и верований исключает враждебные столкновения; одинакие потребности указывают одинакие средства к их удовлетворению; и равнина, как бы ни была обширна, как бы ни было вначале разноплеменно ее население, рано или поздно станет областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразие частей и крепкая связь между ними.

Великая равнина открыта на юго-востоке, соприкасается непосредственно с степями Средней Азии; толпы кочевых народов с незапамятных пор проходят в широкие ворота между Уральским хребтом и Каспийским морем и занимают привольные для них страны в низовьях Волги, Дона и Днепра; древняя история видит их здесь постоянно господствующими; Геродот свойствами страны объясняет причины этого господства, но тот же Геродот замечает, что берега Днепра по своему необыкновенному плодородию способны питать и земледельческое народонаселение; и вот предания говорят о народных движениях с Запада навстречу кочевым ордам; на берегах Днепра и его притоков, на востоке и западе, селятся племена земледельческие с характером европейским; они движутся все далее и далее на Восток, но кочевники не скоро уступят им свои привольные степи. Азия не перестает высылать хищные орды, которые хотят жить на счет оседлого народонаселения; ясно, что в истории последнего одним из главных явлений будет постоянная борьба с степными варварами. Периоды этой борьбы так обозначаются в русской истории: от половины IX века до сороковых годов XIII нет резкого перевеса ни на стороне кочевников, ни на стороне славянских племен, объединенных под именем Руси; печенеги, а за ними половцы наносят иногда сильные опустошения Приднепровью, но зато иногда и русские князья входят в глубь степей их, за Дон, и пленяют их вежи. От сороковых годов XIII века до исхода XIV берут перевес азиатцы в лице монголов: с конца XIV века пересиливает Европа в лице России; северо-западная, европейская часть великой равнины начинает распространяться на счет юго-восточной, азиатской. Но природа страны условила еще другую борьбу для государства, кроме борьбы с кочевниками: когда государство граничит не с другим государством и не с морем, но сопри-

касается с степью, широкою и вместе привольною для житья, то для людей, которые по разным причинам не хотят оставаться в обществе или принуждены оставить его, открывается путь к выходу из государства и приятная будущность – свободная, разгульная жизнь в степи. Вследствие этого южные степные страны России по течению больших рек издавна населялись козацкими толпами, которые, с одной стороны, служили пограничною стражею для государства против кочевых хищников, а с другой, признавая только на словах зависимость от государства, нередко враждовали с ним, иногда были для него опаснее самих кочевых орд. Так Россия вследствие своего географического положения должна была вести борьбу с жителями степей, с кочевыми азиатскими народами и с козаками, пока не окрепла в своем государственном организме и не превратила степи в убежище для гражданственности.

Составляя восточную часть Европы, отличаясь климатом суровым, представляя на юго-востоке степь, населенную кочевыми племенами, сменявшими друг друга в постоянном стремлении из Азии, на северо-западе – страну, покрытую девственными лесами, наполненную реками, озерами, болотами, среди которых кое-где блуждали орды звероловов, великая равнина не могла получить скоро многочисленного народонаселения. Племена славянские раскинулись на огромных пространствах, по берегам больших рек; при движении с юга на север они должны были встретиться с племенами финскими, но о враждебных столкновениях между ними не сохранилось преданий: легко можно предположить, что племена не очень ссорились за землю, которой было так много, по которой можно было так просторно расселиться без обиды друг другу. В начале нашей истории мы видим, что славяне и финны действуют заодно; каким образом ославились финские племена – меря, мурома, каким образом Двинская область получила русское народонаселение и стала владением Великого Новгорода? – все это произошло тихо, незаметно для истории, потому что здесь, собственно, было не завоевание одного народа другим, но мирное занятие земли, никому не принадлежащей. Распространение русских владений в Сибири, о котором можно иметь ясное понятие по дошедшим до нас памятникам, дает лучшее объяснение тому, как распространялись русские владения и по сю сторону Уральского хребта: здесь также могли иметь место стычки с туземцами, которые приходили иногда разорять новые поселения, отказывались платить ясак; но здесь один народ, государство не было завоевано другим народом, государством в том смысле, в каком обыкновенно принимается в истории завоевание, одним словом, и там и здесь преимущественно происходило население, колонизация страны. Что сказано о севере России, то может быть сказано и о других областях: мы видим с самого начала, что князья наши преимущественно заботятся о построении городов, о населении пустынных пространств; известно, как и после Московское государство расширяло свои пределы на восток и юго-восток, занимая и населяя пустынные пространства; известно, наконец, население южных и юго-восточных областей, имевших место недавно, уже во времена империи. Малонаселенность страны, постоянное стремление владельцев увеличивать население своих земель с ущербом государственному интересу, вызывали меры, имевшие целью удержать народонаселение на прежде занятых им пространствах. Таким образом, в русской истории мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные пустынные пространства и населяет их; государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации: господствующее племя – славянское – выводит поселения свои все далее и далее вглубь востока. Всем племенам Европы завещано историюю высылать поселения в другие части света, распространять в них христианство и гражданственность; западным европейским племенам суждено завершать это дело морским, восточному племени, славянскому, – сухим путем.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразит она путешественника чудесами; одно только поразило в ней наблюдательного Геродота: «В Скифии, – говорит он, – нет ничего удивительного, кроме рек, ее орошающих: они велики и многочисленны». В

самом деле, обширному пространству древней Скифии соответствуют исполинские системы рек, которые почти переплетаются между собою и составляют, таким образом, по всей стране водную сеть, из которой народонаселению трудно было высвободиться для особой жизни; как везде, так и у нас, реки служили проводниками первому народонаселению, по ним сели племена, на них явились первые города; так как самые большие из них текут на восток или юго-восток, то этим условилось и преимущественное распространение Русской государственной области в означенную сторону; реки много содействовали единству народному и государственному, и при всем том особые речные системы определяли вначале особые системы областей, княжеств. Так, по четырем главным речным системам Русская земля разделялась в древности на четыре главные части: первую составляла озерная область Новгородская, вторую – область Западной Двины, т. е. область Кривская, или Полоцкая, третью – область Днепра, т. е. область древней собственной Руси, четвертую – область Верхней Волги, область Ростовская.

Область Новгородская, составляя продолжение Финляндской озерной области, в отношении географическом и историческом посредничает между Западною Европою и Россиею. Здесь славянское племя сталкивается с скандинаво-германским; здесь шел великий водный путь из Северо-Западной Европы в Юго-Восточную и в Азию, из Варяг в Греки, путь, по которому издавна спускались северные дружины на юг для опустошения берегов Империи, этим же путем производилась торговля между севером и югом Европы. Озеро Ильмень, принимая в себя с юга многоветвистую Ловать, выпускает на север, в Ладожское озеро, Волхов; великий водный путь шел из Финского залива, по Неве, в Ладожское озеро, отсюда Волховом в Ильмень, из Ильменя Ловатью. Славянское племя при движении своем с юга на север не утвердилось в половине IX века нигде на берегах моря; навстречу медленному движению славян видим быстрое движение варягов. Славянам удалось утвердиться на важном пункте, при истоке Волхова из Ильменя, где является Новгород, но на втором важном пункте великого пути – при впадении Волхова в Ладожское озеро – они утвердиться не могли. Если даже предположим, что Ладога существовала до прибытия Рюрика, то она находилась не при самом устье Волхова, и это положение ее показывает со стороны славян какую-то медленность, боязливость приблизиться к озеру Нево. Что касается реки Невы, то начальный летописец считает ее не рекою, а устьем озера в море; Нева долго текла в дикой независимости, и короткий бег ее долго был свидетелем упорной борьбы между двумя народами – русскими и шведами. Русским удалось во время этой борьбы утвердиться на третьем важном пункте великого пути – при истоке Невы из Ладожского озера, где был построен Орешек; но потом эта крепость была уступлена шведам; Петр Великий взял ее снова и назвал Ключом-Городом (Шлиссельбургом); наконец, Петр успел овладеть течением Невы и укрепился на последнем, самом важном пункте озерной системы в начале великого водного пути, – именно при устье Невы в море, где основал Петербург. Это положение при начале великого водного пути, соединяющего и теперь Европу с Азиею, условило важное значение Петербурга как столицы: здесь в IX веке началась первая половина русской истории, здесь в XVIII – началась вторая ее половина. Движение восточных славянских племен с юга на север по великому водному пути, начавшееся в доисторическое время, только в XVIII веке окончательно достигло своей цели – морского берега.

Область Новгородского княжества есть озерная область, где главный узел составляет озеро Ильмень, следовательно, естественные границы княжества должны совпадать с границами речных систем Ильменя, Ладожского озера и других близлежащих озер; и действительно, мы видим, что границами Новгородской области служат волоки между системами рек озерных и между системами Волги, Днепра и Западной Двины. Разумеется, эти границы мы должны означать приблизительно: в некоторых местах, преимущественно к востоку и юго-востоку, племя славян ильменских или новгородских еще в незапамятные времена

могло перейти волоки и выселиться на другие речные системы вследствие малонаселенности страны, лежащей к востоку, на верховьях Волги; несмотря на то, однако, границы преимущественно идут по волокам, которые, надобно заметить, нигде не имеют такого важного значения, как у нас в России, ибо заменяют отчасти горы. На юге границею Новгородской области с Полоцкою и Смоленскою служил волок между системою Ильменя и Западной Двины, здесь граница могла обозначиться с большею точностию волоком вследствие раннего населения Полоцкой или Двинской области. На востоке границею Новгородской области с Ростовскою или Суздальскою служил приблизительно также волок между системою Ильменя и Верхней Волги; так, видим границу при реке Медведице, одном из самых близких волжских притоков к системе ильменской; но здесь, на востоке, новгородцы перешли в некоторых местах естественную границу своей области, ибо народонаселение необходимо стремилось с запада на восток, находя себе здесь более простора; так, в числе новгородских владений мы встречаем Торжок, Волок-Ламский, Бежецк и другие места, находящиеся на волжской системе; любопытно, однако, видеть, что эти места были спорные между новгородцами и князьями Ростовской области, последние никак не хотят уступить их в полное владение новгородцам: так, Волок и Торжок разделены пополам между новгородцами и суздальскими князьями; название Торжка, Торга, указывает именно на пограничное место, куда сходились на мену, торг, жители двух областей; название Новый Торг указывает, что этот торг был прежде где-нибудь на другом месте, быть может, выше, на самом волоке. Любопытно, также, что все эти места на волжской системе перечисляются всегда в грамотах как новгородские владения – знак, что они были спорные, что суздальские князья имели на них постоянные притязания, одним словом, что это были колонии Новгородские в чужой области. Такие же колонии новгородские простирались в области Онеги, Северной Двины и далее до самого Уральского хребта; на важное значение волоков указывает название заволоцких владений Новгорода, Заволоцкой чуди.

В тесной связи с системою Ильменя находится система Чудского и Псковского озер: кривичи изборские находятся в союзе с славянами новгородскими, вместе с ними призывают князей; несмотря, однако, на эту тесную связь, несмотря на то, что Псков, сменивший Изборск, находился в пригородных отношениях к Новгороду, Псков с самого начала стремится к самостоятельности и, наконец, достигает ее: здесь между другими обстоятельствами нельзя не предположить и влияния природы, потому что Псковская область принадлежит к отдельной речной системе. Этим же обстоятельством обуславливаются и самое различие и границы племен: народонаселение Изборской области принадлежало к кривскому племени.

Новгородская область представляет самую возвышенную страну между внутренними русскими областями. По климату и почве она разделяется на две половины: северо-восточную и юго-западную. Северо-восточная, простирающаяся от окрестностей озер Лача и Вожа до рек Сяси и Мологи, наполнена стоячими водами и лесами, подвержена дуновению северных ветров и повсюду неплодородна по причине влажной и болотистой почвы; юго-западная половина гораздо возвышеннее, суше и плодороднее. Это разделение важно для нас в том отношении, что им определяется первоначальная граница славянского и финского племени; известно, что везде при своих столкновениях славяне занимали возвышенные, сухие и хлебородные пространства, финны же – низменные, болотистые; так точно и здесь означенная граница по качеству почвы соответствует границе между славянским и финским племенами в Новгородской области. Самые лучшие для хлебопашества места находятся между реками Шелонью и Ловатью: здесь главные селища славянского племени; далее к северо-западу, в нынешней Петербургской губернии, опять начинаются низменные, болотистые пространства – почва финского племени. Но так как пространство между реками Шелонью и Ловатью мы называли хлебородным только относительно, вообще же ильменские славяне не нашли в своих жилищах больших удобств для земледельческой промышленности, то с течением

времени благодаря удобству водных путей среди них развилась торговая промышленность, указавшая им необходимо путь к северо-востоку, малонаселенному финскими племенами, со стороны которых новгородцы не могли встретить сильного сопротивления. Из летописных свидетельств мы знаем, что относительно продовольствия Новгородская область была в зависимости от Низовой земли: князь последней, пресекши подвоз съестных припасов, мог заморить Новгород голодом; с другой стороны, и относительно торговли Новгород зависел вполне от Востока, потому что торговое значение Новгорода состояло в доставке северо-восточных товаров в Европу: отсюда понятно, что когда на востоке явилось могущественное владение – государство Московское, то Новгород, находясь в полной зависимости от Востока, необходимо должен был примкнуть к этому государству, таким образом, сама природа не позволяла Новгороду быть долго независимым от Восточной Руси. То же самое должно сказать и о Пскове: его область имеет также тощую почву, которая должна была заставить народонаселение обратиться к другого рода промышленности – к торговле, ремеслам; псковичи славились мастерствами, особенно строительным; новгородцев в насмешку называли *плотниками* – указание на их промышленный характер.

Несмотря на то что на западе в средние века существовало мнение, будто из Балтийского моря по восточному пути можно проехать водою в Грецию, водный путь этот прекращался рекою Ловатью там, где прекращается и Новгородская озерная область. От Ловати до Днепра шел волок, отделявший Новгородскую озерную область от Западнотвинской и Днепровской. Об этом волоке между Ловатью и Днепром упоминает начальный летописец, описывая водный путь из Варяг в Греки, но он не вдаётся в подробности, каким образом дружины первых князей русских шли от Ловати до Днепра. Очень вероятно, что путь их лежал от Ловати по реке Сереже до тридцативерстного волока к Желну на реке Торопе, потом вниз Торопою до Двины, Двиною к устью Косопли (Каспли) и этою рекою вверх до озера Касплинского и волока при Гавринах в Порецком уезде с переездом по суше тридцати верст. Во всяком случае на пути от Ловати к Днепру должно было встретить Западную Двину – вот причина, почему Двинская область, область полоцких кривичей, вошла в связь с новгородцами и князьями их прежде области кривичей смоленских, и Рюрик уже отдает Полоцк одному из мужей своих. Область Западной Двины, или область Полоцкая, имела такую же участь, как и озерная область Новгородская: славянское племя заняло начало и средину течения Двины, но не успело при медленном движении своем достигнуть ее устья, берегов моря, около которого оставались еще туземцы, хотя подчиненные русским князьям, но не подчинившиеся славянорусской народности. Особность Полоцкого, или Двинского княжества, его слабость вследствие этой особенности и усобиц были причиною того, что в XII веке от морских берегов, с устья Двины, начинается наступательное движение немцев, пред которыми полочане должны были отступать все далее и далее внутрь страны. Потом Полоцкое княжество подчинилось династии князей литовских и чрез них соединилось с Польшею. Московское государство, сосредоточив северо-восточные русские области, усилившись, начало стремиться по естественному направлению к морю, ибо в области Московского государства находились истоки Двины. Иоанн IV, стремясь чрез покорение Ливонии к морю, взял и Полоцк; но Баторий отнял у него и Ливонию и Полоцк, вследствие чего почти все течение Двины стало находиться в области одного государства. Но чрез несколько времени шведы отняли у поляков устье Двины, и область этой реки явилась в затруднительном, неестественном положении, поделенною между тремя государствами. Петр Великий отнял низовье Двины у шведов, вследствие чего положение Двинской области стало еще затруднительнее, потому что верховье и устье находились в области одного государства, а середина – в области другого. При Екатерине II Двинская область была выведена из этого неестественного положения.

Границу Полоцкой области на севере составляет водораздел между системой Двины и озерной – ильменской и чудской. Но верховье Двины не принадлежало Полоцкой области: за него шла сильная борьба между князьями полоцкими, потомками Изяслава Владимировича и потомками брата его Ярослава, владельцами остальных русских областей. Причина этой борьбы, причина стремления Ярослава I и рода его удержать за собою верховье Двины ясна с первого взгляда на карту: Верхняя Двина и впадающая в нее речка Торопа служили соединением Новгородской области с собственной Русью, областью Днепровскою, по ним шел путь из Варяг в Греки; владея Новгородом и Днепровьем, Ярослав и дети его не могли оставить верховье Двины и Торопу во владении враждебного рода Изяславичей полоцких; последние, пользуясь тем, что их владения, их речная область, отделяла Новгородскую область от Руси, неоднократно обнаруживали свои притязания на Новгород, Ярослав уступил Брячиславу полоцкому Витебск и Усвят, но удержал верховье Двины и Торопу, где после образовалось княжество Торопецкое, примыкавшее к Смоленскому, Из этого положения Торопецкого княжества, лежащего в середине между озерной (Новгородскою), Двинскою (Полоцкою), Днепровскою (Южнорусскою) и Волжскою (Ростовскою и Суздальскою) областями, уясняется нам положение князей торопецких, знаменитых Мстиславов, их значение как посредников между Новгородом, Южной Русью и князьями суздальскими; посредством Торопца Новгород поддерживал связь свою с Южной Русью, из Торопца получал защиту от притеснений князей суздальских.

На востоке, юге и западе границами Полоцкой области служили приблизительно также водоразделы между системами Двины, Днепра и Немана. Но на юге к Полоцкому княжеству примыкало также княжество Минское, находившееся преимущественно на системе днепровской, по правому берегу Днепра и рекам, впадающим в него с этой стороны. Княжество Минское образовалось, как видно, из области славянского племени дреговичей, севших, по летописи, между Припятью и Двиною. Мы видим, что в стремлении своем на юг из Новгородской области варяги прежде всего должны были перейти в область Двины и утвердиться в Полоцке. Отсюда, двинувшись к югу, они немедленно должны были перейти в область Днепра, в землю дреговичей, в том месте, где притоки Днепра и Двины находятся так близко друг от друга, где теперь искусственно соединяются Березинским каналом. Это движение полоцких державцев к югу и покорение дреговичей, без сомнения, произошло еще при Рюрике, по крайней мере прежде движения Олега из Новгорода; что правый берег Днепра, земля дреговичей, занята была из Полоцка, доказывает молчание летописи о покорении дреговичей Олегом или его преемниками. Владимир, истребив семью полоцкого князя Рогволода, присоединил его владения, как кривские, так и дреговические, к своим; но после по совету дружины, восстановил Рогволодову область в целом ее виде для внука Рогволодова, а своего сына – Изяслава; этим объясняется, каким образом Минское княжество, лежащее в области Днепровской, принадлежало роду князей полоцких; но Минское княжество вследствие своего географического положения становится местом борьбы между Изяславичами полоцкими и Ярославичами русскими, и долее, чем самый Полоцк, остается за последними; а дреговичи южные, жившие по притокам Припяти, принадлежат постоянно к владениям русских Ярославичей. Почва собственно Полоцкого княжества неплодородна, вся область наполнена озерами, болотами-топями; теперь в Витебской губернии считается больше 1000 озер, больших и малых. Бедность природы при удобстве сообщения с морем посредством Двины обратила внимание полочан и видблян на торговлю, и они вместе с смольнянами являются посредниками заморской русской торговли.

Как Полоцкое княжество есть область Западной Двины, так Литва есть область Немана, Польша – область Вислы Литовская область вместе с областью ятвягов, лежащая по границе между речными системами Вислы, Немана и Днепра. имеют важное значение в истории Восточной Европы: покрытые болотами и лесами, даже теперь непроходимыми,

эти страны лучше высоких горных хребтов охраняли западные границы русских славян; среди этих-то болот и непроходимых пущ с незапамятных пор засели странные народы – литва и ятвяги, происхождения которых не могут еще определить ученые. Благодаря природе своей страны литовцы и ятвяги долее всех своих соседей сохраняли дикость первоначального быта, они набегали на окрестные страны, но сами были недосыгаемы в своих неприступных природных укреплениях. Когда единоплеменники их – пруссы – подверглись тяжкому игу немцев, литовцы отбились от последних в своих дебрях, заслонили от них и восточных соседей своих; с другой стороны, вероятно, усиленные в числе прусскими выходцами, литовцы начинают наступательное движение к востоку и югу на русские области и основывают княжество, которого географическое положение также очень важно: в области Литовского великого княжества соединялись системы днепровская, вислинская, неманская и западнодвинская, реки русские соединялись с реками польскими. Поэтому княжество Литовское служило звеном, связующим Русь с Польшею. На небольшом пространстве между Кобрином, Пинском и Слонимом три речные системы – вислинская, неманская и днепровская, и вместе с тем три области – Польская, Литовская и Русская соединяются теперь каналами; вот доказательство, что на Восточной Европейской равнине естественными границами между странами и народами служили междуречные волоки, и как эти естественные грани были незначительны, как мало препятствовали соединению народов!

Юго-Западная, древняя собственная Русь (княжества Киевское, Переяславское, Черниговское, Смоленское, Волынское, Туровское), есть область Днепра, главной реки водного пути из Варяг в Греки; этому пути, следственно Днепру преимущественно, Русь была обязана своим соединением с Северо-Западною и Юго-Восточною Европою: из первой явились князья, от второй получено христианство; Днепру преимущественно Русь была обязана и своим материальным благосостоянием: по этой реке шли с своими дружинами князья, которые сосредоточили прибрежные славянские племена, жившие рассеянно; по Днепру же шел и торговый путь из нижних стран в верхние. И Днепр в историческом отношении разделял судьбу других рек русских: его устье, хотя с незапамятных пор покрывалось русскими лодками, однако, собственно не находилось в русских владениях до времен Екатерины II, потому что Русская государственная область распространялась естественным образом изнутри, из ядра своего, вниз по рекам до естественных пределов своих, то есть до устьев этих рек, берущих начало в ее сердце, а это сердце – Великая Россия, Московское государство, справедливо называемое страной источников: отсюда берут свое начало все те большие реки, вниз по которым распространялась государственная область. Несмотря на то что Юго-Западная Русь, преимущественно Киевская область, была главною сценою древней нашей истории, пограничность ее, близость к полю или степи, жилищу диких народов, делала ее неспособною стать государственным зерном для России, для чего именно природа приготовила Московскую область; отсюда Киевская область (Русь в самом тесном смысле) вначале и после носит характер пограничного военного поселения, остается страной козачков до полного государственного развития, начавшегося в Северной Руси, в стране источников.

Но если по причинам естественным Юго-Западная Русь не могла стать государственным ядром, то природа же страны объясняет нам, почему она была главною сценою действия в начальной нашей истории: области древних княжеств Киевского, Волынского, Переяславского и собственно Черниговского составляют самую благословенную часть областей русских относительно климата и качества почвы. Древнюю Русь в самом тесном смысле этого слова составляла страна около Киева, на западном берегу Днепра, земля полян. Область Киевского княжества в первоначальном виде, как досталась она Изяславу I, заключала в себе земли полян, древлян и отчасти дреговичей; естественными и приблизительными историческими границами его были: к востоку – Днепр; к северу – водораздел между речными

областями, собственно Днепровскою и областью Припяти, потом водораздел между областью Припяти и Немана; к западу – водораздел между Западным Бугом и Вислою; к югу – сначала водораздел между областью Припяти, Днестра и Буга, потом – река Рось, по которой начиная с XI века видим уже военные поселения, зерно козачества. Почему река Рось служила в древности южною границею и Киевского княжества и всех русских областей, это объясняется также природою: к югу от этой реки, в южной части нынешней Киевской губернии, почва принимает уже степное свойство, луга здесь степные. Область княжества Владимиро-Волынского заключала в себе землю бужан (славянского племени, жившего по Западному Бугу) и, принадлежала, с одной стороны, к системе вислинской, а с другой, чрез притоки Припяти к днепровской, посредничала между Русью и Польшею. Это положение Владимиро-Волынской области на отдельной от Днепра речной системе объясняет отчасти, почему Волынь отделяется от собственной Руси и вместе с Галичем образует особую систему княжеств, отдельность речной системы объясняет также и раннюю особенность Галицкого княжества, лежащего по вислинской и днепровской системам.

На восточной стороне Днепра притоком последнего, Десною, привязывалась к Киевской области и область Черниговская, лежащая по Десне и ее притокам. Тщетно князья хотели делить Русь Днепром на две отдельные половины – Десна привязывала Чернигов к Киеву так же крепко, как и родовые отношения Святославичей и Мономаховичей; тщетно потом польское правительство хотело разделиться Днепром с Москвою, это деление было кратковременно. Река Сейм, приток Десны, привязывала к Чернигову область Курскую. На южной оконечности нынешней Черниговской губернии находится возвышенность, дающая начало рекам, изливающимся отсюда в Полтавскую губернию, Трубежу, Супою, Удаю и Ромну; этот водоспуск в древности отделял область Черниговского княжества от области Переяславского. На верхнем Днепре, и, следовательно, в тесной связи с Киевом, находилась область Смоленского княжества. Смоленск находился в области кривичей, которые сели на верховьях рек Волги, Днепра и Двины, из этого положения легко видеть важное значение Смоленской области, находившейся между тремя главными частями Руси – между областью Волги, Днепра и Двины, т. е. между Великою, Малою и Белою Россиею; держа ключи ко всем этим областям, смоленские князья держат Новгород в зависимости от Южной Руси, стерегут Днепровье от притязаний северных князей, принимают самое деятельное участие в распрях последних с южными, являются главными деятелями в истории Юго-Западной Руси (с тех пор, как волынские князья обращают все свое внимание на запад), борются с Волынью и Галичем за Киев и во время этой борьбы крепко держатся связи с севером, с Новгородом и Волжскою областью. Из положения Смоленской области понятно, почему Смоленск служил постоянно поводом к спору между Северо-Восточною, или Московскою, и Юго-Западною, или Литовскою, Русью, почему ни московское, ни литовское (польское) правительство не могли успокоиться, не имея в своих руках Смоленска. Граница Смоленского княжества шла на севере между притоками Ловати и Торопою, далее от Торопца – к Верхней Волге у Ржева; восточная граница шла от Ржева мимо Зубцова к верховьям Москвы-реки и Протвы, около Можайска, потом поворачивала к западу водоразделом между системою днепровскою и окскою, между Угрою и Днепром, между Десною и Сожью; южную границу с Черниговскою и Киевскою областями определить можно впадением реки Прони в Сожь; на запад границу составлял Днепр до Орши и далее на север – линия через Двину между Сурожем и Велижем к Торопцу. Из обозначения этих границ видно, что Смоленское княжество, кроме области кривичей, заключало в себя также и область радимичей, живших на Соже. Почва Смоленского княжества вообще неплодородна, особенно половина, лежащая к северу от Днепра, это обстоятельство и выгодное положение на трех речных системах среди главных русских областей необходимо условливали развитие торговой промышленности у смольнян и в древние времена.

Теперь обратимся к Великой России, государственному ядру. Здесь первое место принадлежит области Верхней Волги, или Ростовской области. Главный город ее Ростов Великий при самом начале русской истории находится в тесной связи с Новгородом и его князьями, те же заморские варяги, которые брали дань на новгородских славянах и на чудь, берут ее и на мери, финском племени, жившем около Ростова; посадник Рюрика сидит в Ростове, причем не упоминается о походе, о покорении, следовательно, более чем вероятно, что меря, подвергавшаяся вместе с новгородцами и чудью варяжскому игу, вместе с ними свергла его, вместе с ними призвала князей. Такая тесная связь Ростова с Новгородом и чудью объясняется тем, что Белоозеро связано с Ростовом водною нитью, эта нить есть река Шексна, которая вытекает из Белоозера и впадает в Волгу у нынешнего Рыбинска; Ростов же находится при озере Неро, из которого течет Которость, впадающая в Волгу при Ярославле. Варяги, овладевшие Белоозером, необходимо должны были спуститься вниз по Шексне к Волге, отсюда вниз по Волге до Которости и ею вверх до Ростова. Если этот водный путь служил для враждебных нападений, то он должен был так же служить и для мирных сношений между Белоозером и Ростовом, отсюда объясняется постоянная, неразрывная связь между этими городами в нашей истории, объясняется, почему Белоозеро является волостью Мономаха, которому принадлежит Ростов с Поволжьем; впоследствии Белоозеро становится уделом Ростовского княжества. Вниз по Шексне ходили в Ростовскую землю военные дружины и торговые лодки, вверх по ней шли из Ростовской земли на Белоозеро и мятежные волхвы, так сильно волновавшие новообращенных христиан севера.

Естественные и вместе исторические границы Ростовской области обозначаются с севера и северо-запада границами новгородских владений; при определении последних мы видели и северо-западную границу Ростовской области; на севере естественною границею ее служили Увалы, отделяющие систему Волги от системы Северной Двины. Что же касается до естественных границ Ростовской области с востока, юга и юго-запада, то они, собственно, должны совпадать с границами волжской системы, но это уже будут границы не Ростовской области, а Московского государства, которого область есть преимущественно область Волги. Таким образом, мы видим, что историческое деление Русской государственной области на части условливается отдельными речными системами, ясно, что величина каждой части будет соответствовать величине своей речной области; чем область Волги больше области всех других рек, тем область Московского государства должна быть больше всех остальных частей России, а, естественно, меньшим частям примыкать к большей – отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Белая, и Малая Русь примкнули к Московскому государству.

Итак, целая область Волги есть преимущественно область Московского государства, и Ростовская область будет только областью Верхней Волги. Проследим же теперь распространение Русской государственной области по волжской системе и переход Ростовской области в область великого княжества Владимирского, и последней – в область Московского государства. Ростов был городом племени и, если принимать известие летописца, был одинок в целой обширной области, получившей от него свое название. Мы видим, что одною из главных сторон деятельности наших князей было построение городов. Это построение носит следы расчета, преднамеренного стремления, что видно из положения новых городов и из расстояния их одного от другого. Ярославль построен на важном пункте, при устье Которости в Волгу, которая посредством этого притока соединяется с Ростовским озером. Потом, мы видим стремление вниз по Волге: города строятся при главных изгибах реки, при устьях значительных ее притоков – так построена Кострома при повороте Волги на юг, при впадении в нее Костромы; Юрьевец-Поволжский – при следующем большом колене, или повороте Волги на юг, при впадении в нее Унжи; наконец, Нижний Новгород – при впадении Оки в Волгу. Здесь на время остановилось естественное стремление северных князей

вниз по Волге, к пределам Азии. Нужно было вступать в борьбу с народонаселением, жившим по берегам Волги и ее притоков, отсюда необходимые войны северных князей с болгарями и мордвою; в этой борьбе русские остаются победителями, видимо, оттесняют варваров, но тут Азия как будто собирает последние силы для отпора опасному врагу и высылает толпы татар. Основатель Нижнего Новгорода Юрий Всеволодович пал в битве с татарами; движение русских вниз по Волге было надолго остановлено. При Димитрии Донском оно начинается снова: русские полки являются опять в старинной земле Болгарской, здесь загорается последняя ожесточенная борьба между Европой и Азией, борьба, имеющая важное значение не для одной русской истории. Азиатцы основывают в Болгарской земле крепкий оплот против стремления русских и в лице их против Европы и христианства: этот оплот – Казань. После долгой, упорной борьбы Казань падает пред Иоанном IV. Как важна была Казань для Азии, видно из того, что спустя немного времени после ее завоевания устье Волги, чрез покорение Астрахани, уже находится в руках русских. В то же время русские поселения распространяются по камской системе, которая так близка к системам рек сибирских, причем переход чрез Уральские горы по их незначительной высоте был легок, незаметен для русских людей; уже при Иоанне IV козаки разведывают путь в Сибирь, причем главная их дорога по рекам; при наследниках Грозного русские утверждают здесь окончательно; малочисленные, разбросанные на огромных пространствах дикие народцы не могли выставить им сильного сопротивления; природа в удобстве водных сообщений везде дала предприимчивым русским дружинам средство с необыкновенною быстротою отыскивать *новые земли* для приведения их под высокую руку великого государя, и скоро русские грани касаются берегов Восточного океана. Заметим также, что природа, отделив Сибирь от остальной Азии пространными степями Татарии, а с востока и севера опоясав уединенными океанами и направив течение больших рек ее к северным тундрам, чрез это самое заставила ее смотреть исключительно на запад, образовала из нее нераздельную часть Европейской России.

Кроме стремления вниз по Волге, у северных князей было еще другое стремление, более важное, именно стремление на юг для соединения с Юго-Западною Русью, где находилась главная сцена действия. Мы назвали это стремление более важным, потому что хотя у князей это было только стремление к югу, для соединения с Днепровскою Русью, однако на самом деле это выходило искание центра, около которого русские области могли сосредоточиться. Стремление князей к югу усматривается в перенесении стола княжеского из Ростова в Суздаль; первый князь, который должен был остаться надолго в Ростовской области, Юрий Владимирович Долгорукий, живет уже не в Ростове, а в Суздале, городе южнейшем. Каково же положение этого города, и как вообще должно было совершаться это движение на юг? И здесь, как везде в нашей древней истории, водный путь имеет важное значение. Самая ближайшая от Которости и от Ростовского озера река к югу есть Нерль, которая сама есть приток Клязьмы, таким образом, если следовать речным путем, то после Ростова южнее будет Суздаль на Нерли, потом южнее Суздали является Владимир, уже на самой Клязьме; так и северные князья переносили свои столы – из Ростова в Суздаль, из Суздаля во Владимир. Здесь, в последнем городе, стол великокняжеский утвердился надолго, потому что северные князья, достигнув этого пункта, презрели Южною Русью и все внимание обратили на восток, начали стремиться по указанию природы вниз по рекам: Клязьмою – к Оке и Окою – к Волге. Положение Владимира было очень выгодно для того времени, когда после нашествия монголов восточные отношения играли важную роль: Владимир лежит на Клязьме, которая впадает в Оку там, где эта река принадлежит востоку. Здесь природа с своей стороны предлагает также объяснение, почему владимирские князья, устремив все свое внимание на дела северо-востока, так охладели к югу; такое охлаждение особенно замечается в деятельности Юрия II Всеволодовича. Из этого уже видно, что Владимир не мог быть сосредоточиваю-

щим пунктом для русских областей: положение его односторонне, река, на которой лежит он, стремится к финскому северо-востоку. Средоточие было найдено вследствие опять того же стремления к югу, которым особенно отличался Юрий Долгорукий. Мы видели речной путь от Ростова к югу, но этот путь вел не прямо к югу, а к юго-востоку, тогда как для отыскания центра русских областей нужно было уклониться к юго-западу, что и сделал Юрий Долгорукий, построивший на юго-запад от Ростова, по пути в Днепровскую Русь, города Переяславль-Залесский и Москву. Москва и была именно искомым пунктом, это обозначилось тотчас же в истории: в первый раз Москва упоминается в 1147 году, по случаю свидания Долгорукого с Святославом северским. Москва лежит на реке того же имени, которая течет между Волгою, Окою и Верхним Днепром. Москва-река впадает в Оку, так же как и Клязьма, с тем, однако, различием, что Клязьма впадает в Оку там, где она принадлежала финскому северо-востоку, тогда как Москва впадает именно в том месте, где Ока, обращаясь к востоку, передавала Москве обязанность служить соединением для северных и южных русских областей. Сосредоточивающий пункт долженствовал быть местом соединения севера с югом, но вместе с тем должен был носить характер северный, потому что на севере находились крепкие государственные основы, которых не было в области собственной Оки, в земле вятичей, в стране переходной, без определенного характера, впрочем, издавна примыкавшей к Южной Руси, и потому более на нее похожей. Заметим также, что Москва находилась прямо в середине между двумя племенами, из которых главным образом составилось народонаселение русское, между племенем славянским и финским.

Что касается природы московского центрального пространства, то оно представляет обширную открытую равнину с умеренным климатом, эта равнина не везде равно плодородна и в самых плодородных местах уступает южным пространствам империи, но зато она почти везде способна к обработке, следовательно, везде поддерживает деятельность, энергию человека, побуждает к труду и вознаграждает за него, а известно, как подобные природные обстоятельства благоприятствуют основанию и развитию гражданских обществ. Было сказано, что эта область не везде одинаково плодородна: северная часть менее плодородна, чем южная; это природное обстоятельство также очень важно, обуславливая первоначальную промышленность как главное занятие для южного народонаселения и промышленность, производящую для северного, дополняя, следовательно, одну часть другою, делая их необходимыми друг для друга.

Область Москвы-реки была первоначальною областью Московского княжества, и в первой деятельности московских князей мы замечаем стремление получить в свою власть все течение реки. Верховье и устье ее находились в чужих руках, следовательно, область Московского княжества была заперта с двух концов: верховье реки находилось во власти князей Можайских-смоленских, устье – во власти князей рязанских, – здесь их был город Коломна. Отсюда понятно, почему первыми завоеваниями Москвы были Можайск и Коломна князь Юрий Данилович, только овладев этими двумя городами, мог считать свою область вполне самостоятельную.

Мы видели, что распространение русских владений следовало течению рек. Во-первых, оно шло озерною новгородскою системою, потом системою Двины и Днепра к югу или юго-западу и в то же время, с другой стороны, шло путем белозерским, по Шексне, и далее к югу по системе Мологи к Волге, потом Волгою и на юг от этой реки к Оке. Навстречу этому движению от севера, которое, как видно, не шло далее Москвы, мы замечаем движение с юга по Десне – притоку Днепра, и Оке – притоку Волги. Таким образом, первоначальное распространение преимущественно шло по огромной дуге, образуемой Волгою к северу, до впадения в нее Оки, и Днепром – к югу; потом распространение происходило в середине дуги, с севера от Волги, и ему навстречу, с юга от Днепра, причем оба противоположные движения сходились в области Москвы-реки, где и образовался государственный центр. Течение Оки

от истоков ее до устья Москвы-реки и потом вместе с течением последней имело важное историческое значение, потому что служило посредствующею водною нитью между Северной и Южною Русью. Так как движение с юга, от Днепра вверх по Десне и ее притокам, шло от главной сцены действия, от Киевской области, то, естественно, было быстрее, чем противоположное ему движение с севера, из дикой, малонаселенной области Верхней Волги, и потому движение с юга скоро переходит из области Десны в область Оки, и владения черниговских Святославичей обнимают равно обе эти области: этому скорому переходу из одной речной области в другую благоприятствовала близость источников и притоков обеих рек, хотя в древности водораздел между системами Десны и Оки служил границею двух племен – северян и вятичей. Близость областей Окской и Деснинской, или, принимая обширнее. Волжской и Днепровской, и вследствие того раннее их политическое соединение были важным препятствием к разъединению Северо-Восточной, или Московской, Руси с Юго-Западною, Литовскою; вот почему волок между Угрой и Днепром, собственно разграничивающий область Днепра от Окской, не мог долгое время служить границею между обеими половинами Руси, хотя Литва и стремилась здесь утвердить границу. Область нижней Оки, от впадения Москвы-реки до Муром, и отчасти область верхнего Дона досталась младшему из сыновей Святослава черниговского, Ярославу, изгнанному из Чернигова племянником Всеволодом Ольговичем; эта область разделялась впоследствии на два княжества – Рязанское и Муромское, которые, будучи оторваны от Черниговской области по условиям историческим и находясь в связи с Ростовскою областью по условиям географическим, с самого начала находятся в большей или меньшей зависимости от последней.

Область Дона долго находилась вне русской исторической сцены, хотя по близости окских притоков к верхнему Дону и его притокам владения рязанские, с одной стороны, и черниговские, с другой, необходимо должны были захватывать и донскую систему; Дон оставался степною рекою (как он и есть по природе берегов своих) почти до самого XV века, т. е. до усиления Московского государства, которое на берегах его в XIV веке одержало первую знаменитую победу над Азиею в лице монголов. Заселение донского и волжского степного пространства принадлежит Московскому государству.

Наконец, природа страны имеет важное значение в истории по тому влиянию, какое оказывает она на характер народный. Природа роскошная, с лихвою вознаграждающая и слабый труд человека, усыпляет деятельность последнего, как телесную, так и умственную. Пробужденный раз вспышкою страсти, он может оказать чудеса, особенно в подвигах силы физической, но такое напряжение сил не бывает продолжительно. Природа, более скупая на свои дары, требующая постоянного и нелегкого труда со стороны человека, держит последнего всегда в возбужденном состоянии: его деятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работает он умом, неуклонно стремится к своей цели; понятно, что народонаселение с таким характером в высшей степени способно положить среди себя крепкие основы государственного быта, подчинить своему влиянию племена с характером противоположным. С другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, приятный климат развивают в народе чувство красоты, стремление к искусствам, поэзии, к общественным увеселениям, что могущественно действует на отношения двух полов: в народе, в котором развито чувство красоты, господствует стремление к искусству, общественным увеселениям, – в таком народе женщина не может быть исключена из сообщества мужчин. Но среди природы относительно небогатой, однообразной и потому невеселой, в климате, относительно суровом, среди народа, постоянно деятельного, занятого, практического, чувство изящного не может развиваться с успехом; при таких обстоятельствах характер народа является более суровым, склонным более к полезному, чем к приятному; стремление к искусству, к украшению жизни слабее, общественные удовольствия материальнее, а все это вместе, без других посторонних влияний, действует на исключение женщины из общества мужчин, что, разу-

меется, в свою очередь приводит еще к большей суровости нравов. Все сказанное прилагается в известной мере к историческому различию в характере южного и северного народонаселения Руси.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Постепенное распространение сведений о Северо-Восточной Европе в древности. – Быт народов, здесь обитавших. – Скифы. – Агатиры. – Невры. – Андрофаги. – Меланхлены. – Будины. – Гелоны. – Тавры. – Сарматы. – Бастарны. – Аланы. – Греческие колонии на северном берегу Понта. – Торговля. – Характер азиатского движения.

Наш летописец начинает повесть свою о Русской земле с тех пор, как слово Русь стало известно грекам; историк русский, который захочет углубиться в отдаленные времена, узнать что-нибудь о первых известных обитателях нашего отечества, должен также обратиться к грекам, начать с тех пор, как впервые имена этих обитателей появились в известиях греческих.

Во времена Гомера греческие корабли не смели еще плавать по Черному морю, тогда смотрели на это море, как на Океан, границу обитаемой земли, считали его самым большим из всех морей и потому дали ему название Понта, моря по преимуществу. Долго берега Понта считались негостеприимными по дикости их народонаселения, и море слыло *аксинос* (негостеприимным), пока ионические колонии (750 л. до р.х.) не заставили переменить это имя на приятно звучащее *евксинос* (гостеприимное). Во времена Гезиода сведения греков распространились: северные берега Понта выдвинулись в отдалении, покрытые туманами, представлявшими воображению древних странные образы – то была баснословная область, хранилище драгоценностей, обитель существ необыкновенных. Как естественно было ожидать, поэты овладели чудесною страной и перенесли туда мифы, сценою которых считались прежде берега морей ближайших. Один из них, Аристей, сам захотел посетить таинственный берег, и его поэмы, или по крайней мере выдаваемые под его именем, распространили географические сведения древних. По Аристею, на берегах Понта жили киммерияне, к северу от них – скифы, за скифами – исседоны, до которых он доходил. Потом о дальнейших странах начинались рассказы детски легковверных путешественников, купцов, подобных нашему новгородцу Гуряте Роговичу; за исседонами к северу жили аримаспы, одноглазые люди; далее за аримаспами грифы стерегли золото, и еще далее на север жили блаженные гипербореи. Встречаем древние, темные предания о нашествиях киммериян и скифов на Азию, вернее, хотя не во всех подробностях, известие о походе персидского царя Дария Гистаспа против скифов в 513 году до р. х. Между тем северные берега Понта остаются по-прежнему любимой страной поэтов: известия об них встречаем у Эсхила, Софокла и Еврипида. Возможность получать об них сведения увеличили обширная торговля колоний и множество рабов, приводимых в Грецию с северных берегов Понта и потому носивших имя скифов, но понятно, какою верностью и точностью должны были отличаться известия, почерпаемые из таких источников. Вот почему так драгоценны для нас сведения, сообщаемые Геродотом, особенно там, где он говорит как очевидец. Геродотовы известия точнее относительно страны, обитаемой скифами, но о странах, лежащих к северу от последних, он столько же знает, сколько и его предшественники, т. е. и после Геродота эта страна остается страной вымыслов. Аристотель упрекает афинян за то, что они целые дни проводят на площади, слушая волшебные повести и рассказы людей, возвратившихся с Фазиса (Риона) и Борисфена (Днепра). Говоря о севере и северо-востоке, обыкновенно прибавляли, что там обитают скифы; после Дария Гистаспа с ними вошел во враждебные столкновения Филипп Македонский: он поразил скифского царя Атеаса и вывел в Македонию большой полон – 20000 человек мужчин и женщин; завоевания Александра Македонского, оказавшие такие важные услуги географии открытием новых стран и путей в южную Азию, не касались описываемых нами стран: с европейской стороны македонские завоевания не простирались

далее Дуная. Больше сделано при наследниках Александра: Тимэй подробно говорил о скифах и Северном океане; Клеарх, ученик Аристотеля, написал сочинение о скифах; все, что до сих пор было известно о севере, собрал Эратосфен.

В таком виде греки передали римлянам свои географические познания о северных берегах Черного моря. Война с Македониею указала римлянам берега Дуная, война с Митридатом открыла путь к северным берегам Понта. Митридат в своих отчаянных попытках против римского могущества старался вооружить на Италию всех диких жителей степей от Дуная до Азовского моря. Во время Цезаря Бергист основал на берегах Дуная могущественное владение гетов, которое, впрочем, скоро разделилось и ослабело. Овидий, сосланный в Томи, перечисляет окружные народы – гетов, скифов, сарматов, языгов, бастарнов; он не упоминает о даках, которых имя часто встречается у Горация; но на свидетельствах поэтов трудно основываться: у них одно народное имя идет за другое, древнее – вместо нового. Причины, почему страны к северу от Понта не могли быть с точности исследованы, приводит Страбон: по Танаису (Дону), говорит он, мало что можно узнать выше устьев по причине холода и бедности страны; туземцы, народы кочевые, питающиеся молоком и мясом, могут сносить неприязненный климат, но иностранцы не в состоянии; притом туземцы необщительны, свирепы и дики, не пускают к себе иностранцев. Вот почему и для римлян эта страна оставалась крайною мира, которую покинули люди и боги.

Но скоро северные варвары начинают нападать на римские провинции: в 70 году по р. х. роксоланы вступают в Мизию, но принуждены уйти оттуда с большими потерями; потом даки перешли Дунай, но были также отброшены назад. Даки были первый варварский народ, которому повелители света должны были платить дань при Домициане; Троян должен был вести кровопролитную войну с предводителем их Децебалом, императору удалось превратить Дакию в римскую провинцию, многие из даков выселились, другие мало-помалу олатинились. Тацит восточными соседями германцев полагает даков и сарматов, сомневаясь, куда причислить певцинов, венедов и финнов – к германцам или сарматам. Вследствие частых столкновений с варварами известия об отдаленных странах и народах умножились, но эти известия приносились воинами, купцами; люди, которые хотели научным образом составить из их рассказов что-нибудь полное, сами не могли поверить чужих известий и потому писали наугад, произвольно, чему доказательством служит сочинение Птолемея.

Изложивши в немногих словах постепенное распространение сведений о странах, лежащих к северу от Понта, скажем несколько подробнее о быте народов, живших в этих странах, сколько о нем знали древние. Мы знаем, что имена господствовавших здесь один за другим народов были скифы и сарматы, отчего и страна называлась Скифиею, преимущественно у греков, и Сарматиею, преимущественно у римлян. Мы не можем позволить себе вдаваться в вопросы о происхождении скифов, сарматов и других соседних им народов, не имея достаточного количества данных в известиях древних писателей; чем ближе народы к первоначальному быту, тем сходнее друг с другом в обычаях, нравах, понятиях – отсюда легкость, с какою можно всякий младенчеству народ по некоторым чертам нравов, обычаев и верований причислить к какому угодно племени; несколько слов, оставшихся нам от языка этого народа, не могут вести также к твердым выводам: для выражения некоторых предметов у всех племен найдутся общие звуки. Мы войдем в исследования мифов и преданий о скифах и других древних народов только в той мере, в какой они связываются с последующими историческими явлениями, объясняют их и взаимно объясняются ими.

Оставя все многочисленные и противоречивые толкования о положении скифских рек и народов, упоминаемых у Геродота, мы из его рассказа можем вывести следующие, несомненные заключения: по Днепру – на запад до самого Днестра, на восток – очень на короткое расстояние от берега, живет народонаселение земледельческое или по крайней мере переходное, которое хотя еще и не отстало от своих степных обычаев и не привыкло к хлебу,

однако сеет его, как предмет выгодной торговли: таким образом, щедрая природа стран приднепровских необходимо приводила кочевника к оседлости или по крайней мере заставляла его работать на оседлого европейского человека; но на довольно близкое расстояние от восточного берега Днепра уже начинались жилища чистых кочевников, простираясь до Дона и далее за эту реку; чистые кочевники господствуют над всею странюю до самого Днестра и Дуная на запад, а за ними, далее к востоку, за Доном, живут в голых степях другие кочевники, более свирепые, которые грозят новым нашествием Приднепровью. Таким образом, восточное степное народонаселение господствует беспрепятственно; Европа не высылает ему соперников; ни с севера, ни с юга, ни с запада не обнаруживается никакого движения, грозит движение с одного востока и в тех же самых формах – кочевники сменяются кочевниками. У берегов Понта, при устьях больших рек, греческие города построили свои колонии для выгодной торговли с варварами, быть может, эти мирные убежища гражданственности производили хотя медленно, но заметное в истории влияние на последних? История показывает между скифами людей царского происхождения, обольщенных красотой греческих женщин и прелестями греческой цивилизации: они строят себе великолепные мраморные дворцы в греческих колониях, даже ездят учиться в Грецию, но гибнут от рук единоверцев своих, как отступники отеческого обычая – варварство в полном разгуле на берегах Понта; не греческим купцам вступить с ним в борьбу и победить его: для этого нужна большая материальная сила, для этого нужны другие многочисленные, крепкие народы и целые века медленного, но постоянного движения. Около греческих колоний живут смешанные народы – полуэллины и полускифы, но что это? скифы ли огречившиеся или греческие переселенцы, принявшие скифские обычаи, или, наконец, отрасли родственных с греками фракийских племен? На эти вопросы не дает ответа древность.

Но о скифах она знает много подробностей. По свидетельству Геродота, скифы считали себя младшим из народов и аборигенами в земле своей; от брака верховного божества, которое Геродот называет по-своему Зевсом, на дочери реки Борисфена родился в пустынной стране человек Таргитавс, у него было трое сыновей – Лейпоксаис, Арпоксаис и Колаксаис. При них упали с неба плуг, воловье иго, стрелы и чаша – все золотые. Когда оба старшие брата хотели дотронуться до этих вещей, то нашли их огненными, только младший брат мог взять их в руки и отнести в свое жилище, вследствие чего старшие передали ему царское достоинство. От трех братьев пошли разные скифские племена: от старшего – авхаты, от среднего – катиары и траопии, от младшего – царские, или паралаты – все они, вообще, носили имя скотов, а греки называли их скифами. Предание о том, что скифы суть самый младший из народов, указывает на смутное сознание о позднем появлении их на берегах Понта, но так как вместе с тем исчезло предание о стране, откуда они пришли, то явилось другое предание о происхождении скифов на берегах Днепра. Днепр, виновник плодоносия берегов своих, дающий питание всему живущему на них, необходимо явился участником и в производстве человека – он дед, по матери, праотцу скифов; если небо участвовало непосредственно в производстве праотца скифов, то оно же непосредственно научило его детей средствам к жизни: с неба упали четыре орудия, четыре символа главных занятий первобытного человека – земледелия, скотоводства, виноделия и звероловства. Младший брат захватил их себе, стал распорядителем, раздавателем средств к жизни, старшие братья должны были смотреть у него из рук – вот символ власти и подчинения! Но почему же в предании на долю младшего брата выпала власть, на долю старших – подчинение? Это указывает на исторический факт и объясняется местом жительства царственных, господствующих скифов, паралатов. Исторический факт – это покорение паралатами остальных скифов; происхождение паралатов от младшего брата указывает опять на то, что паралаты пришли позднее с востока и потому остались кочевать на берегах Дона, подчинив себе племена, прежде пришедшие и поселившиеся далее на западе, около Днепра; скифское предание вполне объяс-

няется последующими явлениями, имевшими место в этих странах, – в продолжение многих веков мы видим здесь одинаковое явление, а именно, что позднее пришедшие с востока орды подчиняют себе племена, прежде пришедшие и утвердившиеся далее на западе.

У понтийских греков существовал другой миф о происхождении скифов. В нем говорится, что Гераклес пришел в страну, заселенную после скифами, и которая тогда была пуста. Там застали его буря и холод, он завернулся в львиную кожу и заснул. Проснувшись, Геракулес увидал, что лошади, которых он оставил пастись, исчезли; он начал искать их по всей стране и когда пришел в лесную припонтийскую область Гюлэю, то нашел в пещере чудовище, ехидну, полуженщину и полужмею. На спрос Геракулеса ехидна отвечала, что лошади у нее, но что она не отдаст их до тех пор, пока он не согласится иметь с нею связь; Геракулес принужден был исполнить ее желание; плодом этой связи было трое сыновей: Агатирс, Гелон и Скиф, из которых последний, как самый достойный сын Геракулеса, остался обладателем страны и родоначальником царей скифских. Этот миф есть видоизменение первого, греческие поселенцы привели своего странствующего героя-полубога на северные берега Понта; Скифия гордилась следом стопы Геракулесовой, как одним из чудес своих, и точно дух Греции оставил здесь много дивных следов, открываемых теперь наукою. В пустыне Геракулес должен был сочетаться с чудовищем, ехидною, дочерью Борисфена, в скифском предании, и которой форма, равно как обитание в пещере Гюлэйской, указывает на первобытное состояние северных берегов Понта, только что вышедших из-под воды; от этого странного брака греческого героя с чудовищем произошли варварские и полуварварские смешанные народы, ибо гелоны, по утверждению Геродота, суть эллины, поселившиеся среди будинов. В этом мифе замечательно также для нас сближение трех народов – агатирсов, гелонов и скифов, как происшедших от одного прародителя.

Кроме мифов, историк имеет предание, которое он не усомнится принять за достоверное, если обратить внимание на положение страны и на события, случившиеся уже на памяти истории: северные берега Понта – открытая дорога между Европою и Азиею – были поэтому самому изначала местом столкновения народов, из которых один вытеснял другой из жилищ его или по крайней мере подчинял его остатки своему господству. Так Аристей, по свидетельству Геродота, рассказывал, что на северных берегах Понта жили киммерияне, к северу от них – скифы, за ними – исседоны, за этими – аримаспы (одноглазые), грифы и, наконец, у Северного океана – гипербореи. Последние оставались спокойны, но из остальных те, которые жили севернее, вытесняли живших на юге, так что киммерияне принуждены были совершенно оставить страну и уступить ее скифам. У Геродота есть другое предание, что кочевые скифы жили в Азии, к югу от Аракса; вытесненные массагетами, они двинулись к западу, в страны киммериян. Это предание имеет также много за себя для историка, потому что движение кочевых народов шло постоянно от востока к западу, притом же это предание нисколько не противоречит Аристееву: скифы, изгнанные массагетами, двинулись к северо-западу и заняли сперва страну, лежавшую к северу от киммериян, потом, теснимые исседонами, принуждены были двинуться к югу.

Относительно наружности скифы представляются у древних белокожими, краснолицыми, голубоглазыми, с мягкими, длинными, жидкими, искрасна-желтыми волосами. Скифы были очень похожи друг на друга, толсты, мясисты; браки их не отличались плодovitостью; нравы их – нравы всех младенчествующих народов; они были страстны, вспыльчивы, ленивы; их обычаи – обычаи всех кочевых народов, каких еще и теперь много питают степи Средней Азии; мужчины на лошадях, женщины и дети в кибитках, запряженных волами, перекочевывали с одного пастбища на другое; пища их – лошадиное молоко и мясо. Как все варварские народы, скифы любили опьяняться дымом пахучих трав, потом полюбили привозное из Греции вино и пили его чистое, мужчины и женщины; пили и мед. На войне скифы отличались храбростью и жестокостью: сдирали кожу с убитых врагов, пили

из черепов их; рассказы о скифских жестокостях повели к слуху, что они людоеды, питались даже мясом собственных детей своих. Сражались они конные и пешие, особенно славились скифские стрелки; стрелы намазывались ядом. Война считалась почетнейшим занятием; купцы уважались меньше, чем воины; итак, между скифами были купцы, были и земледельцы, как мы видели; для нас очень важно известие, что скифы позволяли каждому селиться на своих землях и заниматься земледелием под условием дани – так поступали всегда кочевники, которым не было дела до быта подвластных им племен, лишь бы последние исправно платили дань; это же известие объясняет нам приведенное известие Геродота о скифах, которые сеяли хлеб не для собственного употребления, а на продажу; вероятно, они продавали хлеб, чтоб заплатить дань господствующему племени. Трудно решить, одному ли владельцу повиновались скифы или многим; вождь на войне был судьей в мирное время. Скифия разделялась на округа, в каждом округе был особый начальник, для общего собрания, веча, назначалось особое место. Различие между знатными и чернью, между богатыми и бедными существовало у скифов; были у них и рабы, которых они ослепляли. Касательно религии Геродот перечисляет названия следующих божеств: Табити (Веста), Папайос (Зевс), Апия (Земля), Ойтосир (Аполлон), Артimpаса (Афродита), Тамимасада (Посейдон), кроме того упоминается о Геркулесе и Марсе; Табити (Веста), божество семьи, домашнего очага, пользовалось особенным уважением, считалось народным скифским божеством. Поклясться очагом, домашним божеством начальника, считалось величайшею клятвою, ложная клятва этим божеством причиняла, по мнению скифов, болезнь начальнику. При кочевой жизни общественное богослужение не могло быть развито у скифов, понятно, что у них не могло быть храмов; изображением Марса служил меч, этому божеству приносились годовые жертвы – лошади и другие животные, приносили в жертву и пленных, изо ста одного. Вместо жрецов и у скифов, как у всех младенчествующих народов, видим толпу кудесников, гадателей; припонтийские страны славились как местопребывание чародеев. По смерти начальников своих скифы погребали вместе с ними их наложниц, служителей, лошадей и разные необходимые для жизни вещи. Из этих главных черт скифского быта есть ли хотя одна, которой бы мы не нашли и у других младенчествующих племен? У древних, как и у новых образованных народов, между писателями иногда встречаются различные отзывы о варварских племенах: одни, поборники своего образованного общества, выставляют быт варваров с самой черной стороны, другие, наоборот, будучи недовольны испорченностью нравов, господствующею в некоторые времена у образованных народов, любят превозносить грубые нравы дикарей, возвышать их до идеальной простоты и невинности; такие противоположные мнения мы встречаем у писателей и о скифах: одни описывают грубость их самыми черными красками, делают из них людоедов, пожирающих собственных детей, другие превозносят чистоту, неиспорченность их нравов, довольство малым и упрекают греков и римлян в разврате, который они внесли к скифам.

Касательно быта других народов чуждого происхождения, но обитавших подле скифов, остались известия об агатирсах, живших к западу от скифов. Геродот называет их самым изнеженным, женоподобным народом, страстным к блестящим украшениям; жены были у них в общем пользовании будто бы для того, чтоб всем составлять одно семейство и тем избежать зависти и вражды; в остальном быт их был похож на быт фракийян. Из народов, обитавших к северу от скифов, – о неврах – ходили слухи, что они живут по-скифски и будто в известные дни каждый невр обращался в волка – поверье, сильно укорененное между восточным народонаселением Европы. Андрофаги отличались необыкновенною дикостию; меланхлены имели скифские нравы. О будинах до Геродота дошли, как видно, одни смутные слухи; можно понимать, что в близком соседстве друг с другом жили два различные народа – будины и гелоны, будины – кочевники, гелоны – оседлые: у них большой деревянный город; Геродот считает гелонов греческими переселенцами. К югу от скифов, в нынешнем Крыму,

обитали тавры – народ дикий и свирепый, живущий грабежом и войною, на крышах домов их, над печными трубами виднелись шесты с воткнутыми на них головами пленников: эти варварские трофеи охраняли дом от всякого зла, как жертва, угодная божеству. Тавры приносили пленных греков в жертву деве, имя божества – девы у самих тавров – Орейлоха; грекам казалась она то Ифигениею, то Артемидою. По природным условиям полуострова тавры, подобно скифам, разделялись на кочевых – северных и земледельческих – южных.

Как на ясной памяти истории в нынешней Южной России господство одного кочевого народа сменялось господством другого, жившего далее на восток, так и в древние времена господство скифов сменилось господством сарматов, но от этой перемены история столь же мало выиграла, как от смены печенегов половцами: переменялись имена, отношения остались прежние, потому что быт народов, сменявших друг друга, был одинакий; и сарматы, подобно скифам, разделялись на кочевых и земледельческих, на господствующих и подчиненных. Но древние заметили и некоторые особенности у сарматов, главная особенность состояла в том, что у сарматов женщины имели большую силу, отличались храбростью и мужскими упражнениями: это подало повод к сказке, что сарматы произошли от совокупления скифов с амазонками, но у древних писателей сохранилось также предание о происхождении сарматов из Мидии, предание, подтверждаемое теперь наукою. Сарматы были белокуры, свирепы на вид, носили длинные волосы и бороду, широкую одежду, расписывались по телу разными узорами, вели кочевую жизнь, не умели сражаться пешком, но на лошадях были неотразимы; отличались дикостью и жестокостью в нравах; поклонялись мечу, по другим известиям, огню, и приносили в жертву лошадей. Из сарматских племен сильнейшими явились языги на западе, в нынешней Бессарабии и Валахии, отчасти в Венгрии, и роксоланы на востоке – между Доном и Днепром; подле сарматов, на западных границах Скифии и восточных Германии, упоминается особый сильный народ бастарны, разделявшийся на три поколения – атмонов, сидонов и певцинов. При первых императорах Рима, роксоланы переходят Дунай и нападают на области Империи; при Адриане римляне принуждены были платить им ежегодно известную сумму денег; после могущество роксолан и языгов ослабело вследствие усиления готов и потом – гуннов. Незадолго до рождения Христова, или в первом веке после него, в нынешней европейской России являются аланы, пришедшие, как говорят, из стран прикавказских; римляне знали и этих страшных врагов на Дунае вместе с готами; но часть их в соединении с вандалами бросилась на запад, вместе с франками перешла Рейн, опустошила Галлию, где, как говорят, Алансон получил от них свое имя, напала на Италию, Сицилию, Грецию, вторгнулась в Испанию и, вероятно, даже в Африку. Большая часть племени оставалась, впрочем, в странах припонтийских до конца IV века, когда они на время смешались с победителями своими – гуннами, но в VI веке встречаем их опять между Доном и Волгою; здесь, равно как в странах прикавказских, византийские и арабские писатели упоминают о них в продолжение средних веков. К какому племени приписать алан, об этом еще спорят исследователи; есть основания считать их германцами; для нас, впрочем, и аланы, каково бы ни было их происхождение, остаются народом неисторическим, потому что их деятельность не отличается ничем от деятельности их предшественников: их следы также пропали в наших степях.

Мы упоминали уже о греческих колониях на северном берегу Понта. Самую значительную из них была здесь Ольвия (Борисфен, Милетополис), основанная милезийцами за 655 лет до р. х. при устье Гипаниса, или Буга. Старый город был разрушен гетами в половине последнего века до р. х, потом при участии скифов Ольвия была восстановлена, но не достигла прежнего богатства и великолепия; старый город, по Геродоту, имел предместье, рынок, дворец скифского царя Сκυλеса; по надписям видно, что в нем был гимназиум, хлебный складочный магазин, базар, рыбный рынок, корабельные верфи. Скифы производили здесь торговлю посредством семи толмачей; Ольвия имела обширные торговые связи

с греческими городами до самой Сицилии. Главным храмом считался храм Юпитера Ольвиоса, где граждане собирались для совещаний, но из божеств особенным уважением пользовался Ахиллес, певцу которого, Гомеру, также воздавались божеские почести. В стране варварской жители Ольвии не могли сохранить в чистоте греческого языка, они переняли также и скифскую одежду, в которой преобладал черный цвет. Верную картину быта греческих колонистов можно видеть в рассказе Диона Хрисостома, который в Ольвии искал убежища от преследований Домициана. Когда жители Ольвии увидели заморского оратора, то с греческой жадностью бросились послушать его речей: старики, начальники уселись на ступенях Юпитерова храма, толпа стояла с напряженным вниманием; Дион восхищался античным видом своих слушателей, которые все, подобно грекам Гомера, были с длинными волосами и с длинными бородами, но все они были также вооружены: накануне толпа варваров показала перед городом, и в то время, когда Дион произносил свою речь, городские ворота были заперты, и на укреплениях развевалось военное знамя; когда же нужно было выступить против варваров, то в рядах колонистов раздавались стихи Илиады, которую почти все ольвиополиты знали наизусть. Время падения новой Ольвии трудно определить. Кроме Ольвии, важными поселениями греческими были Пантикапея (около Керчи), служившая местопребыванием босфорским царям, потом Фанагория, которую полагают подле Тамани; кроме того, по берегам и во внутренности страны было много других торговых мест. Постоянная опасность со стороны варваров заставила все эти города вверить правление одному начальнику, вследствие чего произошло Босфорское царство. Война оборонительная влекла босфорских владельцев и к наступательной, они покорили своей власти разные окрестные варварские народы. Как начальники греческих городов, носили они название архонтов, или игемонов, как владельцы варварских народов, назывались василевсами, или этнархами. Таким образом, на берегах Понта, где сталкивалось столько разноплеменных и разнообразных народов, издавна являются странные, смешанные владения, каким в древности было Босфорское царство, в позднейшие времена – Козарское. Самую тесную связь с нашей историей имеет богатая греческая колония на Таврическом полуострове (где теперь Севастополь) – Херсонес (Херсон, Корсунь).

Существование многих торговых цветущих поселений предполагает обширную торговлю. Главным предметом вывоза с северных берегов Понта и в древности, как теперь, был хлеб, за ним следовала рыба, потом – воск, мед, кожи, мех, шерсть, лошади; рабы, как было сказано выше, составляли также одну из значительных отраслей понтийской торговли. Привоз состоял в выделанных кожах, которые в грубом виде были вывезены отсюда же, в одежде, масле, вине, произведениях искусств.

Мы видели, что, несмотря на столкновение разных народов у берегов понтийских, несмотря на их движения и борьбы, в странах этих во все продолжение так называемой древней истории господствует мертвенное однообразие: сменялись имена народов, но быт их оставался одинаков. Только однажды однообразие этого пустынного мира было нарушено движением исторического народа, походом персидского царя Дария Гистаспа; предания об этом походе любопытны для историка, потому что дают понятие о свойствах страны и народов, в ней обитавших. За 513 лет до р. х. с 700 или 800000 войска и 600 кораблей переправился персидский царь через фракийский Босфор по великолепному мосту в Европу и вступил в Скифию. Скифы не встретили полчищ персидских, но стали удаляться в глубь страны, засыпая на пути колодцы, источники, истребляя всякое произрастание; персы начали кружить за ними. Утомленный бесплодною погоней, Дарий послал сказать скифскому царю: «Станный человек! Зачем ты бежишь все дальше и дальше? Если чувствуешь себя в силах сопротивляться мне, то стой и бейся, если же нет, то остановись, поднеси своему повелителю в дар землю и воду, и вступи с ним в разговор». Скиф отвечал: «Никогда еще ни перед одним человеком не бегал я из страха, не побегу и перед тобою; что делаю я теперь, то при-

вык делать и во время мира, а почему не бьюсь с тобою, тому вот причины: у нас нет ни городов, ни хлебных полей, и потому нам нечего биться с вами из страха, что вы их завоюете или истребите. Но у нас есть отцовские могилы: попробуйте их разорить, так узнаете, будем ли мы с вами биться или нет». Одни кости мертвецов привязывали скифа к земле, и ничего, кроме могил, не оставил он в историческое наследие племенам грядущим. Персы увидели, что зашли в страну могил и обратились назад.

Вторжение персов в Скифию не произвело ничего, кроме ускоренного движения ее обитателей; попытки Митридата возбудить восток, мир варваров, против Рима остались тщетными. Движения из Азии не могли возбудить исторической жизни в странах понтийских, но вот слышится предание о противоположном движении с запада, из Европы, о движении племен, давших стране историю.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Славянское племя. – Его движение. – Венеды Тацита. – Анты и сербы. – Движение славянских племен, по русскому начальному летописцу. – Родовой быт славян. – Города. – Нравы и обычаи. – Гостеприимство. – Обращение с пленными. – Брак. – Погребение. – Жилища. – Образ ведения войны. – Религия. – Финское племя. – Литовское племя. – Ятвяги. – Готское движение. – Гунны. – Авары. – Козары. – Варяги. – Русь.

Славянское племя не помнит о своем приходе из Азии, о вожде, который вывел его оттуда, но оно сохранило предание о своем первоначальном пребывании на берегах Дуная, о движении оттуда на север и потом о вторичном движении на север и восток, вследствие натиска какого-то сильного врага. Это предание включает в себе факт, не подлежащий никакому сомнению, древнее пребывание славян в придунайских странах оставило ясные следы в местных названиях; сильных врагов у славян на Дунае было много: с запада – кельты, с севера – германцы, с юга – римляне, с востока – азиатские орды; только на северо-восток открыт был свободный путь, только на северо-востоке славянское племя могло найти себе убежище, где, хотя не без сильных препятствий, успело основать государство и укрепить его в уединении, вдалеке от сильных натисков и влияний Запада, до тех пор, пока оно, собравши силы, могло уже без опасения за свою независимость выступить на поприще и обнаружить с своей стороны влияние и на восток и на запад.

Вот это предание о первоначальном месте жительства славян и движениях их, как оно читается у нашего русского летописца: «спустя много времени после вавилонского столпотворения, сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись по земле племена и прозвались своими именами, где которое племя село на каком месте; одни пришли и сели на реке именем Морава и прозвались моравами, другие назвались чехами; а вот тоже славяне – хорваты белые, сербы и хорутане. Когда волхи нашли на славян дунайских, поселились среди них и начали насильничать, то те славяне (т. е. моравы и чехи) двинулись, сели на Висле реке и прозвались ляхами, а от тех ляхов прозвались поляне (поляки), к племени же ляхов принадлежат лутичи, мазовшане и поморяне. Также и эти славяне (т. е. хорваты белые, сербы и хорутане) двинулись и сели по Днепру» и проч. Довольствуясь достоверностью явления, мы не станем входить в исследование вопроса о том, кто был этот могущественный враг, потеснивший славян из поддунайских жилищ их. Писатели первого века нашего летосчисления знают славян под именем венедов около Вислы, между племенами сарматскими, финскими и германскими, встречается у них и имя сербов далее к востоку. Краткие указания о быте славян – венедов впервые встречаем у Тацита: Тацит сначала обнаруживает сомнение, к каким племенам причислить венедов, к германским или сарматским? Они много приняли из сарматских нравов, говорит он, потому что как разбойники скитаются по стране, лежащей между певцинами и финнами. Из этих слов мы видим, что в глазах Тацита, венеды были похожи на сарматов суровостью нравов; венеды в первом веке по р. х. отличались воинственным движением – знак еще неустановившейся жизни, недавнего переселения. Нравами венеды показались Тациту похожи на сарматов, но когда он взгляделся внимательнее в их быт, то нашелся принужденным сказать, что скорее их следует отнести к племенам европейским: они, говорит Тацит, строят дома, носят щиты и сражаются пеши, – все это совершенно отлично от сарматов, живущих в кибитке и на лошади. Таким образом, первое достоверное известие о быте славян представляет их нам народом оседлым, резко отличным от кочевников; в первый раз славянин выводится на историческую сцену в виде европейского воина – пеш и со щитом. Писатели следующих веков постоянно упоминают между главными народами Сарматии – венедов, а далее на востоке – сербов. В

половине VI века известия о племенах и жилищах славянских становятся несколько точнее: по Иорнанду, многочисленное племя венедов разделялось на два народа – славян, живших от верховья Вислы на восток до Днепра, и антов, которые были сильнее первых и жили в странах припонтйских, от Днепра до Днестра. Прокопий знает также славян и антов, прибавляя, что в древности оба народа были известны под одним общим именем споров, в котором новейшие исследователи не без вероятности видят сербов. Прокопий говорит, что на берегах Азовского моря живут утургуры, а пространство дальше от них к северу занимают бесчисленные народы антов.

От этих неопределенных указаний иностранных писателей перейдем теперь к точнейшим указаниям нашего начального летописца о расселениях восточных славянских племен, вошедших в состав Русского государства. Об этом расселении летопись говорит в трех местах; в первом месте говорится, что восточная отрасль славян, т. е. хорваты белые, сербы и хорутане, будучи потеснены врагом, двинулись на северо-восток, и одни сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах; далее сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами; некоторые сели на Двине и назвались полочанами, от имени речки Полоты, впадающей в Двину. Часть славян села также около озера Ильменя и прозвалась своим именем – славянами, эти славяне построили город и назвали его Новгородом, остальные славяне сели по Десне, по Семи, по Суле и назвались севером или северянами. В другом месте говорится, что у полян было свое княжение, у древлян – свое, у дреговичей – свое, у славян – свое в Новгороде, у полочан – свое. От них же, т. е. от полочан, кривичи, которые сидят на верховьях Волги, Двины и Днепра, у них город Смоленск; от них – северяне. Потом тут же перечисляются племена в таком порядке: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, север с прибавкою бужан, назвавшихся так по реке Бугу и прозванных после волынянами. Наконец, в третьем месте говоря о полянах и древлянах, с подтверждением, что они племени славянского, летописец прибавляет еще радимичей и вятичей, которые происходят от ляхов, т. е. от западных славян: были два брата в ляхах, Радим и Вятко; Радим пришел и сел с родом своим на реке Соже, а Вятко – на Оке. Тут же прибавлены хорваты, потом дулебы, жившие по Бугу, где во время летописца были уже волыняне; наконец, угличи и тиверцы, сидевшие по Днестру, до самого моря и Дуная, многочисленные племена, у которых были города, существовавшие до времен летописца.

Из первого известия видно, что восточные славяне двинулись от хорватов, из нынешней Галиции, прямо на восток до Днепра – то были древляне и поляне. Потом славянское народонаселение стало распространяться на север по правому берегу Днепра; между Припятью и Двиною явились дреговичи, за ними по Двине, опять прямо на север – полочане и, наконец, славяне новгородские. Кривичи пропущены в первом известии; летописец прямо переходит к ближайшим к Киеву северянам, на восточный берег Днепра, к Десне, Семи и Суле. Другое известие дополняет и объясняет первое: здесь сначала летописец пересчитывает только пять главных племен на западной стороне – полян, древлян, дреговичей, славян новгородских и полочан, но потом указывает на дальнейшее выселение: от полочан расселились кривичи по верховьям Волги, Двины и Днепра – «от них же кривичи», от кривичей на юг, по Днепру и его притокам – северяне. Следовательно, если принимать буквально известие летописца, то выйдет, что славянское народонаселение двигалось по западной стороне Днепра на север и потом спускалось на юг по восточной стороне этой реки. О других племенах – дулебах, бужанах, угличах и тиверцах, радимичах и вятичах летописец сначала не упоминает ни в первом, ни во втором известии; из этого умолчания имеем право заключить, что означенные племена явились на востоке не вследствие известного толчка от волхов и не имеют связи с перечисленными выше племенами, а явились особо.

Итак, первыми славянскими поселенцами, которых приход и причину его помнит предание, являются древляне и поляне, жители лесов и жители полей; уже эти самые местные

причины условливали разницу в нравах обоих племен, большую дикость древлян, большую склонность их жить на счет соседей, от чего терпели поляне. Это последнее племя приобрело особенное значение потому, что городок, среди него основанный, Киев, стал главным городом Русской земли. Насчет основания Киева, как вообще всех древних знаменитых городов, ходили разные предания. Название его, сходное с прилагательной притяжательной формой, заставило предположить имя основателя Кия (Кий – Киев город, как Андрей – Андреев, Петр – Петров); название разных городских урочищ, гор – Щековицы и Хоревыцы повели к предположению первых насельников – Щека и Хорива; господствующие понятия заставили связать Кия, Щека и Хорива кровным союзом, предположить в них братьев; название речки Лыбеди увеличило еще эту семью сестрою Лыбедью. Сам летописец предложил очень хорошее объяснение этого производства; Киев перевоз заставлял предполагать Кия перевозчика. Название городища *Киевец* на Дунае заставило предположить, что основателем обоих было одно и то же лицо; отсюда необходимо другое представление, что Кий был знаменитый владыка рода, ходивший в Царьград, принявший большую честь от императора и построивший на возвратном пути Киевец; позднейшие походы русских киевских князей в Грецию, к Дунаю, естественно, влекли к такому представлению точно так, как господство родовых понятий заставляло летописца предполагать в Кие князя, старейшину рода – «и Кий княжаше в роде своем», – хотя дальний поход в Грецию и желание поселиться на Дунае, в стране более привольной, обличают скорее беспокойного вождя дружины, чем мирного владыку рода. Из этих преданий историк может вывести только то, что жители Дуная и Днепра были единоплеменны, судя по сходству названий Киева и Киевца (если только последнее не явилось на Дунае во времена Святослава), точно так, как можно видеть признак общеславянского родства между племенами в сходстве названий Киева и Куявы польской, не предполагая, впрочем, здесь связи более тесной.

За древлянами следуют дреговичи, поселившиеся между Припятью и Двиною. Название дреговичей встречается у болгарских славян и в Германии. За дреговичами следуют полочане, т. е. кривичи. Старые города у них были: Изборск, Полоцк (от реки Полоты), Смоленск, позднее встречающийся в летописи Торопец (от реки Торопы), у простого народа слывет теперь Кривитепск, Кривич и Кривиг. За кривичами идут славяне новгородские. Во всех названиях племен мы замечаем, что они происходят или от мест, или от имен родоначальников, или называются собственным существительным, как например дулебы; одни только жители Новгорода и окрестных мест «прозвашася своим именем», как говорит летописец, – славянами. Эта странность может объясниться тем, что славяне ильменские, будучи позднейшими выселенцами от кривичей, не успели приобрести еще для себя видового названия в отличие от соплеменников и удерживали название родовое в отличие от чужеплеменников-финнов, которыми были окружены. Северяне, по летописцу, пошли от кривичей и поселились на реках Десне, Семи и Суле. Названия радимичей и вятичей летописец прямо производит от имен родоначальников и сообщает предание, что оба эти племени происходят от ляхов. Мы не имеем никакого права заподозрить это предание, которое показывает, что эпоха прибытия этих племен не была слишком отдаленна, о нем помнили еще во времена летописца. Что племена эти пришли позднее других, доказывают избранные ими жилища: радимичи поселились на Соже, а вятичи должны были перейти далее на восток, на Оку, потому что земли по Десне, лежащие между Сожью и Окою, уже были заняты северянами.

Касательно дулебов и бужан мы принимаем эти два названия принадлежащими одному и тому же племени, имевшему жилища свои на Западном Буге; в летописи в двух разных известиях эти племена помещены на одинаких местах, с одинаким прибавлением, что как то, так и другое племя после называлось волынянами, и ни в одной известии оба названия не поставлены вместе рядом, но где есть одно, там нет другого. О движении дулебов-бужан летописец не знает: думаем, что их должно рассматривать как отрасль хорватского племени,

поселившуюся с незапамятных пор на берегах Буга, на Волыни. Последними племенами к югу летописец считает угличей и тиверцев. В приведенных известиях о расселении племен жилища угличей и тиверцев назначены по Днестру до моря и Дуная: «Улучи (Угличи), Тиверцы сядяху по Днестру оли до моря, суть гради их и до сего дне: да то ся зваху от Грек Великая Скуфь». Но есть другое известие, из которого видно, что угличи жили прежде в низовьях Днепра; когда Игорев воевода Свенельд после упорного трехлетнего сопротивления взял их город Пересечен, то они двинулись на запад, перешли Днестр и поселились на западном его берегу, где еще теперь, в Оргеевском уезде Бессарабской области, находится деревня Пересечени или Пересечина, вероятно основанная беглецами в память прежнего их города. Указания летописца на многочисленность тиверцов и угличей, на их упорное сопротивление русским князьям, на их жилища от Днестра, или даже от Дуная до самого Днепра и, может быть, дальше на восток, не оставляют никакого сомнения, что это те самые племена, которые Прокопию и Иорнанду были известны под именем антов.

Что касается быта славянских восточных племен, то начальный летописец оставил нам об нем следующее известие: «каждый жил с своим родом, отдельно, на своих местах, каждый владел родом своим». Мы теперь почти потеряли значение рода, у нас остались производные слова – родня, родство, родственник, мы имеем ограниченное понятие семьи, но предки наши не знали семьи, они знали только род, который означал всю совокупность степеней родства, как самых близких, так и самых отдаленных; род означал и совокупность родственников и каждого из них; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи вне родовой и потому употребляли слово род также в смысле соотечественника, в смысле народа; для означения родовых линий употреблялось слово *племя*. Единство рода, связь племен поддерживались единым родоначальником, эти родоначальники носили разные названия – старцев, жупанов, владык, князей и проч.; последнее название, как видно, было особенно в употреблении у славян русских и по словопроизводству имеет значение родовое, означает старшего в роде, родоначальника, отца семейства. Существуют различные взгляды на родовой быт: одни представляют его в идиллическом виде, предполагают в нем исключительное господство нежных, родственных отношений, другие, напротив, смотрят на него с противоположной стороны, предполагают суровость отношений между отцом и детьми, между родоначальником и родичами, подавление родственных отношений правительственными, причем приводят в пример семью римскую и германскую, где отец имел право осуждать своих детей на рабство и смерть. Мы заметим, что нельзя представлять себе родового быта идиллически, нельзя забывать о первобытном, младенческом состоянии народа, которого движения, страсти мало чем обуздываются; не надобно забывать, что и у просвещенных народов родственные отношения не исключают вражды, что вражда между родичами считается самою сильною, что родовой быт, по самому существу своему, обуславливает неопределенность, случайности. Но, с другой стороны, мы не можем вполне разделять и противоположного взгляда: правда, что в быте родовом отец семейства есть вместе и правитель, над которым нет высшей власти, но не знаем, в праве ли мы будем допустить совершенное подавление родственных отношений правительственными, особенно при отсутствии всяких определений; не имеем ли мы права предположить, что родственные отношения в свою очередь смягчали отношения правительственные? Каким образом осудить их на совершенное бездействие даже в быту самом грубом? Владимир имеет право казнить жену, замышлявшую преступление, и хочет воспользоваться своим правом, но входит малютка-сын и меч выпадает из рук отцовских. Здесь главный вопрос не в том, подавлялись ли родственные отношения правительственными, но в том, как выражались самые родственные отношения? Мы не должны только по своим христианским понятиям судить о поступках языческих грубых народов; так, например, отец в семье германской и литовской осуждал на гибель новорожденных детей своих, если семья была уже многочисленна или если новорож-

денные были слабы, увечны; но такое поведение отцов, приводящее нас в ужас, проистекало у язычников из грубых понятий о родственном сострадании, а не из понятий о деспотической власти отца над детьми; язычники смотрели на жизнь человека с чисто материальной стороны: при господстве физической силы человек слабый был существом самым несчастным, и отнять жизнь у такого существа считалось подвигом сострадания; доказательством тому служит обязанность детей у германцев и литовцев убивать своих престарелых, лишенных сил родителей. Эти обычаи имели место преимущественно у племен воинственных, которые не терпели среди себя людей лишних, слабых и увечных, не могших оказывать помощи на войне, защищать родичей, мстить за их обиды; у племен, живших в стране скудной, стремление предохранить от голодной смерти взрослых заставляло жертвовать младенцами. Но у народа относительно более мирного, земледельческого, живущего в стране обильной, мы не встретим подобных обычаев; так, не встречаем их у наших восточных славян: летописец, говоря о черной стороне языческого быта последних, не упоминает об означенных обычаях; даже у славян померанских, которые по воинственному характеру своему и по соседству с племенами германскими и литовскими являются более похожими на последних, даже и у этих славян с престарелыми и слабыми родителями и родственниками обходились совершенно иначе, чем у германцев и литовцев. Вообще же должно остерегаться делать точные определения первоначальному родовому обществу в том или другом смысле.

Отношения родоначальника к родичам понятны, когда род состоит из одних нисходящих, но когда отец, дед или прадед умирает, то каким образом поддерживается единство рода? Оно поддерживалось восстановлением отеческой власти, один из старших родичей занимал отцовское место. Старинная чешская песня говорит: «Когда умрет глава рода, то все дети сообща владеют имением, выбравши себе из роду своего владыку». Так теперь у южных славян, удержавших черты древнего быта, часто деревня состоит из одного рода, который управляется сам собой и сообщается с высшими властями страны посредством своего главы, *старшины*. Этот старшина не всегда бывает физически старшим в роде, он избирается в свою должность собранием всех родичей, которые торжественно сажают его на первое место под иконы, откуда и в нашей древней истории сохранился обряд и выражение *посадить князя*. Избранный старшина управляет всеми работами, хранит общественную казну, вносит подати, раздает своим детям и братьям пищу и одежду, наказывает их за проступки; в большие праздники он напоминает о древнем значении владыки рода, как жреца, потому что окруженный всеми родичами кадит иконы. Последующая история Рюрикова княжеского рода показывает, что и в быте наших восточных славян имели место те же самые явления: старший брат обыкновенно заступал место отца для младших. К старшинству последнего родичи привыкали еще при жизни отца: обыкновенно в семье старший сын имеет первое место по отцу, пользуется большею доверенностью последнего, является главным исполнителем его воли; в глубокой старости отца заступает совершенно его место в управлении семейными делами; отец при смерти обыкновенно благословляет его на старшинство после себя, ему поручает семью. Таким образом, по смерти отца старший брат, естественно, наследует старшинство, становится в *отца место* для младших. Младшие братья ничего не теряли с этою переменою: старший имел обязанность блюсти выгоды рода, думать и гадать об этом, иметь всех родичей как душу; права его состояли в уважении, которое оказывали ему как старшему; к нему относились во всех делах, касающихся рода; без его ведома и согласия ничего не делалось, он был распорядителем занятий, раздавателем пищи и одежды, он судил и наказывал, но все эти распоряжения получали силу только при общем согласии, когда все видели, что старший поступает с ними, как отец, наблюдает строгую справедливость; власть, сила старшего основывалась на согласии младших, это согласие было для старшего единственным средством к деятельности, к обнаружению своей власти, вследствие чего младшие были совершенно обеспечены от насилий старшего, могущего действовать

только чрез них. Но легко понять, какие следствия могла иметь такая неопределенность прав и отношений: невозможно, чтобы младшие постоянно согласно смотрели на действия старшего; каждый младший, будучи недоволен решением старшего, имел возможность восстать против этого решения; он уважал старшего брата, как отца, но когда этот старший брат, по его мнению, поступал с ним не как брат, не как отец, не по-родственному, но как чужой, даже как враг, то этим самым родственный союз, родственные отношения между ними рушились, рушились вместе все права и обязанности, ничем другим не определенные. Если большинство братьев принимало сторону старшего против младшего, то, разумеется, последний должен был или покориться общей воле, или выйти из рода, но могло очень случиться, что сторону младшего принимали другие братья – отсюда усобицы и распадение рода; если же все младшие принимали сторону одного из своих против старшего, то последний должен был или исполнить общую волю, или выйти из рода, который избирал другого старшего. Такие случаи могли быть нередки, как увидим в последующей истории Рюрикова княжеского рода; из этой истории мы знаем также, каким исключениям подвергался обычай давать княжения всегда старшему в роде, знаем, как терялись права на старшинство вследствие разных случайных обстоятельств, когда, например, личному достоинству младшего отдавалось преимущество пред правом старшего; могло случаться, что сам отец при жизни своей, будучи недоволен поведением старшего, отнимал у него значение старшинства, которое передавал младшему; случаи исключения из старшинства, борьба за него должны были происходить чаще, когда род дробился все более и более, *племена* (линии) расходились и родственная связь ослабевала – отсюда необходимо проистекала вражда, усобица между членами рода и линиями, от них происходившими. Такая внутренняя вражда должна была оканчиваться отторжением некоторых линий от общей родовой связи и выселением их на другие места, но так как причиною выселений была вражда, то ясно, что выселившиеся линии, образовавшиеся в особые роды, не могли жить в дружественных отношениях с прежними родичами.

Обширность и девственность населенной восточными славянами страны давали родичам возможность выселяться при первом новом неудовольствии, что, разумеется, должно было ослаблять усобицы; места было много, за него по крайней мере не нужно было ссориться. Но могло случаться, что особенные удобства местности привязывали к ней родичей и не позволяли им так легко выселяться – это особенно могло случаться в городах, местах, выбранных родом по особенному удобству и огороженных, укрепленных общими усилиями родичей и целых поколений; следовательно, в городах усобицы должны были быть сильнее. О городской жизни восточных славян, из слов летописца, можно заключать только то, что эти огороженные места были обиталищем одного или нескольких отдельных родов: Киев, по летописцу, был жилищем рода; при описании междоусобий, предшествовавших призванию князей, летописец говорит, что встал род на род; из этого ясно видно, как развито было общественное устройство, видно, что до призвания князей оно не переходило еще родовой грани; первым признаком общения между отдельными родами, живущими вместе, должны были быть общие сходки, советы, веча, но на этих сходках мы видим и после одних старцев, у которых все значение; что эти веча, сходки старшин, родоначальников не могли удовлетворить возникшей общественной потребности, потребности наряда, не могли создать связи между соприкоснувшимися родами, дать им единство, ослабить родовую особность, родовой эгоизм, – доказательством служат усобицы родовые, кончившиеся призванием князей. Несмотря на то, первоначальный славянский город имеет важное историческое значение: городская жизнь, как жизнь вместе, была гораздо выше разрозненной жизни родов на особых местах, в городах более частые столкновения, более частые усобицы должны были скорее повести к сознанию о необходимости наряда, правительственного начала. Остается вопрос: какое отношение было между этими городами и народонаселением, вне их живущим, было ли это народонаселение независимо от города или подчинено

ему? Естественно предположить город первым пребыванием поселенцев, откуда народонаселение распространялось по всей стране: род являлся в новой стране, селился в удобном месте, огораживался для большей безопасности и потом уже вследствие размножения своих членов наполнял и всю окрестную страну; если предположить выселение из городов младших членов рода или родов, там живущих, то необходимо предположить связь и подчинение, подчинение, разумеется, родовое – младших старшим; ясные следы этого подчинения мы увидим после в отношениях новых городов или пригородов к городам старым, откуда они получили народонаселение. Но, кроме этих родовых отношений, связь и подчиненность сельского народонаселения городскому могли скрепляться и по другим причинам: сельское народонаселение было разбросано, городское совокуплено, и потому последнее имело всегда возможность обнаруживать свое влияние над первым; в случае опасности сельское народонаселение могло находить защиту в городе, необходимо примыкало к последнему и поэтому уже самому не могло сохранить равного с ним положения. На такое отношение городов к окружающему народонаселению находим указание в летописи: так говорится, что род основателей Киева держал княженье среди полян. Но, с другой стороны, мы не можем предполагать большой точности, определенности в этих отношениях, ибо и после, в историческое время, как увидим, отношение пригородов к старшему городу не отличалось определенностию, и потому, говоря о подчинении сел городам, о связи родов между собою, зависимости их от одного центра, мы должны строго различать эту подчиненность, связь, зависимость в дорюриковское время от подчиненности, связи и зависимости, начавших утверждаться мало-помалу после призвания князей варяжских; если сельчане считали себя *младшими* относительно горожан, то легко понять, в какой степени признавали они себя зависимыми от последних, какое значение имел для них старшина городской. Городов, как видно, было немного: знаем, что славяне любили жить рассеянно, по родам, которым леса и болота служили вместо городов; на всем пути из Новгорода до Киева, по течению большой реки, Олег нашел только два города – Смоленск и Любеч; у древлян упоминаются города, кроме Коростеня; на юге должно было находиться больше городов, здесь более было нужды в защите от нашествия диких орд, да и потому, что место было открытее; у тиверцев и угличей были города, сохранившиеся и во времена летописца; в средней полосе – у дреговичей, радимичей, вятичей – не встречается упоминания о городах.

Кроме преимуществ, которые город (т. е. огороженное место, в стенах которого живет один многочисленный или несколько отдельных родов) мог иметь над окружающим рассеянным народонаселением, могло, разумеется, случаться, что один род, сильнейший материальными средствами, получал преимущество перед другими родами, что князь, начальник одного рода, по своим личным качествам получал верх над князьями других родов. Так, у южных славян, о которых византийцы говорят, что у них много князьков и нет единого государя, иногда являются князья, которые по своим личным достоинствам выдаются вперед, как например знаменитый Лавритас. Так и у нас в известном рассказе об Ольгиной мести, у древлян сначала на первом плане является князь Мал, но заметим, что здесь нельзя еще принимать Мала непременно князем всей Древлянской земли, можно принимать, что он был князь коростенский только; что в убиении Игоря участвовали одни коростенцы под преимущественным влиянием Мала, остальные же древляне приняли их сторону после по ясному единству выгод, на это прямо указывает предание: «Ольга же устремися с сыном своим на Искоростень город, яко те бяху убили мужа ея». Малу, как главному зачинщику, присудили и жениться на Ольге; на существование других князей, других державцев земли, указывает предание в словах послов древлянских: «Наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю», об этом свидетельствует и молчание, которое хранит летопись относительно Мала во все продолжение борьбы с Ольгою. Родовой быт условливал общую, нераздельную собственность, и, наоборот, общность, нераздельность собственности слу-

жила самую крепкую связью для членов рода, выделение условливалось необходимо и расторжение родовой связи. Известная уже чешская песня говорит: «когда умрет родоначальник, то все дети сообща владеют оставшимся именем, выбравши себе владыку из рода». Общее владение родовой собственностью необходимо заставляло родичей восстанавливать значение отца, выбрать кого-нибудь из себя в отца место, а выбор кого-нибудь вместо отца, следовательно, возобновление прежних отношений, как они были при жизни отца, условливалось необходимо и общее, нераздельное владение. Должно заметить, что родовую связь и общую, нераздельную собственность поддерживала простота быта, малочисленность нужд, легко удовлетворяемых общими первоначальными занятиями родичей.

Что касается нравов и обычаев славян языческих, то они условливаются преимущественно тогдашним народным бытом их. Сличив известия современников-чужеземцев, мы находим, что вообще славяне своею нравственностью производили на них выгодное впечатление: простота нравов славянских находилась в противоположности с испорченными нравами тогдашних образованных или полуобразованных народов. Так, встречаем отзывы, что злые и лукавые попадаются очень редко между славянами. Доброта не исключала, впрочем, свирепости и жестокости в известных случаях; те же писатели, которые хвалят доброту славян, рассказывают ужасы об обхождении их с пленными, с проповедниками христианства; здесь же следует удивляться противоречию свидетельств: так часто бывает у людей и целых народов, добрых по природе, но предоставленных влечениям одной только природы. Одни писатели называют славян нелукавыми, другие – вероломными: это противоречие объясняется известием, что между славянами господствовали постоянно различные мнения; ни в чем они не были между собою согласны, если одни в чем-нибудь согласятся, то другие тотчас же нарушают их решение, потому что все питают друг к другу вражду и ни один не хочет повиниться другому. Такое поведение проистекало, естественно, из разрозненности, особенности быта по родам, из отсутствия сознания об общем интересе вне родового.

Все писатели единогласно превозносят гостеприимство славян, их ласковость к иностранцам, которых усердно провожали из одного места в другое, и если случится, что странник потерпит какую-нибудь беду по нерадению своего хозяина, то сосед последнего вооружается против него, почитая священным долгом отомстить за странника; о северо-западных славянах рассказывают, что у них считалось дозволенным украсть для угощения. Гостеприимство есть черта, принадлежащая не одним славянам: у греков нарушить долг гостеприимства, значило оскорбить высшее божество – Зевеса; и теперь путешественники удивляются гостеприимству дикарей Северной Америки. Чем затруднительнее странствование, чем с большими опасностями сопряжено оно, тем сильнее чувствует в себе народ обязанность гостеприимства; особенно должны были чувствовать эту обязанность славяне – народ, более других подвергавшийся враждебным столкновениям и с своими, и с чужими, нападениям и изгнанию. Но, кроме сострадания, гостеприимство имело еще и другие причины: для народа, живущего в простоте нравов, чужестранец, странник был явлением важным, любопытным; сколько наслаждений мог он доставить рассказом о своих похождениях! С другой стороны, человек много странствовавший, следовательно, много видевший, много знающий, всегда и везде пользовался большим уважением, являлся существом необыкновенным, героем, потому что дерзал преодолевать страшные препятствия, соединенные тогда с путешествием, – удача в этом преодолении была знаком особенной милости богов; бояться одинокого странника было нечего, научиться от него можно было многому, оскорбить любимца богов было страшно. Сюда должно присоединить и религиозные понятия: каждое жилище, очаг каждого дома был местопребыванием домашнего божества; странник, входивший в дом, отдавался под покровительство этого божества; оскорбить странника значило оскорбить божество. Наконец, странник, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносил добрую славу о человеке и роде гостеприимном. Славянин считал дозволенным украсть для

угощения странника, потому что этим угощением он возвышал славу целого рода, целого селения, которое потому и снисходительно смотрело на кражу: это было угощение на счет целого рода.

Писатели хвалят обхождение славян с пленными, которым оставлена жизнь; говорят, что у славян пленные не рабствовали целый век, как у других народов, но что назначен был известный срок, по прошествии которого они были вольны или возвратиться к своим, давши окуп, или остаться жить между славянами в качестве людей вольных и друзей. Здесь должно заметить, что желание иметь рабов и удерживать их как можно долее в этом состоянии бывает сильно, во-первых, у народов, у которых хозяйственные и общественные отправления сложны, роскошь развита; во-вторых, рабы нужны народам, хотя и диким, но воинственным, которые считают занятие войною и ее подобием, охотою за зверями единственно приличными для свободного человека, а все хлопоты домашние слагают на женщин и рабов; наконец, как ко всякому явлению, так и к явлению рабства посреди себя народ должен привыкнуть, для этого народ должен быть или образован и приобретать рабов посредством купли, или воинственен и приобретать их как добычу, или должен быть завоевателем в стране, которой прежние жители обратились в рабов. Но славяне жили под самыми простыми формами быта, быта родового, их хозяйственные отправления были нетрудны и несложны, в одежде, в жилищах господствовало отсутствие всякой роскоши; при всем этом и при постоянной борьбе с своими и с чужими, при постоянной готовности покинуть свое местопребывание и спастись от врага рабы могли только затруднять славянское семейство, а потому и не имели большой ценности. Потом известно, что воинственность не была господствующею чертою славянского народного характера и что славяне вовсе не гнушались земледельческими занятиями. У народа, в простоте родового быта живущего, раб не имеет слишком большого различия от членов семьи, он бывает также младшим членом ее, малым, юным; степень его повиновения и обязанностей ко главе семьи одинакова со степенью повиновения и обязанностей младших членов к родоначальнику.

Мы заметили, что на иностранных писателей нравы славян производили благоприятное впечатление, они отзываются о них с похвалою; вовсе не так снисходителен к древним славянским нравам и обычаям наш начальный летописец, духовный христианский, который потому с омерзением смотрел на все, что напоминало о древнем язычестве. Исключая полян, имевших обычаи кроткие и тихие, стыдливых перед снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровьями и деверьями, имевших брачный обычай, нравы остальных племен у него описаны черными красками: древляне жили по-скотски, убивали друг друга, ели все нечистое, и брака у них не было, а похищение девиц. Радимичи, вятичи и северяне имели одинакий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое, срамословили перед отцами и перед снохами, браков у них не было, но игрища между селами, где молодые люди, стговорившись с девицами, похищали их; держали по две и по три жены. Если кто умрет, творили над ним тризну, сожигали труп и, собравши кости, складывали в малый сосуд, который ставили на столпе, на распутии.

При этом описании нельзя не заметить, что летописец, верный понятиям своего времени, преимущественно обращает внимание на семейные нравы и обычаи племен, в них полагает различие между последними. Основа семьи, узел ее – это брак, отсюда понятно, как важно было различие во взгляде на это явление у разных племен, это-то различие в обычае брака летописец и приводит как основное нравственное различие между племенами. У некоторых племен, по его свидетельству, брака не было, жен себе похищали, следовательно, под выражением «не имели брака» мы должны разуметь только то, что они не совершали брака, как должно, по мнению летописца, т. е. с согласия родственников невесты, как было у полян. Здесь представляется вопрос: при каких обстоятельствах могло иметь место похищение девиц в родовом быту? Если род, разветвляясь, сохранял единство, все члены его жили

вместе, повинуюсь одному старшине, то позволялось ли им вступать в брак в своем роде в известных степенях? Впоследствии князья Рюриковичи вступали в брак в своем роде в седьмой и даже шестой степени родства: у языческих славян род мог легко сохранять единство при этих степенях; легко предположить также, что у язычников браки позволялись и в степенях ближайших, особенно при многоженстве. Если браки совершались внутри рода, то ясно, что в таком случае похищение не могло иметь места, постоянное сожителство четы должно было быть следствием согласия целого рода, воли отца – старшины; таким образом, похищение могло иметь место только в том случае, когда девушка была из чужого рода, из чужого села. Здесь похищение не было следствием одной враждебности родов, потому что если члены разных родов сходились вместе на одни игрища (по всей вероятности, религиозные), то нельзя предполагать между ними вражды; здесь, кроме вражды, похищение должно было произойти оттого, что каждый род берег девушку для себя, для своих членов и не хотел уступить ее чужеродцам, и если члену одного рода понравилась на игрище девушка из чужого рода, то, чтоб иметь ее женою, ему необходимо было ее похитить. Это похищение, естественно, производило вражду между родами; род, оскорбленный похищением, может одолеть род похитителя и требовать удовлетворения, вознаграждения: это самое ведет уже к продаже; похититель может тотчас после увода, не дожидаясь войны, предложить вознаграждение, на такое явление указывает свадебный обряд, сохранившийся и теперь в некоторых местах у простого народа: «Подле невесты садится брат или другой какой-нибудь родственник. Дружко спрашивает его: зачем сидишь здесь? – Я берегу свою сестру. – Она уже не твоя, а наша, – возражает дружко. – А если она теперь ваша, то заплатите мне за ее прокормление. Я одевал ее, кормил, поил». Это вознаграждение не могло быть малое, потому что число женщин не могло быть велико: вспомним, что у славян было в обычае многоженство, вспомним также и другой обычай, по которому жены следовали в могилу за мужьями; обычай же многоженства и недостаток в женщинах необходимо умножали случаи похищения.

Но если похищения могли иметь место при разрозненности родов, живших особо, в разных селах, жители которых сходились редко, только на игрища (религиозные праздники), то могли ли они иметь место в городах, где несколько родов жило на одном месте, где, следовательно, не могло быть такой разрозненности, особенности между ними – напротив, сношения непрерывные? Здесь при беспрестанном столкновении молодых людей обоюбого пола из разных родов было невозможно для последних удерживать своих девушек для себя и давать поводы к похищениям, которые должны были быть чрезвычайно часты, вести к ежедневным ссорам между соседями; напротив, старшинам родов даже во взаимных борьбах часто могло быть выгодно скреплять свои отношения к другим родам взаимными брачными связями между их и своими членами. Здесь, в городах, необходимо должен был произойти обычай сватовства, брачный обычай; по выражению летописца, браки должны были заключаться с согласия родственников невесты. Как же они заключались? Разумеется, условия должны были зависеть от старшин, обязанных блюсти выгоды рода; естественно, что обычай давать *вено*, или цену за вывод из рода, мог долго иметь место: нужда была на стороне жениха, на стороне его рода, а не на стороне рода невесты, для которого девушка не могла быть лишнею. Но, с другой стороны, плата за содержание, при обычае взаимных браков между членами разных родов с согласия последних, теряла свое значение: если род отпускал девушку в чужой род, то в то же время он имел возможность приобрести жен для своих членов из чужого рода; напротив, здесь, в городах, где браки заключались с согласия родственников невесты, давался простор чувству родительской привязанности, которая, простираясь одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтоб и последние не исключались из наследства и, выходя из рода, брали свою часть, которая давала им возможность лучшего существования в чужом роде; отсюда происхождение приданого; в городах близость поддерживала тес-

ные родственные отношения между родами, вошедшими в связь посредством брака своих членов; привязанность отца к дочери поддерживалась частыми свиданиями, отец получал возможность наблюдать за поведением новых родных относительно дочери, за ее выгодами; дочь не выходила из рода, но распространяла род, привязывая к своему старому роду еще новый род мужа; произошло явление, которое увидим после в отношениях между князьями Рюриковичами и которое, без сомнения, имело место и в других родах, а именно: *племя* дочери, сестры стало сравниваться с племенем сына, брата, свойственники вошли в отношения родственников; так, *сестричич*, сын сестры, хотя бы принадлежал к враждебному роду, считался своим; так, муж старшей сестры считался старшим братом относительно младших шурьев, старший шурина – относительно младших зятьев. Уже замечено было, что вено, или плата за невесту, была в тесной связи с похищением: если девушка, сговорясь на игрище с чужанином, убегала с ним в чужой род, то тем самым, разумеется, разрывала всякую связь с покинутым ею родом, не имела права надеяться чего-нибудь получить от него, и прежние родичи заботились только о том, чтоб получить за нее плату, чтоб она не пропала для рода даром; но если девушка оставляла род с согласия его, с согласия старшины, отца, то ясно, что последний обязан был заботиться о ее благосостоянии, как о благосостоянии каждого другого члена рода, обязан был наделить ее всем нужным, вследствие чего *вено*, прежняя цена за вывод девушки из рода, у некоторых славянских племен потеряла свое значение: вено вместе с приданым начало обращаться в собственность жены. Но у наших славян, как видно, вено, не теряя вполне своего значения, перешло в подарки от жениха родным невесты, а самое слово начало означать вообще брачные условия, брачную запись. Заметим опять, что вено как цена за выведенную из рода девушку находится в тесной связи с похищением, а приданое – с выдачею замуж при согласии родственников невесты, и что первый обычай должен был господствовать у народонаселения, которое жило отдельными родами, а второй – должен был произойти в городах, где на одном месте жило несколько родов.

Многоженство у всех племен славянских есть явление несомненное; наш летописец говорит о восточных славянах, что они брали по две и по три жены; обычай многоженства сохранялся и долго после введения христианства. Что касается положения славянской женщины, то девушки, как видно, пользовались полною свободою: летописец говорит, что они сходились с молодыми людьми чужих родов на игрищах, имели возможность совещаться с ними для бегства. Что же касается до положения жены, то, разумеется, при условиях того быта, который мы застаем у языческих славян, мы не имеем права ожидать большого уважения слабейшему полу от сильнейшего; разумеется, мы не должны искать у языческих славян того тонкого уважения к женщине, которое дается только христианским взглядом на отношения двух полов и которое летописец называет стыднем; отсутствие этого стыдня и ведет необходимо к многоженству. Но при этом у народа первобытного, разумеется, мы не встретим никаких определений, которые осуждали бы женщину на вечное унижение и ничтожество, которые не позволяли бы ей выказывать свою силу умственную, иногда и физическую, приобретать посредством этой силы уважение и влияние.

Иностранные писатели удивляются привязанности славянских женщин к мужьям, за которыми они следовали даже в могилу. Если женщина выходила замуж в чужой род, то при строгом и ревнивом надзоре новых родичей муж был единственным существом, от которого она ждала и любви и покровительства; умирал муж – положение жены, лишившейся единственной опоры, единственного звена, соединявшего ее с чужою семьею, становилось горько. Но при этом очень вероятно также, что у славян, так как и у германцев, было верование, что мужчина легче достигает блаженства в будущей жизни, если приходит туда в сопровождении женщины. Впрочем, справедливо замечают, что этот обычай не был вкоренен между славянами.

После брачного обычая, в котором резче всего выражаются нравственные понятия народа, для летописца, христианского монаха, был всего важнее обычай погребения, в котором выражаются обыкновенно понятия народа о загробной жизни, и потому в летописи читаем описание этого обычая. Радимичи, вятичи, северяне и кривичи совершали тризну над покойником, потом сожигали труп, кости собирали в небольшой сосуд, который ставили на столбе при дороге. В чем состоял погребальный обычай у полян во времена язычества, об этом летописец молчит и тем дает знать, что обычай полян был одинаков с обычаем других племен; употребление тризны у полян видно из того, что св. Ольга, жившая в Киеве, среди этого племени, запретила совершать по себе тризну. Под именем тризны разумелись, как видно, вообще поминки и потом преимущественно борьба в честь умершего, с поминками соединялся веселый, пьяный пир, также резание и царапание лица в знак печали. Одновременно с обычаем сожигания и ставления урн с пеплом на придорожных столбах существовал и обычай погребения в могилах, которые сыпали холмами.

Иностранцы писатели говорят, что славяне жили в дрянных избах, находящихся в далеком расстоянии друг от друга, и часто переменили место жительства. Такая непрочность и частая перемена жилищ была следствием непрерывной опасности, которая грозила славянам и от своих родовых усобиц, и от нашествий чуждых народов. Вот почему славяне вели тот образ жизни, о котором говорит Маврикий: «У них недоступные жилища в лесах, при реках, болотах и озерах; в домах своих они устраивают многие выходы на всякий опасный случай; необходимые вещи скрывают под землю, не имея ничего лишнего наружи, но живя, как разбойники». Одинакая причина, действовавшая долгое время, производила одинакие следствия, жизнь в беспрестанном ожидании вражских нападений продолжалась для восточных славян и тогда, когда они уже находились под державою князей Рюрика дома; печенеги и половцы сменили авар, козар и других варваров, усобицы княжеские сменили усобицы родов, восстававших друг на друга, следовательно, не могла исчезнуть и привычка переменивать места, бегая от неприятеля; вот почему киевляне говорят Ярославичам, что если князь не защитят их от гнева старшего своего брата, то они покинут Киев и уйдут в Грецию. Половцев сменили татары, княжеские междоусобия продолжались на севере; как скоро начнутся княжеские усобицы, народ покидает свои жилища, а с прекращением усобиц возвращается назад; на юге беспрестанные набеги усиливают козачество, и после на севере разбрестися розно от какого бы то ни было насилия и тяжести было нипочем для жителей; при этом должно прибавить, что природа страны сильно благоприятствовала таким переселениям. Привычка довольствоваться малым и всегда быть готову покинуть жилище, поддерживала в славянине отвращение к чуждому игу, о чем заметил Маврикий. Родовой быт, условливавший разъединение, вражду и, следовательно, слабость между славянами, условливал необходимо и образ ведения войны: не имея одного общего начальника и враждуя друг с другом, славяне уклонялись от сколько-нибудь правильных сражений, где бы должны были биться соединенными силами на местах ровных и открытых. Они любили сражаться с врагами в местах узких, непроходимых, если нападали, то нападали набегом, внезапно, хитростию, любили сражаться в лесах, куда заманивали неприятеля бегством, и потом, возвратившись, наносили ему поражение. Вот почему император Маврикий советует нападать на славян зимою, когда им неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снег препятствует движению бегущих, да и съестных припасов у них тогда мало. Особенно отличались славяне искусством плавать и скрываться в реках, где могли оставаться гораздо долее, чем люди другого племени, они держались под водою, лежа на спине и держа во рту выдолбленный тростник, которого верхушка выходила на поверхность реки и таким образом проводила воздух скрытому пловцу. Вооружение славян состояло в двух малых копьях, некоторые имели и щиты, твердые и очень тяжелые, употребляли также деревянные луки и маленькие стрелы, намазанные ядом, очень действительным, если искусный врач не подаст скорой

помощи раненому. У Прокопия читаем, что славяне, вступая в битву, не надевали лат, на некоторых не бывало даже ни плаща, ни рубашки, одни только порты; вообще Прокопий не хвалит славян за опрятность, говорит, что, подобно массагетам, они покрыты грязью и всякою нечистотою. Как все народы, в простоте быта живущие, славяне были здоровы, крепки, легко сносили холод и жар, недостаток в одежде и пище. О наружности древних славян современники говорят, что они все похожи друг на друга, высоки ростом, статны, кожа у них не совершенно бела, волосы длинные, темнорусы, лицо красноватое.

Религия восточных славян поразительно сходна с первоначальной религиею арийских племен: она состояла в поклонении физическим божествам, явлениям природы и душам усопших, родовым, домашним гениям; следов героического элемента, так сильно развивающего антропоморфизм, мы не замечаем у наших славян: знак, что между ними не образовывались завоевательные дружины под начальством вождей-героев, и что переселения их совершались в родовой, а не в дружинной форме. Основываясь на определенных указаниях современников, мы находим у наших славян при поклонении многим различным явлениям природы под разными именами божеств поклонение одному верховному божеству, к которому остальные находились в подчиненном отношении; это верховное божество, по свидетельству одного из древнейших писателей о славянах, Прокопия, было божеством молнии, которое наш летописец называет Перуном. Явление грозы, молнии есть самое поразительное из явлений природы; немудрено, что первобытный человек дал ему первое место между всеми другими явлениями; он не мог не заметить благотворного влияния грозы на жизнь природы; не мог не заметить, что свет молнии независимо во всякое время обнаруживает свое могущество, тогда как например действия солнца ограничены, подвержены известному закону, могут обнаруживаться, только в известное время, уступая владычество другому, противоположному и, следовательно, враждебному, началу – мраку; солнце затмевалось, погибало в глазах первобытного человека; молния никогда в глазах его не теряла своего могущества, не побеждалась другим началом: свет молнии сопровождается обыкновенно живительным для природы дождем – отсюда необходимое представление, что Перун ниспосылает дождь жаждущей природе, которая без того погибла бы от жгучих лучей солнца: таким образом, молния являлась для язычника силою производящею, с характером божества высшего, действующего, правящего по преимуществу, умеряющего, исправляющего вред, наносимый другими божествами, тогда как солнце, например, и для поклоняющегося ему язычника являлось чем-то страдательным, не имеющим распорядительной силы в природе, подчиненным. Наконец, значение верховного божества-правителя молния получала в глазах язычника по причине своей страшной карательной силы, действующей быстро и непосредственно.

Имеем право думать, что Перун у языческих славян носил еще другое название – Сварога. Верховное божество Сварог-Перун порождало двоих сыновей, двух Сварожичей: солнце и огонь. Поклонение солнцу, как видно, было сильно распространено между славянами; в «Слове о полку Игореву» русские называются внуками Дажбога, если так, то к нему имеем право относить известные воззвания в наших песнях: Дид (дед) Ладо; последнее название, означающее свет, красоту, мир, любовь, радость, всего приличнее может относиться к солнцу, другой припев: Люль, Лель означает также деда. Кроме названий Ладо и Дажбога, к солнцу же не без основания относят имена Хорса, Сура, или Тура, Волоса. Вместе с солнцем обоготворялись месяц и звезды, находившиеся к солнцу, как видно, в родственных отношениях; обоготворялись также вода и воздух.

Если славяне поклонялись явлениям природы, то легко догадаться, при каких случаях, в какое время года будут они торжествовать свои религиозные праздники. Так например, они праздновали в конце декабря, когда солнце начинает брать силу, дни начинают прибывать; этот праздник, совпадающий теперь с праздником рождества Христова, носит преиму-

ственно название Коляды; существенный обряд праздника состоит в хождении славить (божество) и собирать подаяние; как видно, во времена языческие приношения собирались для общей жертвы. В некоторых местах Коляда известна под названием Авсень, или Таусень, что можно принимать измененным Ясень – также, по всем вероятностям, имя солнца. Вторым праздник торжествовался в начале весны, но так как это время приходит в великий пост, то по принятии христианства празднование перенесено на конец рождественского мясоеда и отчасти на Светлое воскресенье. Итак, масленица есть языческий весенний праздник. Встреча весны и проводы зимы празднуются у всех славянских народов почти с одинаковыми обрядами: употребляется заклинание весны с разными приветями; в Малороссии и у западных славян зима или смерть олицетворяются в образе женщины под именем Мары, Мараны, Марены, чучелу которой сожигают. Весну встречают обыкновенно на Красной горке. Тут начинаются хороводы, или короводы, религиозное значение которых и отношение к солнцу не подлежат сомнению. Время воскресенья всей природы и усиления желаний считалось самым приличным временем для заключения брачных союзов и для поздравления молодых супругов: это поздравление известно под именем вьюнитства.

Третий праздник имеет место 23 июня и известен под именем Ивана Купалы, потому что происходит на Иванов день. Этот праздник, как и два упомянутые выше, есть общий не только всем славянским, но и многим чужеплеменным народам. Хотя по обрядам праздника можно догадываться, что он относился к трем стихийным богествам – обоим Сварожичам, солнцу и огню, и воде, однако можно относить его и к одному солнцу. Естественно, могло произойти верование, что солнце, дающее силу растениям, особенно дает ее, когда само достигает высшей силы; это верование должно было повести к обычаю собирать травы в летний праздник солнца и приписывать им чудодейственную силу. С другой стороны, солнце, производя сильное влияние на все существующее, должно было производить его и на воду; отсюда вера в целительность купанья во время летнего солнцестояния независимо уже от естественного обычая обмыться ночью, чтоб встретить в чистоте восходящее светило. Наконец, зажигание костров было необходимо для всякого ночного собрания, ночных игр, было необходимо также и для жертвоприношений; прыгание же чрез зажженные костры имело значение очищения. Вот почему ночь на Иванов день сопровождается: 1) собиранием трав, 2) купанием, 3) зажиганием костров и прыганием чрез них. Естественно также, и потому обще не одним только славянским народам, принесение в жертву, сожжение белого петуха – птицы, приветствующей рассвет, угодной солнцу. Ночь Купалы исполнена по мнению простолюдинов чародейных явлений: рыбаки уверяют, что поверхность реки бывает тогда подернута серебристым блеском; деревья переходят с места на место и шумом ветвей разговаривают между собою; утверждают еще, что кто имеет при себе папоротник, тот может понимать язык каждого творения, может видеть, как расходятся дубы и составляют свою беседу, может слышать, как разговаривают они про богатырские свои подвиги. В Иванов день солнце выезжает из своего чертога на трех конях, серебряном, золотом и бриллиантовом, навстречу своему супругу – месяцу; в проезд свой оно пляшет и рассыпает по небу огненные искры. И в летний праздник повторяется обряд истребления чучелы Мары – холода, смерти: ее топят в воде. Солнце, дающее жизнь и рост всему существующему, должно было являться силою, возбуждающею естественные желания, – отсюда празднество Купалы было соединено с празднеством Ярилы. В некоторых местах и в позднейшие времена праздник Ярилы совершался 24 июня, но, вероятно, сопротивление церкви содействовало тому, что празднование его во время поста отменено было в большей части мест и перенесено на заговенье, на день всех святых, или на Троицын день, или на разговенье – на другой день праздника Петра и Павла. Так как в древности праздник Ярилы, по всем вероятностям, совпадал с праздником Купалы, то во время его-то преимущественно и должны

были происходить те явления, против которых так вооружается летописец и позднейшее духовенство: здесь, вероятно, происходило и умыкивание девиц.

Рассмотрев поклонения стихийным божествам, теперь обратимся к другой половине славянской мифологии, именно к поклонению гениям и душам усопших. При вере в загробную жизнь естественно было придти к тому мнению, что душа умершего родоначальника и по смерти блюдет за благосостоянием рода – отсюда происхождение духов-покровителей для целого рода и каждого родича – *рода и рожаниц*. Что под именем рода разумелась душа умершего родоначальника, доказывает, во-первых, связь рода с упырем, а, во-вторых, известие, что под именем рода после разумели дух, привидение, которым стращали детей, характер же привидения обыкновенно принимают души умерших и божества, тесно с ними связанные. В значении рода божества-покровителя являются щур, дед, прадед, что ясно из употребительного пращур; щур предполагает форму чур, под которым именем собственно и известно божество, охраняющее род, дом. Это божество призывается и теперь бессознательно в опасностях, особенно когда простолудин думает, что он подвержен злобе духов: «Чур меня! Чур меня!» говорит он тогда. Можно положить, что чур и род одно и то же; можно думать также, что с упадком родового быта и с усилением христианства на счет язычества чур, или род, перешел в домового.

Младенчествующий народ не мог понимать духовного существования за гробом и представлял души праотцов доступными для всех ощущений этого белого света; думали, что зима есть время ночи, мрака для душ усопших, но как скоро весна начинает сменять зиму, то прекращается и ночной путь для душ, которые поднимаются к небесному свету, восстают к новой жизни. Это мнение, естественно, проистекало из поклонения природным божествам, солнцу, луне и проч., которых влияние должно было простираться на весь мир, видимый и невидимый. В первый праздник новорожденного солнца, в первую зимнюю Коляду, мертвые уже вставали из гробов и устрашали живых – отсюда и теперь время святок считается временем странствования духов. Масленица, весенний праздник солнца, есть вместе и поминовенная неделя, на что прямо указывает употребление блинов, поминовенного кушанья. С древней масленицы, т. е. с начала весны, живые здороваются с усопшими, посещают их могилы, и праздник *Крае ной горки соединяется с Радуницею*, праздником света, солнца для умерших; думают, что души покойников встают тогда во время поминовения из темниц (гробов) и разделяют поминовенную пищу вместе с принесшими.

В непосредственной связи с верованием, что весной души умерших встают для наслаждения новою жизнью природы, находится праздник русалок или русальная неделя. Русалки вовсе не суть речные или какие бы то ни было нимфы; имя их не происходит от русла, но от *русый* (светлый, ясный), русалки суть не иное что как души умерших, выходящие весной насладиться оживленною природою. Народ теперь верит, что русалки суть души младенцев, умерших без крещения, но когда все славяне умирали без крещения, то души их всех должны были становиться русалками? Русалки появляются с Страстного четверга (когда в старину, по Стоглаву, порану соломой палили и *кликали мертвых*), как только покроются луга весеннею водою, распустятся вербы. Если они и представляются прекрасными, то всегда, однако, носят на себе отпечаток безжизненности, бледности. Огни, выходящие из могил, суть огни русалок, они бегают по полям приговаривая: «Бух! бух! соломенный дух. Мене мати породила, некрещену положила». Русалки до Троицына дня живут в водах, на берега выходят только поиграть. У всех языческих народов путь водный считался проводником в подземное царство и из него назад, поэтому и русалки являются из воды, живут сперва в реках и показываются при колодцах. С Троицына дня до Петрова поста русалки живут на земле, в лесах, на деревьях – любимом пребывании душ по смерти. Русальные игры суть игры в честь мертвых, на что указывает переряживание, маски – обряд, который не у одних славян был необходим при празднике теням умерших; человеку свойственно представлять

себе мертвеца чем-то страшным, безобразным, свойственно думать, что особенно души злых людей превращаются в страшные безобразные существа для того, чтобы пугать и делать зло живым. Отсюда естественный переход к верованию в переселение душ и в оборотней; если душа по смерти может принимать различные образы, то силу чародейства она может на время оставлять тело и принимать ту или другую форму. Есть известие, что у чехов на перекрестках совершались игрища в честь мертвых с переряжением. Это известие объясняется обычаем наших восточных славян, которые, по летописи, ставили сосуды с прахом мертвецов на распутиях, перекрестках; отсюда до сих пор в народе суеверный страх перед перекрестками, мнение, что здесь собирается нечистая сила.

У русских славян главным праздником русалок был Семик, велик день русалок; в это время, при конце весны, совершались проводы последних. Конец русальной недели, Троицын день, был окончательным праздником русалок, в этот день русалки уже падают с деревьев, перестает для них пора весенних наслаждений. В первый понедельник Петрова поста бывало в некоторых местах игрище – провожанье русалок в могилы. В тесной связи с русалками находятся водяные дедушки, лешие, кикиморы и проч. Мертвецы были известны еще под именем *навья* и представлялись в виде существ малорослых, карликов (людки).

Вот главные первоначальные черты верований восточных славян. С течением времени эти первоначальные черты могли искажаться: одно и то же божество у различных племен носило разные названия; после, при сближении племен, различные названия могли явиться уже различными божествами. Фантазия стремится олицетворять и обожать явления природы, которые первоначально являются произведением главной силы; естественно, олицетворялись весна и зима, жизнь и смерть природы, – одна под образом прекрасной девы, другая – безобразной старухи и т. п. Стихийные божества первоначально не имеют пола и потому после легко меняют его; солнце могло быть легко и мужского и женского пола, мужем и женою месяца, так было не у одних славян. Но главными искажителями первоначальной религии народа являются всегда и везде жрецы и художники; вот почему у наших восточных славян, у которых не было класса жрецов и не был распространен обычай изображать божества в кумирах, религия сохранилась в гораздо большей простоте, чем у западных славян, у которых городская жизнь и сильное чуждое влияние повели и к образованию жреческого класса, и к распространению храмов и кумиров. Летописи молчат о существовании храмов и жрецов у наших восточных славян; нельзя предположить, что, если б храмы существовали, то летописцы умолчали б о их разрушении или превращении в церкви при рассказе о введении христианства и ниспровержении идолов. Летописи молчат также и о жрецах; князь ставит идолов, князь приносит жертвы, толпа требует человеческой крови для богов, о жрецах ни слова; князь переменяет веру, все люди делают то же, и жрецы не только не противятся, но о них нет даже и помину. Эта неразвитость общественного богослужения, отсутствие храмов и жрецов не должны несколько поражать нас – все это необходимо при том быте, в котором жили славяне, в каждом роде старший был вместе и жрецом, он приносил жертвы, он гадал о будущем.

Но если не было храмов, то где же и как приносились жертвы старшинами родов? Природными жертвенниками, алтарями для младенчествуящих народов служили горы, скалы, камни огромной величины. Наша природа скупа на возвышенности и камни, зато щедра на естественные капища (шатры, навесы) – многоветвистые деревья: под ними-то преимущественно совершались религиозные обряды, приносились жертвы; дерево (по преимуществу дуб), выбранное для этого, освящалось и становилось само предметом благоговейного уважения, как местопребывание богов, куда они стекались для принятия жертв. Обычай приносить жертвы под деревьями мог произойти и от того, что первоначально жертва назначалась для душ умерших, а души умерших, по всеобщему верованию, обитали в лесах, на деревьях, преимущественно на дубах. Кроме деревьев, жертвы приносились также у воды. Славяне

смотрели на жертву именно как на трапезу, поставляемую богам; и по введении христианства жертвы продолжались по-старому, в домашнем кругу, предлагались душам усопших родичей и рожаницам, и опять в смысле трапезы, покорма. Есть известие, что у русских славян были также в обычае человеческие жертвы, которые у народов были большею частью умиловительные: при каких-нибудь общественных бедствиях думали, что божество гневается за чьи-нибудь грехи, и потому искали преступника, которого и приносили в умиловительную жертву; потом приносили обыкновенно в жертву богам пленников по господствовавшему мнению, что побежденный есть грешник, разгневавший божество.

Если у восточных славян не было жреческого класса, зато были волхвы, гадатели, кудесники, ведуны, ведьмы. О волхвах славянских мы знаем очень мало, но нет сомнения, что они имеют тесную связь с волхвами финскими по близкому соседству и союзничеству этих двух народов, тем более, что после, по принятии христианства, волхвы преимущественно являются на финском севере и оттуда мутят славянское народонаселение. Финское племя искони отличалось склонностью к волшебству, искони славилось им: у финнов преимущественно было развито учение о злых божествах, о злых духах и о сообщении с ними.

История застаёт финское племя на крайнем севере; очень вероятно, что Геродотовы андрофаги, меланхлены и фиссагеты принадлежали к этому племени. Немецкое название чудского племени – финны впервые встречаем у Тацита; Птолемей упоминает также о финнах; у Иорнанда в искаженных именах народов, покоренных готским королем Гермарином, можно узнать чудь, весь, мерю, мордву, черемису, и, быть может, даже пермь. Начальный летописец русский знает следующие финские народы, жившие в его время в полуночных странах и платившие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печора, ямь. Общеплеменное название финны есть название немецкое, чудь – славянское, суомалайн – своенародное. Финн на немецком языке означает жителя болотной, влажной низменности; то же означают и финские названия разных племен, например емь или ям (Нам) значит *мокрый, водяной*, весь объясняется из финского *Vesi* – вода. И теперь финские имена местностей встречаются преимущественно на болотистых пространствах. Наш летописец указывает нам финские племена преимущественно около озер; в половине IX века южные границы финского племени с славянским можно положить в области Москвы-реки, где финны должны были сталкиваться с славянским племенем вятичей, селения последних мы имеем право продолжить до реки Лопасни, потому что, как видно, все вятичи принадлежали к Черниговскому княжеству, а город Лопасня был пограничным городом этого княжества с Суздальским. Селения вятичей должны были уже соприкасаться с селениями финских племен, потому что в Бронницком уезде Московской губернии находим реку Мерскую или Нерскую, которая именем своим ясно показывает, что протекала чрез старинную землю мери.

Если не самые древние, то по крайней мере одни из древнейших обитателей Русской государственной области, финны имели незавидную участь: с трех сторон теснили их народы славянского, германского и турецкого племени; мы видим, как у нас финны постоянно уступают пред славянами, подчиняются влиянию их народности, приравниваются к ним; причину такого явления из внешних обстоятельств объяснить нетрудно. Сначала мы видим, что племена славянские и финские живут на равной ноге; финны вместе с славянами призывают князей – нарядников, но старший и скоро единственный князь утверждает свой стол среди племени славянского; потом мы видим движение князей к югу, по великому водному пути до самого Черного моря; стол княжеский утверждается в Киеве, основы нового государства полагаются преимущественно к югу от Новгорода, по обеим сторонам Днепра, но живущее здесь народонаселение принадлежит сплошь к племени славянскому. Славянские племена соединяются под одною властью, чрез это единство приобретают силу материальную, а потом и начатки образованности христианской, и таким образом получают над

финскими племенами материальное и духовное преимущество, пред которым те и должны были преклониться. Можно сказать только одно, что славянское племя воспиталось при более благоприятных природных обстоятельствах и, уже окрепнув на юго-западе, явилось среди финнов на северо-востоке. По нашему летописцу видно, что финны имели города, подобно славянам, подобно последним терпели от родовых усобиц по изгнании варягов, вследствие чего вместе с ними и призвали князей; в скандинавских преданиях финны являются искусными кузнецами, финские мечи славятся на севере. От этих оседлых промышленных финнов, соседивших с славянами и союзных с ними, должно отличать северных их соплеменников, лапонцев, которых, как видно, суровая природа остановила на низшей ступени человеческого развития, и теперь в характере собственных финнов и лапонцев замечается такое же различие, как между мужеством и детством. Бесспорно, последних разумеет Тацит, когда описывает образ жизни финнов, когда говорит об их изумительной дикости, гнусной скудости: нет у них ни оружия, ни лошадей, ни домов; пища у них – трава, одежда – кожи, ложе – земля; вся надежда их в стрелах, которые по недостатку железа заостриваются костями; охота питает мужей и жен. Детям нет другого убежища от зверей и непогоды, кроме шатров, кое-как сплетенных из древесных ветвей – сюда возвращаются с охоты молодые, здесь отдыхают старики. Но вести такой образ жизни, продолжает Тацит, они считают блаженнее, чем трудиться на поле, строить дома, с надеждою и страхом смотреть на свои и чужие имущества. Безопасные от людей, безопасные от богов, они достигли самого трудного – отсутствия желаний. Здесь нельзя не обратить внимания на слова Тацита о том, что финны считают себя блаженными и достигли самого трудного – отсутствия желаний; эти слова объясняют нам происхождение сказки о блаженных гипербореях: мыслители древних образованных народов, утомившись волнениями жизни, проистекавшими от ничем неудовлетворимых страстей человека-язычника, любили с завистью останавливаться на диких народах, у которых почти нет никаких желаний, которые не могут ни много приобретать, ни много терять и потому не подвержены мучительным колебаниям между страхом и надеждою, не боятся ни людей, ни богов; у Геродота боги завидуют человеческому благополучию и потому не допускают ему продолжаться.

В жалком виде представляется нам быт финских племен, живущих к югу от Финского залива; слабости духовной у этих племен соответствует слабость тела, соединенная, однако, с высшею степенью нечувствительности ко внешним впечатлениям; ни один из европейских народов не обнаруживает так мало духовного напряжения, не является так забитым; эстонец, например, отличается резко от своих соседей – русских и латышей тем, что вовсе не поет, пляска ему почти неизвестна. Неблагоприятные исторические обстоятельства, могшие иметь вредное влияние на развитие этого племени, нам известны, но сколько сама природа племени содействовала этим обстоятельствам, решить трудно.

В тесной связи с славянскими племенами на западе находилось племя литовское, игравшее важную роль в нашей истории и потом вошедшее в состав Русского государства. К литовскому племени принадлежали древние пруссы, голяды, судены, корсь и нынешние литовцы и латыши. Из многих исследований о литовском племени и языке, о средстве их с соседними племенами и языками, оказывается достоверным только то, что славяне и литовцы из всех индоевропейских племен суть самые ближайšie друг к другу, и что литовское племя с незапамятных пор обитало в настоящих своих жилищах. Это давнее и постоянное пребывание на одних местах, уединение, которым литовское племя было обязано природе своей страны, непривлекательной и с трудом доступной, дали ему возможность развить свою особую религиозную систему и строго подчинить ей свой быт. Этим литовское племя отличается от родственных племен – славянского и германского, которые история застаёт в движении, в беспрестанном столкновении с чуждыми народами и государствами, что препятствовало им утвердить свой религиозный быт на прочных основах, а когда получили они

к тому возможность, то уже подверглись влиянию образованнейших народов и должны были принять другую, высшую религию. Германское племя только в отдаленной Скандинавии, славянское только на берегах Балтийского моря могли выработать для себя более или менее прочные формы религиозного быта, чем и объясняется упорное сопротивление, встреченное здесь христианством.

У литовского племени подле князей мы видим жрецов с обширным влиянием и кругом деятельности; князь (Rikgs) ведал военные дела, все что относилось к внешней защите страны и к сохранению внутренней безопасности; верховный жрец (Криве) заведовал не только делами богослужебными, но и судебными, был верховным судьей и нарядником. Уставы, обычаи литовского племени, сходные в главном с уставами и обычаями других соседних племен, славянских и германских, разнятся от последних тем, что проникнуты религиозным началом, истекают из него: так, например, мы видим, что у литовцев, точно так как у германцев, отец семейства имел право убивать своих больных или увечных детей, но у литовцев этот обычай освящен был религиозным основанием: «потому что слуги литовских богов должны не стелать, но смеяться, потому что бедствие человеческое причиняет скорбь богам и людям». На том же основании дети имели право умерщвлять престарелых и больных родителей; человеческие жертвы дозволялись и оправдывались: «Кто в здоровом теле захочет принести в жертву богам себя или своего ребенка, или домочадца, тот может сделать это беспрепятственно, потому что, освященные через огонь и блаженные, будут они веселиться вместе с богами». Большая часть верховных жрецов оканчивали свою жизнь добровольным сожжением для умилостивления гнева богов; эти литовские воззрения или, лучше сказать, воззрения, общие всем соседним племенам, но сохранившиеся у литовцев в большей определенности и связи, имели влияние на германский обычай приносить в жертву князей во время общественных бедствий; уже в христианские времена был обычай у германских и славянских племен обвинять князей и церковные власти в общественных бедствиях. Женщины также страдали в подобных обстоятельствах: литовцы прежде всего отделялись от них во время голода, а финны при своей склонности к суеверию приписывали чародейству женщин непосредственное участие в производстве последнего. Если женатый человек будет уличен в связи с девицею, то его должно отдать псам на съедение, потому что он наругался над богами, живущими в состоянии супружества и девства. Безбрачие было необходимым условием для Криве и для всех подчиненных ему жрецов; женщина была, видимо, унижена, исключена из сообщества с мужчинами.

Из литовских племен очень рано вошли в состав русских владений голяди или голядь, жившие по рекам Протве и Угре, замешанные среди племен славянских – радимичей, вятичей и новгородцев. Каким же образом часть литовского племени голядей попала так далеко на восток? Простирались ли так далеко древнейшие жилища литовского племени, перерезанные после движением славян с юга или голяди явились на Протве и Угре вследствие движения с запада, точно так, как тем же путем явились славянские лехитские племена радимичей и вятичей? Быть может, даже переселение голядей на восток находилось в связи с означенным переселением радимичей и вятичей, с другой стороны, природа страны голядов и некоторые исторические данные делают вероятным переселение части этого племени на восток вследствие недостатка жизненных средств; Галиндия находилась к северу от Мазовии, была наполнена множеством вод, густых лесов и пущей; рассказывают, что в одно время народонаселение Галиндии так умножилось вследствие долгого мира, что средств к жизни стало недоставать, в таких обстоятельствах старшины определили, чтоб в продолжение известного времени все младенцы женского пола были умерщвляемы. Понятно, что ни одно из приведенных предположений не может быть принято преимущественно перед другим, но все они, вместе взятые, достаточны для убеждения в том, что наши голяди были родственны жителям литовской Галиндии.

Кроме Литвы, в наших летописях встречаем еще народ, с которым Русь также очень рано входит в неприязненные столкновения и которого страна после вошла в состав империи – это загадочный народ ятвягов. Ятвяги жили, во-первых, в западной части Полесья, потом – во всем Подляшье, в части Мазовии, находившейся между речкой Валпушей, впадающей в Нарву, и Бугом; наконец, в древней Судавии. О происхождении ятвягов древние писатели разногласят: одни говорят, что ятвяги языком, религиею и нравами были схожи с Литвою, пруссами и самогитами, другие же, что ятвяги совершенно отличались языком от славян и литвы. Новейшие исследователи признают их потомками язигов сарматских, но без положительно ясных доказательств. Каково бы ни было происхождение ятвягов, народ этот является в истории диким, разбойническим и очень долго сохраняет язычество. Веря в переселение душ, ятвяги в битвах не обращались в бегство и не давались в плен, но погибали вместе с женами; вели образ жизни полуоседлый, полукочевой. Указывают и теперь еще остатки ятвягов в Скидельском округе, на левой стороне реки Пелясы и Котры, они резко отделяются от белоруссов и литовцев смуглым видом, черным платьем, нравами и обычаями, хотя все уже говорят белорусским языком с литовским произношением. У белоруссов в Подляшье существует поговорка: «Смотрит ятвягом (выгляда як ядвинга)» в значении: смотрит разбойником.

Таковы были ближайшие соседи славян в восточных жилищах их. Первое сколько-нибудь верное известие о судьбе этих народов мы встречаем не ранее IV века по р. х., когда они вошли во враждебные столкновения с готами. Во II или начале III века по р. х. замечается движение скандинаво-германских дружин под именем готов от берегов Балтийского моря к Черному; без сомнения, движение это совершалось по тому же водному пути, по которому после, в половине IX века, спускались дружины варяжские. Только на трех кораблях, по преданию, явилась готская дружина на Балтийском море, но потом, вобравши в себя пришельцев из разных племен, своих и чужих, образовалась на берегах Понта в многочисленный народ, который не давал покоя областям Империи; в IV веке готский вождь Германарих положил было основание государству в таких же обширных размерах, в каких после явились владения Рюриковичей; владея тринадцатью племенами, между которыми легче других прочитываются имена чуди, веси, мери и мордвы, Германарих обратился против герулов; покорив последних, двинулся против венедов. Венеды, говорит готский историк, неопытные в военном деле, но сильные своей многочисленностью, вздумали было сначала сопротивляться, но принуждены были покориться Германариху, потому что множество народа ничего не значит на войне, прибавляет тот же историк. Эсты, жители берегов прибалтийских, подчинились также Германариху, но в то время, как его оружие было так счастливо на западе, в юго-восточных степях собиралась гроза, долженствовавшая разрушить громадное государство готов при самом его рождении, – на берегах Дона явились гунны. Как после, в XIII веке, русские не знали, откуда пришла на них гроза татарская, так теперь готы не умели определить происхождения гуннов; только сказка говорила, что один из готских князей выгнал в степь злых волшебниц, которые совокупились там с нечистыми духами, и от этого-то совокупления произошли чудовищные гунны. Сначала жили они на восточных берегах Азовского моря, занимаясь охотою, потом, возросши в числе, устремились грабить соседние народы; лань показала им дорогу на противоположный берег моря; страх напал на разноименные варварские народы, здесь обитавшие; храбрые аланы не могли в битвах выносить ужасного вида гуннов, потому что, собственно говоря, у них не было лица, но вместо него безобразный кусок мяса, на котором вместо глаз виднелись какие-то пятна; безобразные в самой молодости, они старели без бород и жили, как дикие звери: питались кореньями и полусырым мясом зверей, согрехши его только немного под седлом; о домах не хотели знать, считали их могилами; с молодости привыкли переносить непогоду, голод и жажду; раз надевши платье, они не снимали его до тех пор, пока оно само не свалится с них лоскутьями; безобразная

обувь мешала им ходить; они вечно сидели на своих маленьких, но крепких лошадях, на седлах отправляли все дела, ели, пили, спали, торговали, рассуждали. Никто из них никогда не принимался за плуг; военнопленные должны были обрабатывать землю и пасти стада. Не было у них ничего постоянного: ни жилища, ни закона, ни обычая; коварство их, гнев, жадность не сдерживались никакой религиею, ни даже суеверием. Жены их жили на телегах, где ткали грубый холст, родили и воспитывали детей; в битвах принимали участие вместе с мужьями; многоженство было у них в обычае.

Поразивши аланов, гунны ударили на готов: знаменитый Германарих умер на 110 году своей жизни; новорожденное государство, не успевши несколько сплотиться, окрепнуть, не могло вынести натиска гуннов и распалось; часть готов была откинута на юго-запад, другая принуждена была примкнуть к полкам гунским; в каком отношении находились гунны к племенам славянским, определить нельзя; сохранилось только одно известие об отношениях славян к готам и гуннам: готский князь Винитар, тяготясь господством гуннов, старался мало-помалу от них освободиться и, желая показать свою храбрость, напал на антов; в первой стычке он был разбит, но потом поправил свои дела, взял верх над антами и, чтоб задать им страху, велел распять на кресте предводителя их Бокса (Вох, Вооз, Воz) с сыновьями и семьюдесятью другими старшинами. Но гуннский князь Баламбер недолго позволил Винитару пользоваться независимостию: он пошел на него войною и в битве сам застрелил его из лука. Бесспорно, что славянские племена должны были платить дань гуннам, как после платили ее козарам; как видно, также гунны, раскинув во времена Атилы стан свой в Паннонии, среди славян, переняли от последних некоторые обычаи. Верно только то, что после гунского нашествия южные страны нынешней России опять отуманились для истории, как во времена скифов и сарматов; имена Скифии и Сарматии сменились именем Гуннии; славяне у соседних народов прослыли гуннами. Могущество последних рушилось по смерти Атилы (453 г.); подчиненные прежде им народы выделились опять из сплошной массы, но прошло не более столетия, как азиатские степи выслали новые толпы варваров одинакового происхождения с гуннами, – то были авары. Авары, жившие прежде на Волге и Каспийском море, в 565 году перешли Дон и стали угнетать славян; известия об аварских угнетениях сохранились в славянских преданиях и занесены в летопись: авары (обры), по свидетельству последней, напали на славян, примучили дулебов и зверски поступали с их женами; когда нужно было ехать обрину, то он не велел запрягать в телегу ни коня, ни вола, но приказывал впрягать по три, по четыре или по пяти женщин. Были обры, продолжает летописец, телом велики и умом горды, и бог истребил их, все померли, не осталось ни одного; есть поговорка в Руси и теперь: «погибли, как обры». У византийцев слыли они самым разумным из скифских народов, но вместе и самым лживым, коварным. Западные славяне, чехи, испытали также аварские притеснения. В половине VII века могущество их начинает упадать, в 796 году Карл Великий нанес им страшное поражение в Паннонии; в 867 они почти все были истреблены болгарами, и остатки их, принимая мало-помалу христианство, исчезли в Венгрии и Болгарии. Когда освободились от авар наши юго-восточные славянские племена, – неизвестно, но в половине IX века мы застаем их платящими дань другому степному народу – козарам. Исследователи несогласны относительно происхождения козар; по всем вероятностям, это был народ, смешанный из разных племен, что было очень естественно на границах между Европою и Азиею, на перепутьи народов; смешанности племен в Козарском царстве соответствовало смешение религий: здесь уживались друг подле друга четыре религии – языческая, магометанская, христианская, еврейская, и последнюю исповедывал каган, верховный повелитель козаров – пример, единственный в истории. Еще во II веке по р. х. армянские историки упоминают о козарах; византийцы хорошо знают их в VII веке под именем восточных турков; в этом веке они утверждают на берегах Понта, в VIII – овладевают большею частию Тавриды; в какое время принуждены были им платить дань юго-

восточные славянские племена, определить нельзя; летописец говорит только, что козары брали дань на полянах, северянах, радимичах и вятичах. Мы назвали козар степным народом, потому что хотя у них и были города, как например Итиль, при устье Волги, но большинство народонаселения жило в кибитках, немногие богатые имели глиняные мазанки, и только у кагана были высокие кирпичные хоромы. Летом город пустел: жители забирали имущество и откочевывали в степь.

Но в то время как азиатцы, жившие на Дону и Волге, брали дань с племен славянских, живших преимущественно на восток от Днепра, племена, жившие от него к северу, платили дань варягам. Кто же были эти варяги? Здесь, прежде нежели приступим к разбору летописных свидетельств о варягах, считаем за нужное сказать несколько слов о географических понятиях летописца, во сколько они разнятся от наших. Разница состоит в том, что Балтийское, или Варяжское, море, по летописцу, находится не на северо-западе, но прямо на севере; это видно из описания речных течений: «Днепр бо потече из Оковьского леса и потечеть на полдне, а Двина из того же леса потечеть, а *идеть на полунощье*, и впадет в море Варяжское; из того же леса потече Волга на Восток». Вследствие такого взгляда становится понятным, как варяги, приседа к морю Варяжскому, могут в то же время соприкасаться с востоком, пределом Симовым; Скандинавский полуостров мы должны положить поперек, Балтийское (Варяжское) море будет находиться *прямо* на север от русских владений, составлять одно с Немецким, это будет огромный рукав Атлантического океана, совершенно в виде Средиземного моря, причем северный скандинавский берег Варяжского моря будет соответствовать европейскому берегу Средиземного, южный берег Варяжского – африканскому берегу Средиземного; следовательно, Скандинавский перешеек, подобно Суецкому, должен находиться на востоке, около Уральских гор, соприкасаться с частью Симовою. Кончив перечисление народов по византийцу Амартолу – симитов, хамитов и яфетитов, – русский летописец прибавляет от себя перечисление северных народов, которых не нашел у грека; также в Яфетовой части, говорит он, сидят: русь – здесь под этим именем летописец понимает все славянские племена, находящиеся под властью русских князей, потом перечисляет чужие народы племени финского и латышского, которые в его время давали дань руси: чудь, меря, мурома, весь, мордва, заволоцкая чудь, пермь, печора, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, сетгола, ливь. Дошедши в этом перечислении до берегов Балтийского моря, летописец переходит к независимым от Руси разноплеменным народам, обитавшим на берегах его, – ляхи, пруссы, чудь живут на берегах моря Варяжского, говорит он. Здесь он идет верно от запада к востоку или северо-востоку, разумея под прибрежными ляхами поморян, от них к востоку помещая пруссов, потом чудь, т. е. финские племена, живущие в нынешних остзейских провинциях, – Ингерманландии и Финляндии. Идя далее к северо-востоку, летописец, по своим понятиям, переходит на противоположный, северный, скандинавский берег Балтийского моря, и говорит, что по Варяжскому же морю сидят варяги – вот сюда к востоку, до предела Симова; по тому же морю сидят и к западу, до земли Английской и Волошской. Не останавливаясь здесь, летописец хочет перечислить все европейские народы, принадлежащие к племени Иафетову, и начинает так свое перечисление: варяги, свеи (шведы), урмане (норвежцы), готе (русь по некоторым спискам), агняне (англичане), галичане (быть может, жители Валлиса, Pays des Gals), волхва (вероятно, общее название романских народов), римляне, немцы, корлязи (быть может, французы, западные Каролинги, как думает Круг), веньдицы (венетиане), фрягове (кажется, в тесном смысле, генуезцы). Следовательно, кого же летописец понимает под именем варягов? Ясно, что это имя у него есть общее: варяги живут по Балтийскому морю к востоку, до предела Симова, и к западу, по тому же морю живут до земли Английской – вот границы варягов! Мы знаем и летописец знает, что в этих пределах живут шведы, норвежцы, готы, летописец их именно и называет до англичан. Итак, варяги летописца суть скандинавы; если скажут, что летописец разумел также южный берег Бал-

тийского моря, где жили и славяне, то он уже назвал их прежде – «Ляхове, Пруси и Чудь приседать морю Варяжскому» и потом совершенно молчит об них при исчислении народов варяжских. Второе место летописи: послы от соединенных племен славянских и финских пошли за море к варягам-руси; эти варяги, прибавляет летописец, зовутся русь, точно так как другие варяги зовутся шведами, иные норвежцами, англичанами, готами.

На приведенных местах летописи основывается мнение о скандинавском происхождении варягов-руси и основывается крепко; вот почему это мнение древнейшее, древнейшее в науке, древнейшее в народе. Свидетельство русского летописца подтверждается свидетельствами иностранными: известием, находящимся в Бертинских летописях, что народ рос принадлежит к племени свеонов известием Лиутпранда, епископа кремонского о тождестве руссов с норманнами; известием арабских писателей о нетождестве варягов, руси и славян. Подле этого мнения, основанного на очевидности, некоторые хотели и хотят дать место предположению, что князья варяго-русские и дружина их были происхождения славянского и указывают преимущественно на Поморье (Померанию) как на место, откуда мог быть вызван Рюрик с братьями; но для чего нужно подобное предположение в науке? Существуют ли в нашей древней истории такие явления, которых никак нельзя объяснить без него? Таких явлений мы не видим. Скажут: славяне должны были обратиться к своим же славянам, не могли призывать чужих, но имеет ли право историк настоящие понятия о национальности приписывать предкам нашим IX века? Мы видим, что племена германское и славянское, чем ближе к языческой древности, тем сходнее между собою в понятиях религиозных, нравах, обычаях; история не провела еще между ними резких разграничивающих линий, их национальности еще не выработались, а потому не могло быть и сильных национальных отвращений. Последующая наша история объясняет как нельзя лучше призвание варяжских князей: после новгородцы и псковитяне охотно принимают к себе на столы князей литовских, да и вообще в наших предках мы не замечаем вовсе национальной нетерпимости: немец, лях, татарин, бурят становились полноправными членами русского общества, если только принимали христианство по учению православной церкви – это была единственная основа национального различия, за которую наши предки держались крепко, но в половине IX века ее не существовало: поклонник Тора так легко становился поклонником Перуна, потому что различие было только в названиях. С другой стороны, с варягами скандинавскими у наших северных славян была связь издавна; издавна были они знакомы друг с другом. Наконец, если бы новгородцы и кривичи по нашим настоящим понятиям непременно хотели иметь своим князем славянина, то не надобно забывать, что в союзе с ними были племена финские, у которых не могло быть этого желания.

Нам остается сказать несколько слов еще о значении названий – *варяги* и *русь*. Слив различные толкования ученых, можно вывести верное заключение, что под именем варягов разумелись дружины, составленные из людей, волею или неволею покинувших свое отечество и принужденных искать счастья на морях или в странах чуждых; это название, как видно, образовалось на западе, у племен германских, на востоке, у племен славянских, финских, греков и арабов таким же общим названием для подобных дружин было русь (рос), означая, как видно, людей-мореплавателей, приходящих на кораблях, морем, входящих по рекам внутрь стран, живущих по берегам морским. Прибавим сюда, что название русь было гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всем вероятностям, русь на берегах Черного моря была известна прежде половины IX века, прежде прибытия Рюрика с братьями.

Таковы, по нашему мнению, вероятнейшие выводы, какие можно добыть из многочисленных толков о варягах и руси.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Призвание варягов-руси северными племенами славянскими и финскими. – Следствия этого явления. – Обзор состояния европейских народов, преимущественно славянских, в половине IX века.

Мы видели, что в половине IX века область нынешней России вследствие природного влияния разделялась главным образом на две части: племена, жившие на юго-востоке, находились в подчиненности от азиатского племени, стоявшего лагерем на Дону и Волге; племена, жившие на северо-западе, должны были подчиниться знаменитым морским королям, предводителям европейских дружин, вышедшим с берегов Скандинавии: «Брали дань Варяги из-за моря на Чуди, Славянах Новгородских, Мери, Веси и на Кривичах, а Козары брали на Полянах, Северянах, Радимичах и Вятичах, брали по горностаю и белке от дыма». Летописец говорит о варягах, что они просто брали дань, а о козарах, что они брали по горностаю и белке – знак, что о делах на юге летописец имел подробнейшие сведения, чем о событиях на севере. Далее, под 862 годом, летописец говорит, что племена, платившие дань варягам, изгнали последних за море, не дали им дани и начали сами у себя владеть. Из этих слов должно заключить, что варяги не брали только дань с северных племен, но владели у них; иначе летописец не мог сказать, что после их изгнания племена начали сами у себя владеть и владели дурно, не могли установить внутреннего порядка: не было между ними правды, продолжает летописец, встал род на род, начались усобицы. В таких обстоятельствах племена собрались и сказали: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». Порешивши так, пошли они за море к варягам, к руси, и сказали им: «Земля наша велика и обильна а порядка в ней нет: приходите княжить и владеть нами». Собрались три брата с родичами своими, взяли с собой всю русь и пришли.

При изображении нравов и обычаев славян вообще замечено уже было, что родовой быт условливал между ними вражду, на которую так прямо указывают писатели иностранные, знавшие славян; наш летописец подтверждает их показания: как скоро, говорит он, племена начали владеть сами собою, то не стало у них правды, то есть беспристрастного решения споров, не было у них устава, который бы все согласились исполнять, не было власти, которая бы принудила слушников к исполнению принятого устава. При столкновениях между родами, при общих делах решителями споров должны были быть старшины родов. Но могли ли они решать споры беспристрастно? Каждый старшина был представителем своего рода, блюстителем его выгод; при враждебных столкновениях между членами родов каждый старшина обязан был не выдавать своего родича; кто будет посредником в распре между старшинами? Разумеется, для ее решения род должен встать на род, и сила должна утвердить право. История племени и города, которые имели такое важное значение в описываемых событиях, история славян ильменских, Новгорода Великого представляет лучшее доказательство сказанному. С течением времени родовые отношения здесь исчезли, но концы с своими старостами напоминали о родах, из которых могло составиться первоначальное народонаселение, и вражда между концами заступила место родовой вражды; как прежде восставал род на род, так после восставал конец на конец, остальные брали сторону того или другого, а иногда оставались спокойными зрителями борьбы. Роды, столкнувшиеся на одном месте и потому самому стремившиеся к жизни гражданской, к определению отношений между собою, должны были искать силу, которая внесла бы к ним мир, наряд, должны были искать правительство, которое было бы чуждо родовых отношений, посредника в спорах беспристрастного, одним словом, *третьего судью*, а таким мог быть только князь из чужого рода. Установление наряда, нарушенного усобицами родов, было главною, единственною целию

призвания князей, на нее летописец прямо и ясно указывает, не упоминая ни о каких других побуждениях, и это указание летописца совершенно согласно со всеми обстоятельствами, так что мы не имеем никакого права делать свои предположения. Но кроме прямого и ясного свидетельства летописца, призвание князей как нельзя лучше объясняется рядом подобных явлений в последующей истории Новгорода. Летописец начальный говорит, что варяги были изгнаны и потом снова призваны; летописцы позднейшие говорят, что как скоро один князь был изгнан или сам удалялся из Новгорода, то граждане последнего немедленно посылали за другим: они не терпели жить без князя, по выражению летописца; есть известие, что один из великих князей хотел наказать новгородцев тем, что долго не посылал к ним князя. У внука Рюрика новгородцы просят князя и в случае отказа грозят найти другого. Вот что сказали они однажды сыну великого князя Ростислава Мстиславича: «Не хотим тебя, мы призвали твоего отца для установления наряда, а он вместо того усилил беспокойства». Сравним теперь это свидетельство с известием о призвании первых князей и увидим, что цель призвания одна и та же в обоих случаях: князь призывается для установления наряда внутреннего как судья миротворец.

Обратим теперь внимание на некоторые другие обстоятельства, встречающиеся в летописи при рассказе о призвании князей. Первое обстоятельство – это соединение племен славянских и финских, что произвело этот союз? Без всякого сомнения, означенные племена были приведены в связь завоеванием варяжским, как впоследствии остальные разрозненные славянские племена были приведены в связь князьями из дома Рюрика. Эта тесная связь между чудью, весью, славянами ильменскими и кривичами выразилась в дружном изгнании варягов и потом в призвании князей. Этому же завоеванию, этому столкновению с чуждым началом северные племена были обязаны, по всем вероятностям, и относительно большей степени общественного развития или по крайней мере стремления к нему: после изгнания варягов они не хотят возвратиться к разрозненному родовому быту и, не видя выхода из него при эгоизме родов, соглашаются призвать власть извне, призывают князя из чужого рода. Эта большая степень общественного развития у северных племен ясно окажется впоследствии, мы увидим, что северные племена будут постоянно торжествовать над южными. Второе обстоятельство в рассказе о призвании князей – это их расселение: старший брат, Рюрик, поселился у славян ильменских, второй, Синеус, – между чудью и весью на Белозере, третий, Трувор, – у кривичей в Изборске. Но касательно города, в котором сел сначала Рюрик, чтения списков летописи разногласят: одни говорят в Новгороде, другие – в Ладоге. По известному правилу, что труднейшее чтение предпочитается легчайшему, особенно если оно находится в большем числе лучших списков, мы должны принять известие о Ладоге. Почему Рюрик избрал Ладогу, а не Новгород, объяснение найти нетрудно: положение Ладоги относительно начала великого водного пути, относительно близости моря важнее положения Новгорода; Ладога находится ближе к устью Волхова; Рюрику нужно было удержаться при непосредственном сообщении с заморьем в случае, если бы дело его пошло не так успешно в новой стране; недавнее изгнание варягов должно было научить его осторожности; в некоторых известиях сказано, что князья боялись сначала суровости призывавших племен; с другой стороны, Рюрику нужно было также обезопасить себя и свою область от нападения других варягов, и вот он прежде всего строит крепость в Ладоге, недалеко от устья Волхова и селится здесь. Наконец, остается последний вопрос: какое значение имеет призвание Рюрика в нашей истории? Призвание первых князей имеет великое значение в нашей истории, есть событие всероссийское, и с него справедливо начинают русскую историю. Главное, начальное явление в основании государства – это соединение разрозненных племен чрез появление среди них сосредоточивающего начала, власти. Северные племена, славянские и финские, соединились и призвали к себе это сосредоточивающее начало, эту власть. Здесь, в сосредоточении нескольких северных племен, положено начало сосредото-

чению и всех остальных племен, потому что призванное начало пользуется силою первых сосредоточившихся племен, чтоб посредством их сосредоточивать и другие, соединенные впервые силы начинают действовать.

Таково было явление, имевшее место в Северо-Восточной Европе в половине IX века. В других странах Европы в это время происходили также явления великой важности. Знаменитая роль франкского племени и вождей его кончилась в начале IX века, когда оружием Карла Великого политические идеи Рима и римская церковь покорили себе окончательно варварский германский мир, и вождь франков был провозглашен императором римским. Духовное единство Западной Европы было скреплено окончательно с помощью Рима; теперь выступило на сцену другое, новое начало, принесенное варварами, германцами, на почву Империи, теперь начинается материальное распадение Карловой монархии, начинают вырабатываться отдельные национальности, начинают образовываться отдельные государства, члены западноевропейской конфедерации; IX век есть век образования государств как для Восточной, так и для Западной Европы, век великих исторических определений, которые действуют во все продолжение новой европейской истории, действуют до сих пор. В то время, когда на Западе совершается трудный, болезненный процесс разложения Карловой монархии и образования новых государств, новых национальностей, Скандинавия – старинная колыбель народов, высылает многочисленные толпы своих пиратов, которым нет места на родной земле; но континент уже занят, скандинавам уже нет более возможности двигаться к югу сухим путем, как двигались их предшественники; им открыто только море, они должны довольствоваться грабежом, опустошением морских и речных берегов. В Византии происходит также важное явление – богословских споры, волновавшие ее до сих пор, прекращаются: в 842 году, в год восшествия на престол императора Михаила, с которого наш летописец начинает свое летосчисление, прекращаются богословские споры, окончательно утверждается догмат, который передается славянским народам, начавшим в то время принимать христианство; тогда же является перевод священного писания на славянский язык благодаря святой ревности Кирилла и Мефодия. По следам знаменитых братьев обратимся к нашим западным и южным соплеменникам, судьбы которых должны обратить на себя наше особенное внимание. История западных славян начинает чуть-чуть проясняться со второй половины V века, по смерти Атиллы и уничтожения гунского могущества. Народные предания чехов знают также о переселении этого племени из краев южных в землю кельтических бойев и германских маркоманов. По своему положению чехи должны были с самого начала войти во враждебные столкновения с германцами, сперва с турингами, а потом с франками, подчинившими себе турингов. Небезопасные с запада чехи были мало-безопасны и с востока: долина Дуная не переставала еще наполняться азиатскими выходцами: авары, которые оставили по себе такую черную память между нашими юго-восточными славянскими племенами, не менее тяжки были и для чехов; освободителем последних от аварского ига является Само – один из загадочных средневековых героев, о которых наука не может произнести верного приговора, которых оспаривают друг у друга разные народности, тогда как в эту эпоху брожения народных элементов в Европе всего менее обращалось внимания на народность. По некоторым известиям, Само был франкский купец, торговавший с восточными племенами, – известие очень согласное с тогдашним состоянием общества, когда купцами были всегда люди отважные, легко переменявшие характер купца на характер воина; этот первоначальный характер купца дал Само средства сблизиться с племенем, отвага указала в нем достойного предводителя против аваров. В 627 году славяне избрали освободителя Само в короли, так основалось на западе первое славянское владение, сердцем которого была земля Чешская. Уже при Само начинаются враждебные столкновения чехов с королями франкскими, конец жизни и правления Самова еще менее известен, чем его происхождение и первые подвиги. Народные предания чешские знают о Кroke,

которого золотой стол стоял в Вышеграде над Влтавою (Молдавою). Крок оставил по себе трех вещей дочерей; младшую из них, Любушу, народ выбрал на отцовское место; Любуша отдала руку свою и власть над чехами Пршемыслу, который пахал, когда пришли к нему послы от Любуши с этим предложением. Пршемысл был родоначальником всех последующих владельцев чешских, княжение его относят к первой четверти VIII века. Из событий чешской истории после Пршемысла до самой половины IX века мы не знаем ничего верного, кроме враждебных столкновений славян с немцами, то есть с Империей франков. Меровингов сменили Карловинги. Германские племена соединились в одну массу; дух единства, принятый германскими вождями на старинной почве Римской империи, не переставал одушевлять их, руководить их поступками; потомок Геристаля принял титул римского императора; располагая силами Западной Европы, Карл Великий двинулся на Восточную с проповедью римских начал, единства политического и религиозного. Что же могла противопоставить ему Восточная Европа? Народы, жившие в простоте первоначального быта, разрозненные и враждебные друг другу. Заметим, что нет никакого основания делать из разъединения и несогласия славянских племен отличительную черту славянской народности; разрозненность и вражда племен славянских были необходимыми следствиями их формы быта, быта родового, а эта форма быта не есть исключительная принадлежность славянского племени, через нее проходят все народы с тем только различием, что один оставляет ее прежде, а другой – после вследствие разных исторических обстоятельств; так, народы германского племени оставили формы родового быта прежде вследствие переселения на римскую почву, где они приняли идеи и формы государственные, а славяне, оставаясь на востоке, в уединении от древнего исторического мира, оставались и при прежних, первоначальных формах быта. Карл Великий, вождь германского ополчения, носил титул римского императора, был единым владыкой соединенных германских племен, но истории известно, чего стоило германскому племени это соединение! Покрытый кровью саксонцев, Карл двинулся против славян; легко было предвидеть, что новый Цезарь получит такие же успехи над младенствующими народами Восточной Европы, какие старый Цезарь получил некогда при покорении варварского народонаселения Европы Западной. Из славянских племен, соприкасавшихся с германцами, кроме чехов, были бодричи, или ободриты, жившие в нынешнем Мекленбурге; потом южнее, между Одером и Эльбою, лутичи, или велеты, между лутичами и чехами жили сербы в нынешней Саксонии и Лузании. Между лутичами и бодричами шли сильные усобицы; с другой стороны, бодричи были во вражде с саксонцами, это обстоятельство заставило их войти в союз с Карлом против последних как общих врагов и помогать франкам в борьбе с ними. Карл в благодарность за помощь обратил свое оружие против лутичей под предлогом, что они обижают союзников его, бодричей: так германский вождь начал искусно пользоваться славянским бытом и его следствиями. Бодричи и сербы охотно помогали немцам покорять единоплеменников своих, лутичей, которые принуждены были признать себя данниками Карла. Это было в конце VIII века, в начале IX уже видим войны Карла с чехами. Последние, подобно всем своим соплеменникам, не давали врагу битв в чистом поле, но отбивались порознь в лесах и горах; войска Карла, опустошивши страну, должны были возвращаться без решительных, как видно, успехов. Несмотря, однако, на это, торжество немцев было верно над разрозненными славянами. Если известия о дани чехов Карлу Великому могут быть оспариваемы, то верно, что моравы уже были подчинены ему. Во второй четверти IX века в Моравии мы видим князя Моймира, который принял христианство и считается основателем Моравского государства; в то же время встречаем известие о начатках христианства у чехов: четырнадцать лехов, или знатных панов чешских, приняли христианство в Регенсбурге у короля Людовика немецкого; но в борьбе двух племен, основным различием которых была вера, для славянина отвергнуть веру своего народа значило отложиться от последнего, перейти под знамена врагов, вот почему чешские лехи, как скоро при-

няли христианство, так уже оставили князя своего и поддались королю немецкому, из-под власти которого трудно было высвободиться. Так, Людовик немецкий, подозревая Моймира моравского в намерении усилиться, свергнул его с престола, который отдал племяннику его Ростиславу. Но Ростислав, несмотря на то, что обязан был властью Людовику, шел по следам дяди Моймира, только шел с большим успехом: ему удалось отбиться от Людовика, он мог объявить себя прямо врагом последнего и принимать под свое покровительство всех недовольных королем, даже собственных сыновей его. Но князь моравский должен был понимать, что для независимого состояния славянского государства прежде всего была необходима независимая славянская церковь, что с немецким духовенством нельзя было и думать о народной и государственной независимости славян, что с латинским богослужением христианство не могло принести пользы народу, который понимал новую веру только с внешней, обрядовой, стороны и, разумеется, не мог не чуждаться ее. Вот почему князь моравский должен был обратиться к византийскому двору, который мог прислать в Моравию славянских проповедников, учивших на славянском языке, могших устроить славянское богослужение и основать независимую славянскую церковь; близкий и недавний пример Болгарии должен был указать моравскому князю на этот путь; со стороны Византии нечего было опасаться притязаний, подобных немецким: она была слишком слаба для этого, и вот Ростислав посылает в Константинополь к императору Михаилу с просьбой о славянских учителях, и в Моравии являются знаменитые братья – Кирилл и Мефодий, доканчивают здесь перевод священных и богослужебных книг и распространяют славянское богослужение в Моравии и Паннонии. Призыв Кирилла и Мефодия, полагаемый в 862 году, совпадает со временем основания Русского государства, которому по преимуществу суждено было воспользоваться делом святых братьев.

Ближайшими к России из западных славянских племен были те, которые после вошли в состав государства Польского. Область этих ляшских племен простиралась с севера к югу – от Балтийского моря до гор Карпатских, с востока к западу – от рек Бобра, Нарева, Буга, Вислоки до Одера, Бобра (в Силезии) и Чешско-Моравского хребта, но главное гнездо государства Польского было на реке Варте около Гнезна и Познания. Вероятная история Польши начинается в одно время с русскою, то есть к половине IX века: к 860 году относят тот переворот, по которому Семовит, сын земледельца Пяста, свергнул с престола род Попела и сам стал княжить; с этих пор начинается распространение польских владений. Но в начале нашей истории гораздо ближе польских славян были к Руси славяне болгарские. История находит славян в древней Мизии, в нынешней Болгарии, во второй половине VII века, тогда как до сих пор Восточная империя имела дело со славянами, нападавшими на нее с северного берега Дуная; в 677 году болгары, народ единоплеменный с гуннами и аварами, покорил семь славянских племен, живших в Мизии и утвердился здесь; скоро победители так смешались с побежденными, что составили с ними один народ славянский; с этих пор начинается ряд войн болгарских владетелей с императорами греческими до самой половины IX века, когда болгарский князь Борис принял христианство, крестившись под именем Михаила от руки славянского апостола Мефодия, который после этого отправился с братом Кириллом в Моравию. В тесной связи с историей болгарских славян находится история славян сербских. К VII веку относят переселение славян из северных краев в Иллирию: из последующей истории этих племен до половины IX века мы знаем только несколько имен сербских жупанов, или старейшин, и несколько известий о войнах их с князьями болгарскими.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Предания о Рюрике, об Аскольде и Дире. – Олег, его движение на юг, поселение в Киеве. – Строение городов, дани, подчинение племен. – Греческий поход. – Договор Олега с греками. – Смерть Олега, значение его в памяти народной. – Предание об Игоре. – Походы на Константинополь. – Договор с греками. – Печенеги. – Смерть Игоря, его характер в преданиях. – Свенельд. – Походы руссов на Востоке.

До нашего начального летописца дошло очень мало преданий о княжении Рюрика. Он знает только, что по прошествии двух лет от призвания младшие братья – Синеус и Трувор умерли, и всю власть принял один старший Рюрик; эта власть простиралась уже на кривичей западно-двинских, то есть полочан на юге, на мерю и мурому на северо-востоке. Если меря, платившая прежде дань варягам и не упомянутая в рассказе о призвании, точно в нем не участвовала, то должно быть, что ее снова покорил Синеус с Белоозера, по старому варяжскому пути, а за мерью впервые покорена и мурома; на юге перейден волок между Ловатью и Западною Двиною, присоединен Полоцк. О войнах есть известие, что призванные князья начали воевать всюду, о правительственных мерах читаем, что Рюрик роздал города мужам своим, причем в некоторых списках прибавлено: «Раздая волости мужем своим и города рубити». Так, с Рюрика началась уже эта важная деятельность наших князей – построение городов, сосредоточение народонаселения. Касательно определения отношений между призванным князем и призвавшими племенами сохранилось предание о смуте в Новгороде, о недовольных, которые жаловались на поведение Рюрика и его родичей или единоземцев, и в главе которых был какой-то Вадим; этот Вадим был убит Рюриком вместе со многими новгородцами, его советниками. Сохранилось предание, что по смерти братьев Рюрик оставил Ладогу, пришел к Ильменю, срубил город над Волховом, прозвал его Новгородом и сел тут княжить. Это место летописи прямо показывает, что собственный Новгород был основан Рюриком; и так как здесь он остался жить и после него здесь же жили посадники княжеские и князья, то из этого легко объясняется, почему Новгород затмил собою старый город, как бы тот ни назывался. И после переселения Рюрика к Ильменю смуты, как видно, продолжались; так, сохранилось предание, что от Рюрика из Новгорода в Киев бежало много новгородских мужей. Если и здесь обратим внимание на последующие события новгородской истории, то найдем сходные явления: и после почти каждый князь должен был бороться с известными сторонами и если побеждал, то противники бежали из Новгорода к другим князьям или на юг, в Русь, или в Суздальскую землю, смотря по обстоятельствам. Всего же лучше предание о неудовольствии новгородцев и поступке Рюрика с Вадимом и с советниками его объясняется рассказом летописи о неудовольствии новгородцев на варягов, нанятых Ярославом, об убийстве последних и мести княжеской убийцам.

Предание говорит, что много людей перебежало из Новгорода в Киев: здесь, на южном конце великого водного пути из Варяг в Греки, образовалось в то же время другое варяго-русское владение. Было, говорит предание, у Рюрика двое мужей, не родных ему; они выпросились у него идти к Царю-граду с родом своим, и когда шли вниз по Днепру, то увидели на горе городок, и спросили у тамошних жителей, чей он. Им отвечали, что были три брата, Кий, Щек и Хорив, построили этот городок и перемерли, а потомки их платят теперь дань козарам. Аскольд и Дир остались в городке, собрали около себя много варягов и начали владеть землею полян. Это предание совершенно согласно с обстоятельствами описываемого времени: варягам был давно известен великий водный путь из Балтийского моря в Черное; давно они усаживались между племенами, жившими у его начала; дело невозможное, чтобы, зная начало пути, варяги не стали пробираться тотчас же по нем вниз к Черному морю; лето-

писец указывает путь из Варяг в Греки, прежде нежели начинает рассказ о событиях, непосредственно за рассказом о расселении племен славянских; тут же у него вставлено сказание о путешествии апостола Андрея по этому пути; Аскольд и Дир прямо выпрашиваются у Рюрика в Грецию и идут известною дорогою. Вот почему и прежде согласились мы допустить, что варяги-русь, зная начало великого водного пути ранее прихода Рюрика, знали и конец его ранее этого времени, что шайки их давно усаживались на берегах Черного и Азовского морей и оттуда опустошали окрестные страны, на что так ясно указывают свидетельства арабов и некоторые другие. Но, как видно, до сих пор варяги являлись на великом водном пути из Балтийского моря в Черное только в виде малочисленных дружин, искавших службы при дворе императора или мелкой добычи на берегах Империи, без мысли и без средств основать прочное владение в землях, лежащих по восточному пути. Так, Аскольд и Дир отпросились у Рюрика в Грецию с родом своим только! Вот почему они не хотели, да и не могли утвердиться нигде по восточному пути до самого того места, начиная с которого Днепр поворачивает на восток, в степь. Здесь, среди славянского племени полян, плативших дань козарам, в городке Киеве, Аскольд и Дир остановились. Как видно, Киев в то время был притоном варягов, всякого рода искателей приключений, чем впоследствии были Тмутаракань и Берлад; видно, и тогда, как после, во времена Константина Багрянородного, Киев был сборным местом для варягов, собиравшихся в Черное море. Аскольд и Дир здесь остановились, около них собралось много варягов; сюда же, по некоторым известиям, перебежало из Новгорода много людей, недовольных Рюриком; Аскольд и Дир стали вождями довольно многочисленной шайки, окрестные поляне должны были подчиниться им; есть известия, что они дрались с степными варварами, с соседними славянскими племенами – древлянами и угличами, с дунайскими болгарами. Если примем известие, что варяги Аскольд и Дир засели в полянском городке Киеве, то не имеем права отвергать приведенные известия: владелец украинского городка необходимо должен был вести войны с степными варварами и с окольными славянскими племенами – и прежде более воинственные древляне и УГЛИЧИ Обижали более покойных полян; наконец, столкновения с дунайскими болгарами были естественны по самому пути, которым обыкновенно русь ходила в Грецию. Ставши вождями довольно многочисленной дружины, Аскольд и Дир вздумали сделать набег на Византию, исполнить заветную мысль варяга, с какою они отправились из Новгорода; на 200 ладьях приплыла русь к Царю-граду, но попытка не удалась: буря, вставшая, по греческим свидетельствам, вследствие чудесного заступления богородицы, разбила русские лодки, и немногие из дружины Аскольдовой возвратились с своими князьями назад в Киев. Вслед за этим известием византийцы сообщают другое – о принятии христианства русскими, о посылке к ним епископа из Царя-града; так уже рано обнаружилось значение Киева в нашей истории – следствие столкновений Киевской Руси с Византией. Даже прежде еще Аскольдова похода, обыкновенно относимого к 866 году, мы встречаем известия о нападениях руси на греческие области и о принятии христианства некоторыми из русских вождей: таково известие, находящееся в житии святого Стефана Сурожского, о нападении на Сурож русского князя Бравалина и о крещении его там; известие это относится к началу IX века, подобное же известие находим в жизнеописании святого Георгия, епископа Амастрийского.

Но владение, основанное варяжскими выходцами в Киеве, не могло иметь надлежащей прочности, ибо основано было сбродною шайкою искателей приключений, которые могли храбро драться с соседями, могли сделать набег на берега Империи, но не могли по своим средствам, да и не имели ввиду основать какой-нибудь прочный порядок вещей среди племен, живших по великому водному пути. Это могли сделать только северные князья, имевшие для того достаточную материальную силу и привязанные к стране правительственными отношениями к племенам, их призвавшим. В 869 году, по счету летописца, умер Рюрик, оставив малолетнего сына Игоря, которого отдал на руки родственнику своему Олегу. Послед-

ний как старший в роде, а не как опекун малолетнего князя, получил всю власть Рюрика и удерживал ее до конца жизни своей. Если Рюрик уже сделал шаг вперед на юг по восточному пути, перейдя из Ладоги в Новгород, то преемник его двинулся гораздо далее и дошел до конца пути. Движение это было, однако, довольно медленно: три года, по счету летописца, пробыл Олег в Новгороде до выступления в поход на юг; потом он двинулся по водному восточному пути, собравши войско из варягов и из всех подвластных ему племен – чуди, славян (ильменских), мери, веси, кривичей. Это обстоятельство есть самое важное в нашей начальной истории. Мы видели, что варягам давно был известен великий водный путь из Балтийского моря в Черное, давно ходили они по нем, но ходили малыми дружинами, не имели ни желания, ни средств утвердиться на этом пути, смотрели на него, как на путь только, имея ввиду другую цель. Но вот на северном конце этого пути из нескольких племен составляется владение, скрепленное единством власти; повинувшись общему историческому закону, новорожденное владение вследствие сосредоточения своих сил чрез единство власти стремится употребить в дело эти силы, подчинить своему влиянию другие общества, другие племена, менее сильные. Князь северного владения выступает в поход, но это не вождь одной варяжской шайки, дружины – в его руках силы всех северных племен; он идет по обычному варяжскому пути, но идет не с целью одного грабежа, не для того только, чтобы пробраться в Византию; пользуясь своею силою, он подчиняет себе все встречающиеся ему на пути племена, закрепляет себе навсегда все находящиеся на нем места, города, его поход представляет распространение одного владения на счет других, владения сильного на счет слабейших. Сила северного князя основывается на его правительственных отношениях к северным племенам, соединившимся и призвавшим власть, – отсюда видна вся важность призвания, вся важность тех отношений, которые утвердились на севере между варяжскими князьями и призвавшими племенами.

Перешедши волок и достигши Днепра, Олег утверждает в земле днепровских кривичей, закрепляет себе их город Смоленск, сажает здесь своего мужа, разумеется, не одного, но с дружиною, достаточною для удержания за собой нового владения. Из Смоленска Олег пошел вниз по Днепру, пришел в землю северян, взял город их Любеч и прикрепил его к своему владению, посадив и здесь мужа своего. Как достались Олегу эти города, должен ли был он употреблять силу или покорились они ему добровольно – об этом нельзя ничего узнать из летописи. Наконец, Олег достиг Киева, где княжили Аскольд и Дир; здесь, по преданию, он оставил большую часть своих лодок назади, скрыл ратных людей на тех лодках, на которых подплыл к Киеву, и послал сказать Аскольду и Диру, что земляки их, купцы, идущие в Грецию от Олега и княжича Игоря, хотят повидаться с ними. Аскольд и Дир пришли, но тотчас же были окружены ратными людьми, повыскакавшими из лодок; Олег будто бы сказал киевским князьям: «Вы не князья, ни роду княжеского, а я роду княжеского» и, указывая на вынесенного в это время Игоря, прибавил: «Вот сын Рюриков». Аскольд и Дир были убиты и погребены на горе. Разумеется, историк не имеет обязанности принимать предание с теми подробностями, в тех чертах, в каких оно достигло до первого летописца и записано им. В этом предании видно как будто намерение оправдать Олега, дать северным князьям Рюрикова рода право на владение Киевом, где сели мужи Рюрика, не князья, не имевшие права владеть городом независимо. Олег представлен не завоевателем, но только князем, восстанавливающим свое право, право своего рода, нарушенное дерзкими дружинниками. Быть может, само предание о том, что Аскольд и Дир были члены дружины Рюриковой, явилось вследствие желания дать Рюрикову роду право на Киев. В некоторых списках летописи встречаем также подробности о неприязненных отношениях Аскольда и Диры к Рюрику: так, есть известие, что они по неудовольствию оставили северного князя, не давшего им ни города, ни села, что потом, утвердись в Киеве, воевали полочан и наделали им много зла очень вероятно, что они

могли нападать на южные, ближайšie к ним пределы владений Рюриковых, Также замечено было уже известие о бегстве новгородцев, недовольных Рюриком, в Киев к Аскольду и Диру.

Как бы то ни было, убив Аскольда и Диру, Олег утвердился в Киеве, сделал его своим стольным городом; по свидетельству летописца, Олег сказал, что Киев должен быть «матерью городам русским». Понятно в смысле предания, что Олег не встретил сопротивления от дружины прежних владельцев Киева: эта дружина и при благоприятных обстоятельствах была бы не в состоянии померяться с войсками Олега, тем более, когда так мало ее возвратилось из несчастного похода греческого; часть ее могла пристать к Олегу, недовольные могли уйти в Грецию. Понятно также, почему Олег остался в Киеве: кроме приятности климата, красоты местоположения и богатства страны сравнительно с севером, тому могли способствовать другие обстоятельства. Киев, как уже было замечено, находится там, где Днепр, приняв самые большие притоки свои справа и слева, Припять и Десну, поворачивает на восток, в степи – жилище кочевых народов. Здесь, следовательно, должна была утвердиться главная защита, главный острог нового владения со стороны степей; здесь же, при начале степей, должно было быть и, вероятно, было прежде сборное место для русских лодок, отправлявшихся в Черное море. Таким образом два конца великого водного пути, на севере со стороны Ладожского озера и на юге со стороны степей, соединились в одном владении. Отсюда видна вся важность этого пути в нашей истории: по его берегам образовалась первоначальная Русская государственная область; отсюда же понятна постоянная тесная связь между Новгородом и Киевом, какую мы видим впоследствии; понятно, почему Новгород всегда принадлежал только старшему князю, великому князю киевскому.

Первым делом Олега в Украине было построение городов, острожков, сколько для утверждения своей власти в новых областях, столько же и для защиты со стороны степей. Потом нужно было определить отношения к старым областям, к племенам, жившим на северном конце водного пути, что было необходимо вследствие нового поселения на юге; главная форма, в которой выражались отношения этих племен к князю, была *дань*, и вот Олег оставил дани славянам (ильменским), кривичам и мери; новгородцы были особо обязаны платить ежегодно 300 гривен для содержания наемной дружины из варягов, которые должны были защищать северные владения. Сперва, как видно, эта стража состояла исключительно из варягов, потом, когда эта исключительность исчезла, то вместо варягов встречаем уже общее название *гридей*, наемная плата увеличивалась по обстоятельствам: так, после раздавалась гридям уже тысяча гривен вместо трехсот; прекратилась эта выдача денег со смертью Ярослава I, вероятно, потому, что с этого времени новгородцы не могли более опасаться нападений ни с которой стороны, а, может быть, также между ними и князьями сделаны были другого рода распоряжения относительно внешней защиты.

Построив города и установив дани у племен северных, Олег, по преданию, начинает подчинять себе другие племена славянские, жившие к востоку и западу от Днепра. Прежде всего Олег идет на древлян, у которых давно шла вражда с полянами; древляне не поддались добровольно русскому князю, их нужно было примучить, чтобы заставить платить дань, которая состояла в черной кунице с жилия. В следующем, по счету летописца, году (884) Олег пошел на северян, победил их и наложил дань легкую; эта легкость должна объясняться малым сопротивлением северян, которые платили дань козарам и, следовательно, могли легко согласиться платить ее русскому князю; с своей стороны Олег должен был наложить на них только легкую дань, чтобы показать им выгоду русской зависимости перед козарской; он, по преданию, говорил северянам: «Я враг козарам, а вовсе не вам». Радимичи, платившие также дань козарам, в следующем году не оказали никакого сопротивления Олегу, он послал спросить у них: «Кому даете дань?» Те отвечали: «Козарам». «Не давайте козарам, – велел сказать им Олег, – а давайте лучше мне», и радимичи стали платить русскому князю те же два шляга от рала, которые давали козарам. Но не так легко было справиться

с теми племенами, которые прежде были независимы, не платили никому дани, не хотели и теперь платить ее Руси; мы видели сопротивление древлян; потом, слишком в двадцать лет, по счету летописца, Олегу удалось покорить дулебов, хорватов и тиверцев, но угличей не удалось. Только в 907 году Олег собрался в поход на греков; оставив Игоря в Киеве, он пошел со множеством варягов, славян (новгородцев), чуди, кривичей, мери, полян, северян, древлян, радимичей, хорватов, дулебов и тиверцев, пошел на конях и в кораблях; кораблей было 2000, на каждом корабле по 40 человек. Разумеется, историк не имеет обязанности принимать буквально этот счет, для него важен только тон предания, с каким оно хранилось в народе и из которого видно, что предприятие было совершено соединенными силами всех племен, подвластных Руси, северных и южных, а не было набегом варяжской шайки: отсюда объясняется робость греков, удача предприятия. Когда русские корабли явились пред Константинополем, говорит предание, то греки замкнули гавань, заперли город. Олег вышел беспрепятственно на берег, корабли были выволочены, ратные рассеялись по окрестностям Царя-града и начали опустошать их: много побили греков, много палат разбили и церковей пожгли; пленных секли мечами, других мучили, расстреливали, бросали в море. Предание прибавляет, что Олег велел поставить лодки свои на колеса, и флот при попутном ветре двинулся на парусах по суше к Константинополю. Говоря просто, Олег приготовился к осаде города; греки испугались и послали сказать ему: «Не губи город, мы беремся давать тебе дань, какую хочешь». Олег остановился; то же предание рассказывает, что греки выслали ему кушанье и напитки с отравой, что Олег догадался о коварстве и не коснулся присланного и что тогда греки в испуге говорили: «Это не Олег, но святой Димитрий, посланный на нас богом». Приведенный рассказ замечателен по тому представлению, которое имели о характере греков и о характере вещего Олега: самый хитрый из народов не успел обмануть мудрого князя! Олег, продолжает летопись, отправил к императору послов – Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемира, которые вытребовали по 12 гривен на корабль да еще уклады на русские города: Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и другие, потому что в тех городах сидели Олеговы мужи; Олег требовал также, чтобы русь, приходящая в Царьград, могла брать съестных припасов, сколько хочет; гости (купцы) имеют право брать съестные припасы в продолжение шести месяцев – хлеб, вино, мясо, рыбу, овощи; могут мыться в банях, сколько хотят, а когда пойдут русские домой, то берут у царя греческого на дорогу съестное, якори, канаты, паруса и все нужное. Император и вельможи его приняли условия, только с следующими изменениями: русские, пришедшие не для торговли, не берут месячины; князь должен запретить своим русским грабить села в стране греческой; русские, пришедши в Константинополь, могут жить только у св. Мамы, император пошлет переписать их имена, и тогда они будут брать свои месячины – сперва киевляне, потом черниговцы, переяславцы и другие; входить в город будут они одними воротами, вместе с чиновником императорским, без оружия, не более 50 человек и пусть торгуют, как им надобно, не платя никаких пошлин. Из этих условий видна недоверчивость греков к русским, которые любили при удобном случае переменить характер купцов на характер воинов. Императоры Леон и Александр целовали крест в соблюдении договора; привели также к присяге Олега и мужей его, те клялись по русскому закону: оружием, Перуном, богом своим, Волосом, скотьем богом, и таким образом утвердили мир. Предание прибавляет, будто Олег велел руси сшить паруса шелковые, а славянам – полотняные, будто воины повесили щиты свои на воротах царградских в знак победы, и когда пошли они домой, то русь подняла паруса шелковые, а славяне – полотняные, но ветер разорвал их; тогда славяне сказали: примемся за свои холстинные паруса, не дано славянам парусов полотняных. Это предание любопытно потому, что в нем видно различие между русью и славянами, различие в пользу первой. Под именем руси здесь должно принимать не варягов вообще, но дружину княжескую, под славянами – остальных ратных людей из разных племен; естественно, что корабль княжеский и другие,

везшие бояр и слуг княжеских, были красивее, чем корабли простых воинов, Олег, заключает предание, возвратился в Киев с золотом, дорогими тканями, овощами, винами и всяким узорочьем; народ удивился такому успеху и прозвал князя «вещим», то есть кудесником, волхвом.

Допустив к себе русских на продолжительное житье в Константинополь, греческий двор должен был урядиться с киевским князем, как поступать при необходимых столкновениях русских с подданными Империи; вот почему в 911 году, следовательно, по счету летописца, через четыре года, Олег послал в Царьград мужей своих утвердить мир и положить ряд между греками и Русью на основании прежнего ряда, заключенного тотчас после похода. Послами были отправлены те же пять мужей, которые заключали и первый договор, – Карл, Фарлоф, Велмуд (Веремуд), Рулав, Стемир (Стемид), но с прибавкою еще девяти: Инегельд, Гуды, Руальд, Карн, Фрелаф, Рюар, Актеву, Труан, Бидульфост. Несмотря на искажение имен, легко заметить, что почти все они звучат не по-славянски; славянские звуки можно уловить только в двух – Велмуде (Велемудре) и Стемире. Причина такому явлению может заключаться в том, что большинство дружины Олеговой состояло в это время еще из скандинавов или, быть может, означенные варяги потому были отправлены в Константинополь, что, подобно многим своим соотечественникам, уже бывали там прежде, знали греческие обычаи, язык. Эти мужи посланы были от великого князя Олега, от всех подручных ему князей (знак, что, кроме Олега и Игоря, существовали еще другие родичи Рюриковы), бояр и от всей подручной ему руси. Послы заключили следующий договор: 1) При каждом преступлении должно основываться на ясных показаниях, но при заподозрении свидетельства пусть сторона подозревающая клянется в том, что свидетельство ложно; пусть всякий клянется по своей вере и пусть примет казнь, если клялся ложно. За этим следует исчисление преступлений и соответственных им наказаний, 2) Если русин убьет христианина, то есть грека, или христианин – русина, то преступник пусть умрет на месте; если же убежит и оставит имение, то оно отдается родственникам убитого, за исключением той части, которая по закону следует жене убийцы; если же преступник убежит, не оставив имения, то считается под судом до тех пор, пока не будет пойман и казнен смертию. 3) За удар мечом или чем бы то ни было виноватый платит пять литр серебра по русскому закону; если будет не в состоянии заплатить означенной суммы, то пусть даст, сколько может, пусть скинет с себя то самое платье, которое на нем, и клянется по обрядам своей веры, что не имеет никого, кто бы мог заплатить за него, и тогда иск прекращается. 4) Если русин украдет что-либо у христианина или христианин у русина и вор будет пойман в краже, то в случае сопротивления хозяин украденной вещи может убить его безнаказанно и взять свое назад. Если же вор отдается без сопротивления, то его должно связать и взять с него втрое за похищенное. 5) Если кто из христиан или русских начнет делать обыск насильно и возьмет что-нибудь, то должен заплатить втрое против взятого. 6) Если корабль греческий будет выброшен ветром на чужую землю и случится при этом кто-нибудь из русских, то они должны охранять корабль с грузом, отослать его назад в землю христианскую, провожать его чрез всякое страшное место, пока достигнет места безопасного; если же противные ветры или мели задержат корабль на одном месте, то русские должны помочь гребцам и проводить их с товарами поздорову, если случится близко тут земля Греческая; если же беда приключится близ земли Русской, то корабль проводят в последнюю, груз продается, и вырученное русь принесет в Царьград, когда придет туда для торговли или посольством; если же кто на корабле том будет прибит или убит русью или пропадет что-нибудь, то преступники подвергаются вышеозначенному наказанию. 7) Если в какой-нибудь стране будут держать русского или греческого невольника и случится в той стране кто-нибудь из русских или из греков, то последний обязан выкупить невольника и возвратить его на родину, за что получит искупную цену или общую цену невольника; военнопленные также возвращаются на родину, пленивший получает общую цену невольника.

8) Те из русских, которые захотят служить императору греческому, вольны это сделать. 9) Если случится, что русские невольники придут на продажу из какой-нибудь страны к христианам, а христианские невольники в Русь, то они продаются по 20 золотых и отпускаются на родину. 10) Если раб будет украден из Руси или уйдет сам, или будет насильственно продан и если господин раба начнет жаловаться и справедливость жалобы будет подтверждена самим рабом, то последний возвращается в Русь; также гости русские, потерявшие раба, могут искать его и взять обратно; если же кто не позволит у себя делать обыска, то этим самым уже проигрывает свое дело. II) Если кто из русских, служащих христианскому царю, умрет, не распорядившись имением и не будет около него никого из родных, то имение отсылается к ближним его в Русь. Если же распорядится, то имение идет к назначенному в завещании наследнику, который получит его от своих земляков, ходящих в Грецию. 12) Если преступник убежит из Руси, то по жалобе русских возвращается насильно в отечество. Так точно должны поступать и русские относительно греков.

Император одарил русских послов золотом, дорогими тканями, платьем и по обычаю приставил к ним людей, которые должны были водить их по церквам цареградским, показывать богатства их, также страсти Христовы мощи святых, при чем излагать учение веры. Послы возвратились к Олегу в 912 году, осенью этого года князь умер. Было предание, что перед смертью Олег ходил на север, в Новгород и Ладогу; в этом предании нет ничего невероятного, оно же прибавляет, что Олег и похоронен в Ладоге; все указывает нам на тесную связь севера с югом, связь необходимую. Север хотел иметь у себя могилу вещего преемника Рюрика, юг – у себя: по южному преданию, Олег похоронен в Киеве, на горе Щековице; в летописи находим также предание о самой смерти Олега. Спрашивал он волхвов кудесников, от чего ему умереть? И сказал ему один кудесник: «Умереть тебе, князь, от любимого коня, на котором ты всегда ездешь». Олег подумал: «Так никогда же не сяду на этого коня и не увижу его», – и велел кормить его, но не подводить к себе и так не трогал его несколько лет, до самого греческого похода. Возвратившись в Киев, жил Олег четыре года, на пятый вспомнил о коне, призвал конюшего и спросил: «Где тот конь мой, что я поставил кормить и беречь?» Конюший отвечал: «Он уже умер». Тогда Олег начал смеяться над кудесником и бранить его: «Эти волхвы вечно лгут, – говорил он, – вот конь-то умер, а я жив, поеду-ка я посмотреть его кости». Когда князь приехал на место, где лежали голые кости конские и череп голый, то сошел с лошади и наступил ногой на череп, говоря со смехом: «Так от этого-то черепа мне придется умереть!» Но тут выползла из черепа змея и ужалила Олега в ногу: князь разболелся и умер.

При разборе преданий об Олеге мы видим, что в народной памяти представлялся он не столько храбрым воителем, сколько вещим князем, мудрым или хитрым, что, по тогдашним понятиям, значило одно и то же: хитростию Олег овладевает Киевом, ловкими переговорами подчиняет себе без насилий племена, жившие на восточной стороне Днепра; под Царьградом хитростию пугает греков, не дается в обман самому хитрому народу и прозывается от своего народа *вещим*. В предании он является также и князем-нарядником земли: он располагает дани, строит города; при нем впервые почти все племена, жившие по восточному водному пути, собираются под одно знамя, получают понятие о своем единстве, впервые соединенными силами совершают дальний поход. Таково предание об Олеге, историк не имеет никакого права заподозрить это предание, отвергнуть значение Олега как собирателя племен.

По счету летописца, преемник Олегов Игорь, сын Рюрик, княжил 33 года (912 – 945) и только пять преданий записано в летописи о делах этого князя; для княжения Олега высчитано также 33 года (879 – 912). В летописи сказано, что Игорь остался по смерти отца младенцем; в предании о занятии Киева Олегом Игорь является также младенцем, которого не могли даже вывести, а вынесли на руках; если Олег княжил 33 года, то Игорю по смерти его должно было быть около 35 лет. Под 903 годом упоминается о женитьбе Игоря: Игорь вырос,

говорит летописец, ходил по Олеге, слушался его, и привели ему жену из Пскова именем Ольгу. Во время похода Олегова под Царьград Игорь оставался в Киеве. Первое предание об Игоре, занесенное в летопись, говорит, что древляне, примученные Олегом, не хотели платить дани новому князю, *затворились* от него, т. е. не стали пускаться к себе за данью ни князя, ни мужей его. Игорь пошел на древлян, победил и наложил на них дань больше той, какую они платили прежде Олегу. Потом летописец знает русское предание и греческое известие о походе Игоря на Константинополь: в 941 году русский князь пошел морем к берегам Империи, болгары дали весть в Царьград, что идет Русь; выслан был против нее протовестиарий Феофан, который пожег Игоревы лодки греческим огнем. Потерпев поражение на море, руссы пристали к берегам Малой Азии и по обычаю сильно опустошали их, но здесь были застигнуты и разбиты патрикием Бардою и domestиком Иоанном, бросились в лодки и пустились к берегам Фракии, на дороге были нагнаны, опять разбиты Феофаном и с малыми остатками возвратились назад в Русь. Дома беглецы оправдывались тем, что у греков какой-то чудесный огонь, точно молния небесная, которую они пускали на русские лодки и жгли их. Но на сухом пути что было причиною их поражения? Эту причину можно открыть в самом предании, из которого видно, что поход Игоря не был похож на предприятие Олега, совершенное соединенными силами многих племен; это был скорее набег шайки, малочисленной дружины. Что войска было мало, и этому обстоятельству современники приписывали причину неудачи, показывают слова летописца, который тотчас после описания похода говорит, что Игорь, пришедши домой, начал собирать большое войско, послал за море нанимать варягов, чтоб идти опять на Империю. Второй поход Игоря на греков летописец помещает под 944 годом; на этот раз он говорит, что Игорь, подобно Олегу, собрал много войска: варягов, русь, полян, славян, кривичей, тиверцев, нанял печенегов, взявши у них заложников, и выступил в поход на ладьях и конях, чтоб отомстить за прежнее поражение. Корсунцы послали сказать императору Роману: «Идет Русь с бесчисленным множеством кораблей, покрыли все море корабли». Болгары послали также весть: «Идет Русь; наняли и печенегов». Тогда, по преданию, император послал к Игорю лучших бояр своих с просьбою: «Не ходи, но возьми дань, которую брал Олег, придам и еще к ней». Император послал и к печенегам дорожные ткани и много золота. Игорь, дошедши до Дуная, созвал дружину и начал с нею думать о предложениях императорских; дружина сказала: «Если так говорит царь, то чего же нам еще больше? Не бившись, возьмем золото, серебро и паволоки! Как знать, кто одолеет, мы или они? Ведь с морем нельзя заранее уговориться, не по земле ходим, а по глубине морской, одна смерть всем». Игорь послушался дружины, приказал печенегам воевать Болгарскую землю, взял у греков золото и паволоки на себя и на все войско и пошел назад в Киев. В следующем, 945 году, был заключен договор с греками также, как видно, для подтверждения кратких и, быть может, изустных усилий, заключенных тотчас по окончании похода. Для этого по обычаю отправились в Константинополь послы и гости: послы от великого князя и от всех его родственников и родственниц. Они заключили мир вечный до тех пор, пока солнце сияет и весь мир стоит. Кто помыслит из русских нарушить такую любовь, сказано в договоре, то крещенный примет месть от бога вседержителя, осуждение на погибель в сей век и в будущий; некрещенные же не получают помощи ни от бога, ни от Перуна, не ущитятся щитами своими, будут посечены мечами своими, стрелами и иным оружием, будут рабами в сей век и в будущий. Великий князь русский и бояре его посылают к великим царям греческим корабли, сколько хотят, с послами и гостями, как постановлено. Прежде послы носили печати золотые, а гости – серебряные; теперь же они должны показывать грамоту от князя своего, в которой он должен написать, что послал столько-то кораблей: по этому греки и будут знать, что Русь пришла с миром. А если придут без грамоты, то греки будут держать их до тех пор, пока не обошлются с князем русским; если же русские будут противиться задержке вооруженною рукою, то могут быть перебиты, и князь не дол-

жен взыскивать за это с греков; если же убегут назад в Русь, то греки отпишут об этом к русскому князю, и он поступит с беглецами, как ему вздумается. Это ограничение новое, его нет в Олеговом договоре. После повторения Олеговых условий о месте жительства и содержания русских послов и гостей прибавлена следующая статья: к русским будет приставлен человек от правительства греческого, который должен разбирать спорные дела между русскими и греками. Русские купцы, вошедши в город, не имеют права покупать паволоки дороже 50 золотников; все купленные паволоки должны показывать греческому чиновнику, который кладет на них клеймо; этого ограничения мы не находим в договоре Олеговом. По новому договору, русские не могли зимовать у св. Мамы; в Олеговом договоре этого условия также нет; впрочем, и там князь требовал содержания гостям только на 6 месяцев. Если убежит раб из Руси или от русских, живущих у св. Мамы, и если найдется, то владельцы имеют право взять его назад; если же не найдется, то русские должны клясться, христиане и нехристиане – каждый по своему закону, что раб действительно убежал в Грецию и тогда, как постановлено прежде, возьмут цену раба – две паволоки. Если раб греческий уйдет к русским с покражею, то должно возвратить и раба, и принесенное им в целости, за что возвратившие получают два золотника в награду. В случае покражи вор с обеих сторон будет строго наказан по греческому закону и возвратит не только украденное, но и цену его, если же украденная вещь отыщется в продаже, то и цену должно отдать двойную. В Олеговом договоре ничего не сказано о наказании вора, а только о возвращении украденного; в Игорево – греки дают силу своему закону, требующему наказания преступника. Если русские приведут пленников-христиан, то за юношу или девицу добрую платят им 10 золотников, за средних лет человека – 8, за старика или дитя – 5; своих пленников выкупают русские за 10 золотников; если же грек купил русского пленника, то берет за него цену, которую заплатил, целуя крест в справедливости показания. Князь русский не имеет права воевать область Корсунскую и ее городов, эта страна не покоряется Руси. В случае нужды с обеих сторон обязываются помогать войском. В случае, если русские найдут греческий корабль, выброшенный на какой-нибудь берег, то не должны обижать находящихся на нем людей, в противном случае преступник повинен закону русскому и греческому – здесь опять греческий закон подле русского; положительная обязанность Олегова договора заменена здесь отрицательной – только не трогать греков. Русские не должны обижать корсунцев, ловящих рыбу в устье днепровском, русские не могут зимовать в устье Днепра, в Белобережье и у св. Еферия, но когда придет осень, должны возвращаться домой в Русь. Греки хотят, чтобы князь русский не пускал черных (дунайских) болгар воевать страну Корсунскую. Если грек обидит русского, то русские не должны самоуправством казнить преступника, наказывает его греческое правительство. Следующие затем условия, как поступать в уголовных случаях, сходны с условиями Олегова договора.

Послы Игоревы пришли домой вместе с послами греческими; Игорь призвал последних к себе и спросил: «Что вам говорил царь?» Те отвечали: «Царь послал нас к тебе, он рад миру, хочет иметь любовь с князем русским; твои послы водили наших царей к присяге, а цари послали нас привести к присяге тебя и мужей твоих». Игорь обещал им это. На другое утро он призвал послов и повел их на холм, где стоял Перун, здесь русские поклали оружие свое, щиты, золото, и таким образом присягал Игорь и все люди его, сколько было некрещеной руси; христиан же приводили к присяге в церкви св. Илии – это была соборная церковь, потому что многие варяги уже были христиане. Игорь отпустил послов, одарив их мехами, рабами и воском.

Так рассказывает летописец о войне и мире с греками; для нас договор Игоря и рассказ летописца замечательны во многих отношениях. Прежде всего мы замечаем, что договор Игоря не так выгоден для Руси, как был прежде договор Олегов; ясно виден перевес на стороне греков; в нем больше стеснений, ограничений для русских; подле закона русского

имеет силу закон греческий. Потом останавливают нас в договоре чисто славянские имена между родичами князя и купцами русскими. Далее встречаем замечательное выражение – *Русская земля*, которое попадает здесь в первый раз: знак большей твердости в отношениях к стране, теснейшей связи с нею. Наконец, и в договоре и в рассказе летописца ясно обнаруживаются следствия походов на Византию, связи с греками: Русь разделяется на языческую и христианскую, в Киеве видим соборную церковь св. Илии.

Кроме столкновений с греками, в летопись занесено предание о столкновениях Игоря с кочующими степными народами – с печенегами. Мы видели, что Олег утвердил стол князей русских на степной границе; следовательно, постоянной обязанностью нового владения будет борьба с степными варварами. В это время господствующим народом в степях донских и волжских были козары, бравшие дань со многих племен славянских; мы видели, что Олег заставил эти племена платить дань себе, а не козарам, вследствие чего надо было бы ожидать враждебного столкновения Руси с последними, но, как видно, до летописца не дошло предание об нем. Если в самом деле столкновения не было или было весьма слабое, то это должно приписать тому, что козары были заняты тогда сильною борьбою с печенегами. С давних пор народы турецкого племени под именем хангаров кочевали в Средней Азии и распространялись на запад до Яика и Волги, где именно исторические известия застают их под именем печенегов. Печенеги граничили к западу с козарами, а к востоку с другими турецкими ордами, кочевавшими в нынешних киргиз-кайсацких степях и носившими название узов или гузов, то есть свободных. Как легко угадать, между печенегами и западными соседями их, козарами, возникла кровавая борьба в VIII и IX столетии. Козары с трудом оборонялись от их нападений; наконец, заключивши союз с узам, напали с двух сторон на печенегов. Тогда большая часть последних оставила свое прежнее отечество, двинулась на запад, ударила и погнала пред собою угров, подданных козарских, которые и побежали далее на запад. Немудрено, что при таких потрясениях, происходивших в степях, юная Русь могла оставаться некоторое время спокойною на берегах Днепра; при Олеге палатки венгров явились у Киева, но о столкновениях этого народа с Русью до летописца не дошло преданий. Скоро, впрочем, по следам угров явились на границах Руси победители их – печенеги, грозившие большою опасностью преемникам Олега. Под 915 годом летописец помещает первое известие о появлении печенегов в пределах Руси; на этот раз Игорь заключил с ними мир, и они отправились к Дунаю, но через пять лет русский князь должен был уже силою отражать варваров; потом видим печенегов союзниками его в греческом походе.

Под 946 годом летописец помещает последнее предание об Игоре. Как пришла осень, рассказывает он, то дружина стала говорить князю: «Отроки Свенельда богаты оружием и платьем, а мы наги; пойдь, князь, с нами в дань: и ты добудешь, и мы!». Послушался их Игорь, пошел за данью к древлянам, начал брать у них больше прежнего, делал им насилия и дружина его также. Взявши дань, Игорь пошел в свой город; на дороге, подумав, сказал дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь, похожу еще». Отпустив большую часть дружины домой, Игорь с небольшим числом ратников возвратился, чтоб набрать еще больше дани. Древляне, услышав, что Игорь опять идет, начали думать с князем своим Малом: «Поведется волк к овцам, перетаскает все стадо, пока не убьют его, так и этот: если не убьем его, то всех нас разорит». Порешивши так, они послали сказать Игорю: «Зачем идешь опять? Ведь ты взял всю дань?» Но Игорь не послушался их, тогда древляне, вышедши из города Коро-стена, убили Игоря и всех бывших с ним. Так, по преданию, погиб Игорь.

Рассмотрев занесенные в летопись предания об Игоре, мы видим, что преемник Олега представлен в них князем недеятельным, вождем неотважным. Он не ходит за данью к прежде подчиненным уже племенам, не покоряет новых, дружина его бедна и робка подобно ему: с большими силами без боя возвращаются они назад из греческого похода, потому что не уверены в своем мужестве и боятся бури. Но к этим чертам Игоря характера в преда-

нии прибавлена еще другая – корыстолюбие, недостойное по тогдашним понятиям хорошего вождя дружины, который делил все с нею, а Игорь, отпустив дружину домой, остался почти один у древлян, чтоб взятою еще данью не делиться с дружиною – здесь также объяснение, почему и первый поход на греков был предпринят с малым войском, да и во втором не все племена участвовали.

Мы читали в предании, что дружина Игорева указывала на свою бедность и на богатство отроков Свенельдовых; есть известия, объясняющие нам причину этого богатства: воевода Свенельд взял на себя обязанность князя ходить за данью к племенам и воевать с теми, которые не хотели платить ее. Так Свенельд кончил дело, начатое Олегом, ему удалось примучить угличей; Игорь обложил их данью в пользу Свенельда. Война с угличами была нелегка: под городом их Пересеченом Свенельд стоял три года и едва взял его. Но в то время как Свенельд продолжал дело Олегово, примучивал племена на берегах Днепра, некоторые отряды руссов, по византийским известиям, бились под императорскими знаменами в Италии, а другие, по восточным преданиям, пустошили берега Каспийского моря. В 913 или 914 году 500 русских судов, из которых на каждом было по сту человек, вошли в устье Дона и, приплыв к козарской страже, послали к кагану с просьбою о пропуске через его владения на Волгу и в море, обещая ему за это половину добычи, какую они возьмут с народов прикаспийских. Получив позволение, они поплыли вверх по Дону, потом переволокли суда свои на Волгу, устьем ее вышли в Каспийское море и начали опустошать западные его берега до самой области Азербайджанской, били мужчин, уводили в плен женщин и детей, грабили богатства. Частые битвы с жителями не причиняли им большого вреда; опустошивши берега, они обыкновенно искали убежища на островах. Наконец, жители собрали силы и, сев на лодки и купеческие суда, отправились к этим островам, но руссы поразили их. Прожив много месяцев на море, награбив довольно добычи и пленниц, руссы отправились обратно к устью Волги и отсюда послали к царю козарскому условленную часть добычи. Но мусульмане, составлявшие гвардию кагана, и другие, жившие в его стране, обратились к нему с просьбой: «Позволь нам, – говорили они, – разделаться с этим народом: он вторгся в землю братьев наших, мусульман, проливал кровь их, попленил их жен и детей». Каган не в силах был удержать их, он мог только известить русских о враждебных замыслах мусульман. Последние отправились в поход вместе со многими христианами, жителями Итиля; у них было 15000 войска; руссы вышли из лодок к ним навстречу. Бой продолжался три дня сряду; наконец, мусульмане победили; из руссов одни были побиты, другие потонули, часть была истреблена буртасами (мордвою) и болгарам волжскими. Под 943 или 944 годом у восточных писателей находим известие о другом походе руссов: на этот раз они поднялись вверх по реке Куру и внезапно явились перед Бердаа, столицею Аррана, или нынешнего Карабага. Бердаа – один из древнейших городов прикавказских, принадлежал армянам еще в V веке, был возобновлен арабами в 704 году, а в X веке считался одним из богатейших городов Халифата. Градоначальник Бердаа выступил против руссов и был разбит ими. Вступив в Бердаа, руссы объявили, что жизнь граждан будет пощажена и вели себя умеренно. Войска мусульманские собрались опять и вторично были разбиты. Во время сражения чернь Бердаа, вышедши из города, стала бросать в руссов камнями и ругать их сильно. После такого поступка рассерженные руссы объявили, чтоб в течение недели все жители Бердаа вышли из города, но так как многие остались после срока, то руссы часть их перебили, часть взяли в плен и, собравши самых богатых в мечеть, объявили, что те, которые не выкупят себя, будут преданы смерти; когда те не хотели заплатить по двадцати драхм, то обещание и было исполнено. Потом руссы разграбили город, взяли в рабство жен и детей, разбили еще раз тридцатитысячный мусульманский отряд и сделали набег на окрестности Мераги (недалеко от Тебриза). Но излишнее употребление плодов в Бердаа произвело заразительную болезнь между руссами, от которой погибло большое их число. Наконец, правителю Азербайджана

Мерзобану удалось победить руссов хитростью, заманив их в засаду, а остаток их осадить в крепости Бердаа, Шегристане. Ослабленные болезнями, руссы ночью вышли из крепости, достигли берегов Кура, сели на суда и отправились назад. Враги не смели их преследовать. Если примем известия о давнем пребывании части руссов на берегах Черного и Азовского морей, то очень легко можем приписать им и означенные походы; сильные поражения, претерпенные ими в это время, объяснят нам их исчезновение, или, лучше сказать, их подчинение князьям киевским.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Правление Ольги. – Месть древлянам. – Значение предания об этой мести. – Характер Ольги в предании. – Ее уставы. – Принятие христианства Ольгою. – Характер сына ее Святослава. – Его походы на вятичей и козаров. – Святослав в Дунайской Болгарии. – Печенеги под Киевом. – Смерть Ольги. – Распоряжение Святослава относительно сыновей. – Возвращение его в Болгарию. – Война с греками. – Смерть Святослава. – Характер его в предании. – Усобица между сыновьями Святослава. – Владимир в Киеве. – Усиление язычества. – Буйство варягов, уход их в Грецию. (946 – 980)

Древляне должны были ожидать мести от родных Игоря от Руси из Киева, Игорь оставил сына-младенца, Святослава, да жену Ольгу; воспитателем (кормильцем) Святослава был Асмуд, воеводою – знаменитый Свенельд. Ольга не дождалась совершеннолетия сына и отомстила сама древлянам, как требовал закон. Народное предание, занесенное в летопись, так говорит о мести Ольгиной. Убив Игоря, древляне стали думать: «Бот мы убили русского князя, возьмем теперь жену его Ольгу за нашего князя Мала, а с сыном его, Святославом, сделаем, что хотим». Порешивши таким образом, древляне послали двадцать лучших мужей своих к Ольге в лодье. Узнав, что пришли древляне, Ольга позвала их к себе и спросила, зачем они пришли? Послы отвечали: «Послала нас Древлянская земля сказать тебе: мужа твоего мы убили, потому что он грабил нас, как волк, а наши князья добры, распасли Древлянскую землю, чтобы тебе пойти замуж за нашего князя Мала?» Ольга сказала им на это: «Люба мне ваша речь; ведь, в самом деле, мне мужа своего не воскресить! Но мне хочется почтить вас завтра пред своими людьми; теперь вы ступайте назад в свою лодью и разлягтесь там с важностию; а как завтра утром я пришлю за вами, то вы скажете посланным: не едем на конях, найдем пешком, а несите нас в лодье! Они вас и понесут». Когда древляне ушли назад в свою лодку, то Ольга велела на загородном теремном дворе выкопать большую, глубокую яму и на другое утро послала за гостями, велев сказать им: «Ольга зовет вас на великую честь». Древляне отвечали: «Не едем ни на конях, ни на возах и пешком найдем, несите нас в лодье!». Киевляне сказали на это: «Мы люди невольные; князь наш убит, а княгиня наша хочет замуж за вашего князя», – и понесли их в лодье, а древляне сидя важничали. Когда принесли их на теремный двор, то бросили в яму как есть в лодье. Ольга нагнулась к ним и спросила: «Довольны ли вы честью?». Древляне отвечали: «Ох, хуже нам Игоревой смерти!». Княгиня велела засыпать их живых и засыпали. После этого Ольга послала сказать древлянам: «Если вы в самом деле меня просите к себе, то пришлите мужей нарочитых, чтоб мне придти к вам с великою честью, а то, пожалуй, киевляне меня и не пустят». Древляне выбрали лучших мужей, державших их Землю, и послали в Киев. По приезде новых послов Ольга велела вытопить баню, и когда древляне вошли туда и начали мыться, то двери за ними заперли и зажгли избу: послы сгорели. Тогда Ольга послала сказать древлянам: «Я уже на дороге к вам, наварите побольше медов в городе, где убили мужа моего, я поплачу над его могилою и отпраздную тризну». Древляне послушались, свезли много меду и заварили. Ольга с небольшою дружиною, налегке, пришла к Игоревой могиле, поплакала над нею и велела своим людям насыпать высокий курган, а когда насыпали, то велела праздновать тризну. Древляне сели пить, а Ольга велела отрокам своим служить им; когда древляне спросили Ольгу: «А где же наша дружина, что посылали за тобою?», то она отвечала: «Идут за мной вместе с дружиною мужа моего». Когда древляне опьянели, то Ольга велела отрокам своим *пить* за их здоровье, а сама отошла прочь и приказала дружине сечь древлян. Перебили их 5000; Ольга возвратилась в Киев и начала пристраивать войско на остальных древлян.

На следующий год Ольга собрала большое и храброе войско, взяла с собою сына Святослава и пошла на Древлянскую землю. Древляне вышли навстречу; когда оба войска сошлись, то Святослав сунул копьем в древлян, копьё пролетело между ушей коня и ударило ему в ноги, потому что князь был еще ребенок. Свенельд и Асмуд сказали тогда: «Князь уже начал; потянем, дружина, за князем!» Древляне были побеждены, побежали и затворились по городам. Ольга с сыном пошла на город Искоростень, потому что здесь убили мужа ее и обступила город. Коростенцы бились крепко, зная, что они убили князя и потому не будет им милости, когда сдадутся. Целое лето простояла Ольга под городом и не могла взять его, тогда она придумала вот что сделать: послала сказать в Коростень: «Из чего вы сидите? Все ваши города сдались мне, взялись платить дань и спокойно теперь обрабатывают свои поля, а вы одни хотите лучше помереть голодом, чем согласиться на дань». Древляне отвечали: «Мы рады были б платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа?». Ольга велела им сказать на это: «Я уже отомстила за мужа не раз: в Киеве и здесь, на тризне, а теперь уже не хочу больше мстить, а хочу дань брать понемногу и, помирившись с вами, пойду прочь». Древляне спросили: «Чего же ты хочешь с нас? Ради давать медом и мехами». Ольга отвечала: «Теперь у вас нет ни меду, ни мехов и потому требую от вас немного: дайте мне от двора по три голубя, да по три воробья; я не хочу накладывать на вас тяжелой дани, как делал мой муж, а прошу с вас мало, потому что вы изнемогли в осаде». Древляне обрадовались, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали их к Ольге с поклоном. Ольга велела им сказать: «Вы уже покорились мне и моему дитяти, так ступайте в свой город, а я завтра отступлю от него и пойду назад к себе домой». Древляне охотно пошли в город, и все жители его очень обрадовались, когда узнали Ольгино намерение. Между тем Ольга раздала каждому из своих ратных людей по голубю, другим – по воробью и велела, завернув в маленькие тряпочки серу с огнем, привязать к каждой птице и, как смеркнется, пустить их на волю. Птицы, получив свободу, полетели в свои гнезда, голуби по голубятням, воробьи под стрехи, и вдруг загорелись где голубятни, где клетки, *где вежи, где одрины*, и не было ни одного двора, где бы не горело, а гасить было нельзя, потому что все дворы загорелись вдруг. Жители, испуганные пожаром, побежали из города и были перехватаны воинами Ольги. Таким образом город был взят и выжжен; старейшин городских Ольга взяла себе; из остальных некоторых отдала в рабы дружине, других оставила на месте платить дань. Дань наложена была тяжкая: две части ее шли в Киев, а третья – в Вышгород к Ольге, потому что Вышгород принадлежал ей.

Таково предание об Ольгиной мести: оно драгоценно для историка, потому что отражает в себе господствующие понятия времени, поставившие месть за убийство близкого человека священной обязанностью; видно, что и во времена составления летописи эти понятия не потеряли своей силы. При тогдашней неразвитости общественных отношений месть за родича была подвигом по преимуществу: вот почему рассказ о таком подвиге возбуждал всеобщее живое внимание и потому так свежо и украшенно сохранился в памяти народной. Общество всегда, на какой бы ступени развития оно ни стояло, питает глубокое уважение к обычаям, его охраняющим, и прославляет, как героев, тех людей, которые дают силу этим охранительным обычаям. В нашем древнем обществе в описываемую эпоху его развития обычай мести был именно этим охранительным обычаем, заменявшим правосудие; и тот, кто свято исполнял обязанность мести, являлся необходимо героем правды, и чем жесточе была месть, тем больше удовлетворения находило себе тогдашнее общество, тем больше прославляло мстителя, как достойного родича, а быть достойным родичем значило тогда, в переводе на наши понятия, быть образцовым гражданином. Вот почему в предании показывается, что месть Ольги была достойною местию. Ольга, мудрейшая из людей, прославляется именно за то, что умела изобрести достойную месть: она, говорит предание, подошла к яме, где лежали древлянские послы, и спросила их: «Нравится ли вам честь?» Те отвечали:

«Ох, пуще нам Игоревои смерти!». Предание, согласно с понятиями времени, заставляет древлян оценивать поступок Ольги: «Ты хорошо умеешь мстить, наша смерть лютее Игоревои смерти». Ольга не первая женщина, которая в средневековых преданиях прославляется неумолимою мстительностью; это явление объясняется из характера женщины, равно как из значения мести в тогдашнем обществе: женщина отличается благочестием в религиозном и семейном смысле; обязанность же мести за родного человека была тогда обязанностью религиозною, обязанностью благочестия.

Характер Ольги, как он является в предании, важен для нас и в других отношениях: не в одних только именах находим сходство Ольги с знаменитым преемником Рюрика, собирателем племен. Как Олег, так и Ольга, отличаются в предании мудростью, по тогдашним понятиям, т. е. хитростью, ловкостью: Олег хитростью убивает Аскольда и Дира, хитростью пугает греков, наконец, перехитряет этот лукавейший из народов; Ольга хитростью мстит древлянам, хитростью берет Коростень; наконец, в Царе-граде перехитряет императора. Но не за одну эту хитрость Олег прослыл вещим, Ольга – мудрейшею из людей: в предании являются они также как нарядники, заботящиеся о строе земском; Олег установил дани, строил города. Ольга объехала всю землю, повсюду оставила следы своей хозяйственной распорядительности. Предание говорит, что немедленно после мести над древлянами Ольга с сыном и дружиною пошла по их земле, установляя *уставы и уроки: на становища ее и ловища*, т. е. на места, где она останавливалась и охотилась, указывали еще во времена летописца. Под именем устава должно разуметь всякое определение, как что-нибудь делать; под именем *урока* – всякую обязанность, которую должно выполнять к определенному сроку, будет ли то уплата известной суммы денег, известного количества каких-нибудь вещей или какая-нибудь работа. После распоряжений в земле Древлянской Ольга пошла на север к Новгороду, по реке Мсте установила погосты и дани, по реке Луге – оброки и дани; ловища ее, говорит летописец, находятся по всей Земле, везде встречаются следы ее пребывания, места, которые от нее получили свое имя, погосты, ею учрежденные; так, во времена летописца показывали ее сани во Пскове, по Днепру и Десне – *перевесища*, или перевозки; село ее *Ольжичи* существовало также во времена летописца. Мы знаем, что русские князья в ноябре месяце отправлялись с дружиною к подчиненным племенам на *полюдье* и проводили у них зиму: обязанность племен содержать князя и дружину во время этого полюдья называлась, кажется, *оброком*. Обычай полюдья сохранился и после, при тогдашнем состоянии общества это был для князя единственный способ исполнять свои обязанности относительно народонаселения, именно суд и расправу; разумеется, что для этого князь не мог останавливаться при каждом жилье: он останавливался в каком-нибудь удобном для себя месте, куда окружное народонаселение и позывалось к нему для своих надобностей. Естественно, что для большего удобства эти места княжеской стоянки, *гощениа*, эти погосты могли быть определены навсегда, могли быть построены небольшие дворы, где могли быть оставлены княжие приказчики (тиуны), и, таким образом, эти погосты могли легко получить значение небольших правительственных центров и передать свое имя округам; впоследствии здесь могли быть построены церкви, около церквей собирались торги и т. д. Хотя летописец упоминает о распоряжениях Ольги только в земле Древлянской и в отдаленных пределах Новгородской области, однако, как видно, путешествие ее с хозяйственною, распорядительною целью обнимало все тогдашние русские владения; по всей Земле оставила она следы свои, повсюду виднелись учрежденные ею погосты.

Как женщина, Ольга была способнее ко внутреннему распорядку, хозяйственной деятельности; как женщина, она была способнее к принятию христианства. В 955 году, по счету летописца, вернее в 957, отправилась Ольга в Константинополь и крестилась там при императорах Константине Багрянородном и Романе и патриархе Полиевкте. При описании этого события летописец основывается на том предании, в котором характер Ольги оста-

ется до конца одинаким: и в Константинополе, во дворце императорском, как под стенами Коростеня, Ольга отличается ловкостью, находчивостью, хитростью; перехитряет императора, как прежде перехитрила древлян. Император, говорит предание, предложил Ольге свою руку; та не отреклась, но прежде требовала, чтоб он был ее восприемником; император согласился, но когда после таинства повторил свое предложение, то Ольга напомнила ему, что по христианскому закону восприемник не может жениться на своей крестнице: «Ольга! ты меня перехитрила!» – воскликнул изумленный император и отпустил ее с богатыми дарами. Император Константин Багрянородный оставил нам описание приемов, сделанных русской княгине при византийском дворе; церемонии, соблюденные при этих приемах, не могли польстить честолюбию Ольги: в них слишком резко давали чувствовать то расстояние, которое существовало между особами императорского дома и русскою княгинею; так, например, Ольге давали место наряду с знатными гречанками, она сама должна была выгораживаться из их среды, приветствуя императрицу только легким поклоном, тогда как гречанки падали ниц. Из этих известий о приеме Ольги мы узнаем, что с нею был племянник, знатные женщины, служанки, послы, гости, переводчики и священник; вычислены и подарки, полученные Ольгою и ее спутниками: один раз подарили ей с небольшим сорок, в другой – около двадцати червонцев. Известия о подарках очень важны; они могут показать нам, как мы должны понимать летописные известия, где говорится о многих дарах, о множестве золота, серебра и проч.

О побуждениях, которые заставили Ольгу принять христианство и принять его именно в Константинополе, не находим ничего ни в известных списках нашей летописи, ни в известиях иностранных. Очень легко могло быть, что Ольга отправилась в Царь-город язычницею, без твердого еще намерения принять новую веру, была поражена в Константинополе величием греческой религии и возвратилась домой христианкою. Мы видим, что везде в Европе, как на западе, так и на востоке, варвары, несмотря на то, что опустошали области Империи и брали дань с повелителей обоих Римов, питали всегда благоговейное уважение к Империи, к блестящим формам ее жизни, которые так поражали их воображение; таковы бывают постоянно отношения народов необразованных к образованным. Это уважение варваров к Империи способствовало также распространению между ними христианства. Не одна надежда корысти могла привлекать нашу Русь в Константинополь, но также и любопытство посмотреть чудеса образованного мира; сколько дивных рассказов приносили к своим очагам бывальцы в Византии. Как вследствие этого возвышался тот, кто был в Константинополе, и как у других разгоралось желание побывать там! После этого странно было бы, чтобы Ольга, которая считалась мудрейшею из людей, не захотела побывать в Византии. Она отправляется туда. Что же прежде всего должно было обратить ее внимание? Разумеется то, что всего резче отличало греков от Руси – религия; известно, что греки обыкновенно сами обращали внимание варварских князей и послов на свою религию, показывали им храмы, священные сокровища; разумеется, при этом и основные догматы веры были объясняемы искусными толковниками. Если многие из мужчин, воинов русских, принимали христианство в Греции, то нет ничего удивительного, что обратилась к нему Ольга, во-первых, как женщина, в характере которой было к тому менее препятствий, чем в характере князей-воинов, во-вторых, как мудрейшая из людей, могшая, следовательно, яснее других понять превосходство греческой веры перед русскою. Но, кроме этого, трудно отвергать, что Ольга была уже в Киеве знакома с христианством и предубеждена в его пользу, это предубеждение в пользу христианства могло сильно содействовать к принятию его в Царе-граде, но от предубеждения в пользу до решительного шага еще далеко. Есть известие, что Ольга еще в Киеве была расположена к христианству видя добродетельную жизнь исповедников этой религии, даже вошла с ними в тесную связь и хотела креститься в Киеве, но не исполнила своего намерения, боясь язычников. Принимая первую половину известия, мы не можем

допустить второй: опасность от язычников не уменьшалась для Ольги и в том случае, когда она принимала крещение в Константинополе; утаить обращение по приезду в Киев было очень трудно, и при том Ольга, как видно, вовсе не хотела таиться – это было несовместно ни с ревностью новообращенной, ни с характером Ольги; не хотела она таиться и равнодушно смотреть, как сын ее, вся семья и весь народ остаются в язычестве, следовательно, лишаются вечного спасения. Так, по возвращении в Киев Ольга начала уговаривать сына Святослава к принятию христианства, но он и слышать не хотел об этом; впрочем, кто хотел креститься, тому не запрещали, а только смеялись над ним. В этом известии мы находим прямое указание, что христианство распространялось в Киеве, тогда как прежние христиане из варягов могли принимать греческую веру в Константинополе. Над принимавшими христианство начали смеяться в Киеве, но на прежних христиан при Игоре, как видно, не обращали внимания; следовательно, хотя не было явного преследования, однако насмешки были уже началом преследования и знаком усиления христианства, чего обращение Ольги могло быть и причиной и следствием; можно заметить, что новая религия начала принимать видное положение, обратила на себя внимание древней религии, и это враждебное внимание выразилось насмешками. Борьба начиналась: славянское язычество, принятое и руссами, могло противопоставить христианству мало положительного и потому должно было скоро преклониться пред ним, но христианство само по себе без отношения к славянскому язычеству встретило сильное сопротивление в характере сына Ольги, который не мог принять христианства по своим наклонностям, а не по привязанности к древней религии. Ольга, по свидетельству летописи, часто говорила ему: «Я узнала бога и радуюсь; если и ты узнаешь его, то также станешь радоваться», Святослав не слушался и отвечал на это: «Как мне одному принять другой закон? Дружина станет над этим смеяться». Ольга возражала: «Если ты крестишься, то и все станут то же делать». Святославу нечего было отвечать на это; не насмешек дружины боялся он, но собственный характер его противился принятию христианства. Он не послушался матери, говорит летописец, и жил по обычаю языческому (творил норovy поганские). Эта самая невозможность отвечать на возражение матери должна была раздражать Святослава, о чем свидетельствует и летопись, говоря, что он сердился на мать. Ольга даже ожидала больших опасностей со стороны язычников, что видно из ее слов патриарху: «Народ и сын мой в язычестве; дай мне бог уберечься от всякого зла!».

Мы видели, что предание провожает Ольгу в Константинополь и заставляет мудрейшую из всех людей русских перехитрить грека: тогда не знали лучшего доказательства мудрости. Предание провожает мудрую княгиню и домой, в Киев, заставляет ее и здесь постыдить греческого императора, охотника до даров и вспомогательного войска, и отомстить ему за то унижение, которому подвергались руссы в константинопольской гавани и которое, как видно, лежало у них на душе. Мы знаем из Игорева договора, что греки, опасаясь буйства русских и воинских хитростей с их стороны, выговорили себе право не впускать их в город до тех пор, пока в точности не узнают характера новоприбывших, имена которых должны были находиться на княжеском листе; эти меры предосторожности, как видно, очень раздражали русских, и вот в предании Ольга мстит за них императору. Когда Ольга, говорит летопись, возвратилась в Киев, то царь греческий прислал сказать ей: «Я тебя много дарил, потому что ты говорила мне: возвращусь на Русь, пришлю тебе богатые дары – рабов, воску, мехов, пришлю и войско на помощь». Ольга велела отвечать ему: «Когда ты столько же постоишь у меня на Почайне, сколько я стояла у тебя в гавани цареградской, тогда дам тебе обещанное».

Ольга воспитывала сына своего до возраста и мужества его, говорит летописец. Когда князь Святослав вырос и возмужал, то начал набирать воинов многих и храбрых, ходя легко, как барс, много воевал. Идя в поход, возов за собою не возил, ни котлов, потому что мяса не варил, но, изрезав тонкими ломтями конину или зверину, или говядину, пек на угольях;

шатра у него не было, а спал он на конском потнике, положивши седло под голову; так вели себя и все его воины. Он посылал в разные стороны, к разным народам с объявлением: «Хочу на вас идти!» Начальные слова предания о Святославе показывают набор дружины, удалцов, которые, как обыкновенно тогда водилось, прослышав о храбром вожде, стекались к нему отовсюду за славою и добычею. Поэтому Святослав совершал свои подвиги с помощью одной своей дружины, а не соединенными силами всех подвластных Руси племен: и точно, при описании походов его летописец не вы числяет племен, принимавших в них участие. Святослав набирал воинов многих и храбрых, которые были во всем на него похожи: так можно сказать только об отборной дружине, а не о войске многочисленном, составленном из разных племен. Самый способ ведения войны показывает, что она велась с небольшою отборною дружиною, которая позволяла Святославу обходиться без обозу и делать быстрые переходы: он воевал, ходя легко, как барс, т. е. делал необыкновенно быстрые переходы, прыжками, так сказать, подобно названному зверю.

При князьях, предшественниках Святослава, не было тронута одно только славянское племя на восток от Днепра – то были вятичи. С них-то и начал Святослав свои походы, узнав, что это племя платило дань козарам, Святослав бросился на последних, одолел их кагана, взял его главный город на Дону – Белую Вежу; потом победил ясов и касогов, жителей Прикавказья. К 968 году относят восточные писатели поход руссов на волжских болгар, разграбление главного города их (Болгар), который был складкою товаров, привозимых из окрестных стран; потом Русь вниз по Волге спустилась до Казерана, разграбила и этот город, равно как Итиль и Семендер. Все это согласно с русским преданием о походе Святослава на Волгу и битвах его с козарами, ясами и касогами. Так отомстил Святослав приволжскому народонаселению за недавние поражения руссов. По всем вероятностям, ко времени этих походов Святослава относится подчинение Тмутаракани русскому киевскому князю. На обратном пути с востока Святослав, говорит летопись, победил вятичей и наложил на них дань. С этого времени начинаются подвиги Святослава, мало имеющие отношения к нашей истории. Греческий император Никифор, угрожаемый войною с двух сторон, – и со стороны арабов и со стороны болгар – решился по обычаю вооружить против варваров других варваров: послал патриция Калокира к русскому князю нанять его за 15 кентинарий золота и привести воевать Болгарию. Калокир, говорят греческие историки, подружился с Святославом, прельстил его подарками и обещаниями; уговорились: Святославу завоевать Болгарию, оставить ее за собою и помогать Калокиру в достижении императорского престола, за что Калокир обещал Святославу несметные сокровища из императорской казны. В 967 году Святослав с своею дружиною отправился в Болгарию, завоевал ее и остался жить там в Переяславце на Дунае; он княжил в Переяславце, говорит летописец, а Русь оставалась без князя: в Киеве жила престарелая Ольга с малолетними внуками, а подле была степь, откуда беспрестанно можно было ожидать нападения кочевых варваров. И вот пришли печенеги, оборонить было некому, Ольга затворилась в Киеве со внуками. Бесчисленное множество печенегов обступило город, нельзя было ни выйти из него, ни вести послать, и жители изнемогали от голода и жажды. На противоположной стороне Днепра, говорит предание, собрались ратные люди в лодках, но не смели напасть на печенегов и не было сообщения между ними и киевлянами. Тогда последние встужили и стали говорить: «Нет ли кого, кто б мог пройти на ту сторону и сказать нашим, что если они завтра не нападут на печенегов, то мы сдадимся» И вот вызвался один молодой человек: «Я, – сказал он, – пойду» «Иди!» – закричали ему все. Молодой человек вышел из города с уздою и, ходя между печенегами, спрашивал, не видал ли кто его лошади. Он умел говорить по-печенежски, и потому варвары приняли его за одного из своих. Когда он подошел к реке, то сбросил с себя платье и поплыл; печенеги догадались об обмане, начали стрелять по нем, но не могли уже попасть: он был далеко, и русские со стороны выехали в лодке к нему навстречу и перевезли на другой берег. Он

сказал им: «Если не подступите завтра к городу, то люди хотят сдаться печенегам». Воевода именем Претич сказал на это: «Подступим завтра в лодках, как-нибудь захватим княгиню с княжатами и умчим их на эту сторону, а не то Святослав погубит нас, как воротится». Все согласились и на другой день, на рассвете, севши в лодки, громко затрубили; люди в городе радостно откликнулись им. Печенеги подумали, что князь пришел, отбежали от города, а тем временем Ольга со внуками успела сесть в лодку и переехать на другой берег. Увидав это, печенежский князь возвратился один к воеводе Претичу и спросил у него: «Кто это пришел?» Претич отвечал: «Люди с той стороны». Печенег опять спросил Претича: «А ты князь ли?» Воевода отвечал: «Я муж княжой и пришел в сторожах, а по мне идет полк с князем, бесчисленное множество войска». Он сказал это, чтобы пригрозить ему. Тогда князь печенежский сказал воеводе: «Будь мне другом». Тот согласился. Оба подали друг другу руки и разменялись подарками: князь печенежский подарил Претичу коня, саблю, стрелы; Претич отдал ему броню, щитом и мечом. После этого печенеги отступили от города, но стали не в далеком расстоянии от него; летописец говорит, что русским нельзя было коней напоить: на Лыбеди стояли печенеги. Таково предание, внесенное в летопись, так народная память передавала это событие. Из характеристических черт времени в этом предании мы заметим описание подарков, которыми обменялись Претич и князь печенежский, – в различии оружия резко выразилось различие между Европою и Азиею, между европейским и азиатским вооружением: степной кочевник, всадник по преимуществу, дарит коня и скифское оружие – саблю, стрелы; воевода русский дарит ему оружие воина европейского, большею частью оборонительное: броню, щит и меч.

Киевляне, продолжает предание, послали сказать Святославу: «Ты, князь, чужой земли ищешь и блюдешь ее, от своей же отрекся, чуть-чуть нас не взяли печенеги вместе с твоею матерью и детьми; если не придешь, не оборонишь нас, то опять возьмут; неужели тебе не жалко отчины своей, ни матери-старухи, ни детей малых?» Услыхав об этом, Святослав немедленно сел на коней, с дружиною пришел в Киев, поздоровался с матерью и детьми, рассердился на печенегов, собрал войско и прогнал варваров в степь. Но Святослав недолго нажил в Киеве: по преданию, он сказал матери своей и боярам: «Не любо мне в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там *середина* Земли моей; туда со всех сторон свозят все доброе: от греков – золото, ткани, вина, овощи разные от чехов и венгров – серебро и коней, из Руси – меха, воск, мед и рабов». Ольга на это отвечала ему: «Ты видишь, что я уже больна, куда же это ты от меня уходишь? Когда похоронишь меня, то иди куда хочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакались по ней сын, внуки и люди все плачем великим. Ольга запретила праздновать по себе тризну, потому что у ней был священник, который и похоронил ее.

Здесь очень важно для нас выражение Святослава о Переяславце: «То есть середина в Земле моей». Каким образом Переяславец мог быть серединою земли Святославовой? Это выражение может быть объяснено двояким образом: 1) Переяславец в земле моей есть срединное место, потому что туда из всех стран свозится все доброе; Переяславец, следовательно, назван серединою не относительно положения своего среди владений Святослава, но как средоточие торговли. 2) Второе объяснение нам кажется легче: Святослав свою Землю считал только одну Болгарию, приобретенную им самим, Русскую же землю считал по понятиям того времени владением общим, родовым. Святослав спешил окончить свое княжение на Руси: он посадил старшего сына, Ярополка, в Киеве, другого, Олега, – в земле Древлянской. Это вовсе не значит, чтобы этими волостями ограничивались владения русских князей: уже при Олеге все течение Днепра до Киева было в русском владении, в Смоленске и Любече сидели мужи киевского князя; Ольга ездила и рядила землю до самых северных пределов Новгородской области; следовательно, деление Святослава означает, что у него было только двое способных к правлению сыновей, а не только две волости – Киевская и Древлянская; остальные же волости оба брата должны были поделить между собою, как после Яросла-

вичи, усевшись около Днепра, поделили между собою волости отдаленнейшие. Как после Ярославичи теснились все в привольной родине своей, около Днепра и Киева, около собственной Руси, не любя волостей северных и восточных, так и теперь оба сына Святославова садятся на юге, недалеко друг от друга и не хотят идти на север. Но если князья не любили севера, то жители северной области, новгородцы, не любили жить без князя или управляться посадником из Киева, особенно когда древляне получили своего князя. Новгородцы и после любили, чтобы у них был свой князь, знавший их обычай; до сих пор они терпели посадника киевского, потому что во всей Руси был один князь, но теперь, когда древляне получили своего князя, новгородцы так же хотят иметь своего. Послы их, по преданию, пришли к Святославу и стали просить себе князя: «Если никто из вашего рода не пойдет к нам, – говорили они, – то мы найдем себе князя». Святослав отвечал им: «Если бы кто к вам пошел, то я был бы рад дать вам князя». Ярополк и Олег были спрошены – хотят ли идти в Новгород – и, по изложенным выше причинам, отказались. Тогда Добрыня внушил новгородцам: «Просите Владимира». Владимир был третий сын Святослава, рожденный от Малуши – ключницы Ольгиной, сестры Добрыни. Новгородцы сказали Святославу: «Дай нам Владимира». Князь отвечал им: «Возьмите». Новгородцы взяли Владимира к себе, и пошел Владимир с Добрыней, дядею своим, в Новгород, а Святослав – в Переяславец.

Здесь останавливает нас вопрос: почему Святослав не дал никакой волости младшему сыну своему, Владимиру, сам сначала и уже после отправил его к новгородцам по требованию последних? Летописец как будто спешит объяснить причину явления; Владимир, говорит он, был сын Малуши – ключницы Ольгиной, следовательно рабыни, ибо, по древнему уставу, человек и вольный, ставший ключником, поэтому уже самому превращался в раба. Итак, Владимир был не совсем равноправный брат Ярополка и Олега. Многоженство не исключало неравноправности: если было различие между женами (водимыми) и наложницами, то необходимо должно существовать различие и между детьми тех и других. Но если многоженство не исключало неравноправности детей, то по крайней мере много ослабляло ее: было различие между детьми наложниц – правда, но все не такое различие, какое, по нашим понятиям, существует между детьми законными и незаконными. На это малое различие указывает уже то явление, что новгородцы приняли Владимира, как князя, и после не полагается между ним и братьями никакого различия. Здесь, как естественно, имело силу не столько различие между законностью и незаконностью матери, сколько знатность и низость ее происхождения; разумеется, ключница, рабыня, полюбившаяся Святославу, не могла стать наряду с другою его женою, какой-нибудь княжною, или дочерью знатного боярина; отсюда низость матери падала и на сына, не отнимая, впрочем, у него отцовских прав; Владимир был князь, но при случае, когда нужно было сравнить его с остальными братьями, могли выставить на вид низкое происхождение его матери; так после полоцкая княжна Рогнеда, выбирая между двумя женихами, Ярополком и Владимиром, говорит, что она не хочет идти замуж за Владимира как сына рабыни. Обратив внимание на это обстоятельство было очень естественно княжне, ибо при многоженстве женщины знатного происхождения старались как можно резче отделить от себя наложниц своих мужей, и презрение, которое питали к наложницам, старались переносить и на детей их. Святослав сначала не дал волости Владимиру и потом отпустил его в Новгород, могши в самом деле испугаться угрозы новгородцев, что они откажутся от его рода и найдут себе другого князя. Добрыня хлопотал об этом, надеясь во время малолетства Владимирово занимать первое место в Новгороде и не надеясь, чтобы после старшие братья дали младшему хорошую волость; новгородцы же приняли малолетнего Владимира, потому что он все-таки был независимый князь, а не посадник, притом же надеялись воспитать у себя Владимира в своем обычае: они и после любили иметь у себя такого князя, который бы вырос у них.

Княжение Святослава кончилось на Руси; он отдал все свои владения здесь сыновьям и отправился в Болгарию навсегда. Но на этот раз он не был так счастлив, как прежде: болгары встретили его враждебно; еще опаснейшего врага нашел себе Святослав в Иоанне Цимискии – византийском императоре. У нашего летописца читаем предание о подвигах Святослава в войне с греками; это предание, несмотря на неверный свет, который брошен им на события, важно для нас потому, что представляет яркую картину дружинной жизни, очерчивает характер знаменитого вождя дружины, около которого собралась толпа подобных ему сподвижников. По преданию, Святослав пришел в Переяславец, но болгары затворились в городе и не пустили его туда. Мало того, они вышли на сечу против Святослава, сеча была сильная, и болгары стали было уже одолевать; тогда Святослав сказал своим: «Уже нам видно здесь погибнуть; потянем мужески, братья и дружина!» К вечеру Святослав одолел, взял город копьем (приступом) и послал сказать грекам: «Хочу на вас идти, хочу взять и ваш город, как взял этот». Греки отвечали: «Нам не совладеть с вами, возьми лучше с нас дань на себя и на дружину свою, да скажите, сколько вас, так мы дадим на каждого человека». Греки говорили это, желая обмануть русь, прибавляет летописец, потому что греки лживы и до сих пор. Святослав отвечал: «Нас 20000»; десять-то тысяч он прибавил, потому что русских было всего 10000; греки собрали 100000 на Святослава и не дали дани; Святослав пошел на них, но русь испугалась, видя множество вражьего войска; тогда Святослав сказал дружине: «Нам некуда деться, волею и неволею пришлось стать против греков: так не посрамям Русской земли, но ляжем костями, мертвым не стыдно: если же побежим, то некуда будет убежать от стыда; станем же крепко, я пойду перед вами, и если голова моя ляжет, тогда промышляйте о себе». Дружина отвечала: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». Русь ополчилась, была сеча большая, и Святослав обратил в бегство греков, после чего пошел к Константинополю, воюя и разбивая города, которые и до сих пор лежат пусты, прибавляет летописец. Царь созвал бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем стать против него!» Бояре отвечали: «Пошли к нему дары, испытаем его, на что он больше польстится – на золото или на ткани дорогие?» Царь послал и золото и ткани, а с ними мужа мудрого, которому наказал: «Смотри хорошенько ему в лицо». Святославу объявили, что пришли греки с поклоном; он велел их ввести; греки пришли, поклонились, разложили перед ним золото и ткани; Святослав, смотря по сторонам, сказал отрокам своим: «спрячьте это». Послы возвратились к царю, который созвал опять бояр, и стали рассказывать: «Как пришли мы к нему и отдали дары, то он и не посмотрел на них, а велел спрятать». Тогда один боярин сказал царю: «Поиспытай-ка его еще: пошли ему оружие». Послали Святославу меч и другое оружие; он принял, начал хвалить и любоваться и послал поклон царю. Послы возвратились с этим к последнему, и тогда бояре сказали: «Люют должен быть этот человек, что на богатство не смотрит, а оружие берет; делать нечего, станем платить ему дань,» – и царь послал сказать Святославу: «Не ходи к Царю-городу, но возьми дань, сколько хочешь»; потому что русские были уже недалеко от Царя-града. Греки прислали дань; Святослав взял и за убитых, говоря: «Род их возьмет». Кроме дани, Святослав взял много даров и возвратился в Переяславец с большою честью. Видя, однако, что дружины осталось мало, Святослав начал думать: «Что, как обманом перебьют дружину мою и меня: пойду лучше в Русь, приведу больше дружины». Принявши такое намерение, он отправил к царю в Доростол послов, которые должны были сказать ему от имени своего князя: «Хочу держать с тобою мир твердый и любовь». Царь обрадовался и послал к нему дары больше первых. Святослав, приняв дары, начал говорить дружине: «Если не заключим мира с царем и царь узнает, что нас мало, и греки оступят нас в городе, а Русская земля далеко, печенег с нами в войне то кто нам поможет? Заключим лучше мир с царем.

Греки уже взялись платить нам дань и того будет с нас; если же они перестанут платить дань, то, собравши побольше войска, пойдем опять к Царю-городу». Речь эта полюбилась

дружине, и лучшие мужи отправились от Святослава к царю в Доростол. Заключен был мир и написан договор; договор этот также внесен в летопись: Святослав обязался не воевать греческих областей ни сам, ни получать на это другой какой-нибудь народ, не воевать ни страны Корсунской, ни Болгарской, и если другой какой-нибудь народ вздумает идти на греков, то русский князь обязался воевать с ним.

Предание, основанное, без сомнения, на рассказах Свенельда и немногих товарищей его, возвратившихся в Киев после гибели Святославовой, согласно с византийскими летописцами относительно гордого вызова Святослава грекам: «Хочу на вас идти, и взять ваш город, как взял этот»; но эти слова у византийцев Святослав сказал в ответ на мирные предложения императора; очень согласно с своим положением Святослав велит сказать Цимискию, что Русь не поденщики, которые питаются трудами рук своих. Самое начало войны было уже, по византийцам, несчастливо для Руси: полководец Цимиския Вард Склир разбил отряд Святослава войска, составленный, кроме руси, из венгров и болгар. Несмотря, однако, на это и по византийцам видно, что Святослав не думал унывать; русские отряды сильно разоряли области Империи, что означено у летописца разрушением городов. Цимиский видел, что необходимо всеми силами государства напасть на Святослава и вытеснить его из Болгарии. Он вступил с огромными войсками в эту землю, и началась война на жизнь и на смерть, как видно из слов самих византийцев, которые отдают справедливость отчаянной храбрости Святославовой дружины. Но эта храбрость не помогла против безмерно большего числа врагов, предводимых полководцем искусным и храбрым, среди враждебных болгар, против которых Святослав, по словам византийцев, употреблял крайне насильственные меры. Русский князь принужден был просить мира у императора с условием очистить Болгарию. После мира имело место свидание обоих вождей; для нас важно описание Святославовой наружности, оставленное Львом Диаконом: «Святослав приплыл на место свидания в лодке по Дунаю, причем действовал веслом наравне с другими гребцами. Он был среднего роста, имел плоский нос, глаза голубые, густые брови, мало волос на бороде и длинные, косматые усы. Все волосы на голове были у него выстрижены, кроме одного клока, висевшего по обеим сторонам, что означало его знатное происхождение. Шея у него была плотная, грудь широкая, и все прочие члены очень стройные. Вся наружность представляла что-то мрачное и свирепое. В одном ухе висела серьга, украшенная карбункулом и двумя жемчужинами. Белая одежда его только чистотою отличалась от одежды прочих русских». Из сличения наших летописных известий с известиями византийцев оказывается одно, что Святослав потерпел неудачу, должен был заключить невыгодный для себя мир с императором, причем обязался оставить Болгарию и возвратиться в Русь. Что же касается до противоречий между русскими и греческими известиями, то ясно, что в летописное известие вошли рассказы Свенельда и его уцелевших товарищей, которые, передавая об одних подвигах своих, умолчали о неудачах.

Заключив мир с греками, Святослав пошел в лодях к днепровским порогам; отцовский воевода Свенельд говорил ему: «Ступай, князь, в обход на конях, потому что стоят печенеги в порогах». Святослав не послушал его и пошел в лодях; между тем переяславцы послали сказать печенегам: «Идет Святослав в Русь с большим богатством и с малою дружиною». Получив эту весть, печенеги заступили пороги, и когда Святослав приплыл к ним, то уже нельзя было пройти. Князь стал зимовать в Белобережьи, съестные припасы вышли и сделался большой голод, так что платили по полугривне за лошадиную голову. В начале весны Святослав пошел опять в пороги, но здесь был встречен Курею, князем печенежским, и убит; из черепа его сделали чашу, оковали ее золотом и пили из нее. Свенельд пришел в Киев к Ярополку.

Это предание, как оно занесено в летопись, требует некоторых пояснений. Здесь прежде всего представляется вопрос: почему Святослав, который так мало был способен

к страху, испугался печенегов и возвратился назад зимовать в Белобережье; если испугался в первый раз, то какую надежду имел к беспрепятственному возвращению после, весною; почему он мог думать, что печенеги не будут сторожить его и в это время; наконец, если испугался печенегов, то почему не принял совета Свенельдова, который указывал ему обходный путь степью? Другой вопрос: каким образом спасся Свенельд? Во-первых, мы знаем, каким бесчестием покрывался дружинник, оставивший своего вождя в битве, переживший его и отдавший тело его на поругание врагам; этому бесчестию наиболее подвергались самые храбрейшие, т. е. самые приближенные к вождю, князю; а кто был ближе Свенельда к Святославу? Дружина обещала Святославу, что где ляжет его голова, там и они все головы свои сложат; дружина, не знавшая страха среди многочисленных полчищ греческих, дрогнула перед печенегами? И неужели Свенельд не постыдился бежать с поля, не захотел лечь с своим князем? Во-вторых, каким образом он мог спастись? Мы знаем, как затруднительны бывали переходы русских через пороги, когда они принуждены бывали тащить на себе лодки и обороняться от врагов, и при такой малочисленности Святославовой дружины трудно, чтоб главный по князе вождь мог спастись от тучи облежавших варваров. Для решения этих вопросов мы должны обратить внимание на характер и положение Святослава, как они выставлены в предании. Святослав завоевал Болгарию и остался там жить; вызванный оттуда вестью об опасности своего семейства, нехотя поехал в Русь; здесь едва дождался смерти матери, отдал волости сыновьям и отправился навсегда в Болгарию, свою страну. Но теперь он принужден снова ее оставить и возвратиться в Русь, от которой уже отрекся, где уже княжили его сыновья; в каком отношении он находился к ним, особенно к старшему, Ярополку, сидевшему в Киеве? Во всяком случае ему необходимо было лишить последнего данной ему власти и занять его место; притом, как должны были смотреть на него киевляне, которые и прежде упрекали его за то, что он отрекся от Руси? Теперь он потерял ту страну, для которой пренебрег Русью, и пришел беглецом в родную землю. Естественно, что такое положение должно было быть для Святослава нестерпимо; не удивительно, что ему не хотелось возвратиться в Киев, и он остался зимовать в Белобережье, послав Свенельда степью в Русь, чтоб тот привел ему оттуда побольше дружины, с которою можно было бы снова выступить против болгар и греков, что он именно и обещал сделать перед отъездом из Болгарии. Но Свенельд волею или неволею мешкал на Руси, а голод не позволял Святославу медлить более в Белобережье; идти в обход степью было нельзя: кони были все съедены, по необходимости должно было плыть Днепром чрез пороги, где ждали печенеги. Что Святослав сам отправил Свенельда степью в Киев, об этом свидетельствует Иоакимова летопись.

Таковы предания о деятельности и смерти Святослава. Олег и Ольга соединены в предании одним характером: оба представляются нарядниками земли, мудрыми, вещими; Игорь между ними является воином неотважным, князем недейтельным, вождем дружины корыстолюбивым. Святослав представлен образцом воина и только воина, который с своею отборною дружиною покинул Русскую землю для подвигов отдаленных, славных для него и бесполезных для родной земли; эти отношения Святослава к Руси предание выставило в речах послов киевских, отправленных к Святославу в Болгарию. Можно сказать, что Святослав никогда не имел на Руси значения князя: сначала это значение имела его мать, Ольга, потом сыновья его. Утверждение Святослава в Болгарии, успехи его в войне с греками могли иметь важные следствия для новорожденной Руси, но историк не имеет права рассуждать о том, что могло быть, он имеет право только сказать, что неудача Святослава произошла от недостаточности его средств, от того, что он оторвался от Руси, действовал только с одною отборною дружиною, а не устремил на Грецию соединенные силы всех племен, подвластных Руси; только в последнем случае предприятие Святослава могло иметь важное, решительное влияние на судьбы Восточной Европы. Олег и Ольга предания действуют преимущественно хитростью и перехитряют самих греков; Святослав отличается поведением проти-

воположным; он не нападает на врагов хитростью, но посылает сказать им: иду на вас! И когда однажды он вздумал было схитрить с греками, то его неловкая хитрость обратилась во вред ему самому.

Каковы бы ни были причины и обстоятельства смерти Святославовой, Ярополк остался старшим в роде княжеском и Свенельд при нем в большой силе. Для объяснения последующих явлений мы не должны упускать из виду возраста детей Святославовых: Ярополку было не более 11 лет, следовательно, при нем должен был находиться воспитатель, кто был этот воспитатель, в каком отношении был к нему Свенельд и как получил важное значение – об этом летописец ничего не знает. Мы не должны только забывать, что Ярополк был малолетен, следовательно, действовал под чужим влиянием. Единственным событием Ярополкова княжения, внесенным в летопись, была усобица между сыновьями Святослава. Мы знаем, что охота, после войны, была господствующею страстию средневековых варваров: везде князья предоставляли себе касательно охоты большие права, жестоко наказывая за их нарушение. Это служит достаточным объяснением происшествия, рассказанного нашим летописцем: сын Свенельда, именем Лют, выехал из Киева на охоту и, погнавшись за зверем, въехал в леса, принадлежавшие к волости Олега, князя древлянского; по случаю в это же время охотился здесь и сам Олег, он встретился с Лютом, спросил, кто это такой и, узнав, что имел дело с сыном Свенельдовым, убил его. Здесь, впрочем, несмотря на предложенное нами выше общее объяснение поступка Олегова, нас останавливает одна частность: Олег, говорит предание, осведомился – кто такой позволяет себе охотиться вместе с ним и, узнав, что это сын Свенельдов, убил его. Зачем предание связывает части действия так, что Олег убивает Люта тогда, когда узнает в нем сына Свенельдова? Если бы Олег простил Люту его дерзость, узнав, что он сын Свенельда – знаменитого боярина старшего брата, боярина отцовского и дедовского, тогда дело было бы ясно; но летописец говорит, что Олег убил Люта именно узнавши, что он сын Свенельда; при этом вспомним, что древлянскому князю было не более 13 лет! Следовательно, воля его была подчинена влиянию других, влиянию какого-нибудь сильного боярина, вроде Свенельда. Как бы то ни было, за это возникла ненависть между Ярополком и Олегом; Свенельд хотел отомстить Олегу за сына и потому не переставал твердить Ярополку: «Поди на брата и возьми волость его». Через два года, т. е. когда Ярополку было 16, а Олегу 15 лет, киевский князь пошел ратью на древлянского; последний вышел к нему навстречу с войском, и Ярополк победил Олега. Олег побежал в город, называемый Овруч; на мосту, перекинутом через ров к городским воротам, беглецы стеснились и сталкивали друг друга в ров, причем столкнули и Олега; людей попало много, за ними попадали лошади, которые и передавили людей. Ярополк вошел в город Олега, взял на себя власть его и послал искать брата. Долго искали князя и не могли найти. Тогда один древлянин сказал: «Я видел, как вчера столкнули его с моста». Стали вытаскивать трупы изо рва с утра до полудни, наконец, нашли Олега под трупами, внесли в княжий дом и положили на ковре. Пришел Ярополк, начал над ним плакаться и сказал Свенельду: «Порадуйся теперь, твое желание исполнилось». Заключали ли в себе эти слова упрек или Ярополк хотел ими просто объявить старику, что желание его удовлетворено, хотя первое правдоподобнее по связи с плачем – во всяком случае предание признает, что дело совершено преимущественно под влиянием Свенельда, и очень естественно, что князь не действовал самостоятельно: ему было только 16 лет!

Ярополк, как сказано выше, взял братнюю волость. Третий Святославич, Владимир, узнал в Новгороде, что Ярополк убил Олега, испугался братнего властолюбия и бежал за море, а Ярополк послал в Новгород своих посадников и стал владеть один на Руси.

Через три года Владимир возвратился с варягами в Новгород и прогнал оттуда Ярополковых посадников, приказав им сказать брату: «Владимир идет на тебя, приготовляйся к войне». Наступательное движение Владимира против Ярополка было необходимо: Вла-

димир не мог надеяться, чтоб старший брат спокойно снес изгнание своих наместников из Новгорода; Владимиру нужно было предупредить его, тем более, что у него теперь были наемные варяги, а Ярополк не собрался с силами; варягов надобно было употребить в дело, отпустить их ни с чем было невыгодно и опасно, оставить их у себя в Новгороде было еще невыгоднее и опаснее; отпустивши их, дожидаться, пока Ярополк, собравши все силы юга, двинется против Новгорода, было безрассудно. Но прежде начатия борьбы обоим братьям было важно приобрести себе союзника во владетеле полоцком; в это время в Полоцке сидел какой-то Рогволод, пришедший из-за моря; каковы были отношения этого Рогволода к правнукам Рюрика, из летописи определить довольно трудно. Дочь этого Рогволода Рогнеда была сговорена за Ярополка. Владимир, чтоб склонить полоцкого державца на свою сторону, чтобы показать, что последний ничего не потеряет, если киевский князь будет низложен, послал и от себя свататься также за дочь Рогволодову. Летописец говорит, что Рогволод в таких затруднительных обстоятельствах отдал дело на решение дочери, и Рогнеда отвечала, что она не хочет выйти замуж за сына рабы, т. е. Владимира, но хочет за Ярополка. Когда отроки Владимира пересказали ему Рогнедин ответ, то он собрал большое войско из варягов, новгородцев, чуди и кривичей и пошел на Полоцк. Здесь мы видим опять не набег дружины, не одних варягов, но поход, в котором участвовали, как в походе Олега, все северные племена. В то время, когда Рогнеду готовились вести за Ярополка, Владимир напал на Полоцк, убил Рогволода с двумя сыновьями, и женился на Рогнеде. При этом случае в некоторых списках летописи находим известие, что виновником всех предприятий был Добрыня, дядя Владимиров, что он посылал сватать Рогнеду за Владимира; он после гордого отказа полоцкой княжны повел племянника и войско против Рогволода, позором отомстил Рогнеде за ее презрительный отзыв о матери Владимира, убил ее отца и братьев. В самом деле, странно было бы предположить, чтоб Владимир, будучи очень молод, по прямому указанию предания, мог действовать во всем самостоятельно при жизни Добрыни, своего воспитателя и благодетеля, потому что, как мы видели, он ему преимущественно был обязан новгородским княжением. Итак, говоря о действиях Владимира, историк должен предполагать Добрыню. О характере Добрыни мы имеем право заключать по некоторым указаниям летописи: видно, что это был старик умный, ловкий, решительный, но жесткий; на его жесткость указывает приведенное свидетельство о поступке с Рогнедою и отцом ее; сохранилось также известие об его жестоких, насильственных поступках с новгородцами при обращении их в христианство, следовательно, если замечается жестокость и насильственность в поступках молодого Владимира, то мы никак не можем приписывать это одному его характеру, не обращая внимания на влияние Добрыни. Что же касается до поступка Добрыни с Рогволодом и его дочерью, то он очень понятен: Рогнеда, отказывая Владимиру, как сыну рабы, оскорбила этим сколько его, столько же и Добрыню, которого сестра была именно эта раба, через нее он был дядя князю; словами Рогнеды была преимущественно опозорена связь, родство Владимира с Добрынею, и вот последний мстит за этот позор жестоким позором.

О дальнейшей судьбе Рогнеды народная память сохранила следующее предание. Когда Владимир утвердился в Киеве, то набрал себе много других жен, а на Рогнеду не обращал внимания. Рогнеда не могла перенести такого поведения мужа, тем более что по самому происхождению своему имела право если не на исключительность, то по крайней мере на первенство. Однажды, когда Владимир пришел к ней и заснул, она хотела зарезать его ножом, но он вдруг проснулся и схватил ее за руку; тут она начала ему говорить: «Уж мне горько стало: отца моего ты убил и землю его полонил для меня, а теперь не любишь меня и младенца моего». В ответ Владимир велел ей одеться во все княжеское платье, как была она одета в день свадьбы своей, сесть на богатой постели и дожидаться его – он хотел прийти и убить жену. Рогнеда исполнила его волю, но дала обнаженный меч в руки сыну своему Изяславу и наказала ему: «Смотри, когда войдет отец, то ты выступи и скажи ему: разве ты

думаешь, что ты здесь один?» Владимир, увидав сына и услышав его слова, сказал: «А кто ж тебя знал, что ты здесь?», бросил меч, велел позвать бояр и рассказал им все как было. Бояре отвечали ему: «Уж не убивай ее ради этого ребенка, но восстанови ее отчину и дай ей с сыном». Владимир построил город и дал им, назвав город Изяславлем. С тех пор, заключает предание, внуки Рогволодовы враждуют со внуками Ярославовыми.

Из Полоцка Владимир двинулся с большим войском на Ярополка; тот не был в состоянии сопротивляться ему, и затворился в Киеве, а Владимир окопался на Дорогожичи, между Дорогожичем и Капичем. Это бессилие Ярополка легко объяснить: храбрая дружина ушла с Святославом в Болгарию, много ли возвратилось с Свенельдом? Ярополк мог и с малою дружиною одержать верх в сшибке с еще меньшею дружиною брата своего Олега, но ему нельзя было выйти с нею против войска Владимирова, которое летописец не один раз называет многочисленным, состоявшим из наемных варягов и северных племен. Притом известно, что народонаселение наших древних областей неохотно принимало участие в княжеских усобицах; далее, надобно заметить, что северное народонаселение – новгородцы, чудь и кривичи, которого ратники были под знаменами Владимира, сражалось за этого князя по тем же побуждениям, по каким после новгородцы с таким усердием отстаивали Ярослава против Святополка; Владимир был их князь, у них выросший; с его низложением они должны будут опять подчиниться посадникам Ярополка; но возвращение последних не могло быть выгодно для новгородцев, ибо трудно предположить, чтобы Владимир выгнал их без ведома и согласия последних, которые поэтому не могли быть в приятных отношениях к киевскому князю; заметим еще и то, что северное народонаселение – новгородцы, чудь и кривичи – издавна было гораздо теснее соединено между собою, чем южное; мы видим эти племена действующими заодно при изгнании варягов, в призвании князей, следовательно, имеем право думать, что они относительно яснее понимали свои выгоды и дружнее могли отстаивать своего князя, чем племена южные, недавно только оружием князей приведенные в некоторую связь и зависимость от одной общей власти. Итак Ярополк, будучи не в состоянии биться с Владимиром в чистом поле, затворился в Киеве с людьми своими и с Блудом, воеводою. Этот Блуд является главным советником князя, главным действующим во время события; князь беспрекословно исполняет его внушения, что и понятно, если вспомним возраст Ярополка, если вспомним, что и при Владимире роль Блуда исполнял Добрыня. Следовательно, Владимиру или Добрыне нужно было иметь дело с Блудом, а не с Ярополком. И вот Блуд от имени новгородского князя получил предложение покинуть Ярополка, предать его младшему брату. Переманить Блуда можно было только обещанием, что он ничего не потеряет, что и при Владимире он будет иметь такое же значение, какое имел при Ярополке, т. е. значение наставника, отца при молодом князе; Владимир велел сказать ему: «Помоги мне; если я убью брата, то ты будешь мне вместо отца и получишь от меня большую честь». В летописи помещены тут же слова Владимира, в которых он оправдывает поведение свое относительно брата: «Не я, говорит он, начал избивать братию, но он, я пришел на него, побоявшись такой же участи». Блуд велел отвечать Владимиру, что он будет всем сердцем помогать ему. Летописец старается сложить всю вину на Блуда. По его рассказу, Блуд стал обманывать Ярополка, беспрестанно ссылаясь с Владимиром, советуя ему приступить к городу, а сам придумывал, как бы убить Ярополка; но посредством граждан нельзя было убить его. Тогда Блуд замыслил погубить князя лестью: он не пускал его на вылазки из города и говорил: «Киевляне ссылаются с Владимиром, зовут его на приступ, обещаются предать тебя ему; побегу лучше за город». Ярополк послушался, выбежал из Киева и затворился в городе Родне, на устье реки Рси. Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне, где сделался большой голод, так что надолго осталась пословица: «Беда, как в Родне». Тогда Блуд начал говорить Ярополку: «Видишь, сколько войска у брата твоего? Нам их не перебороть, мирись с братом». Ярополк согласился и на это, а Блуд послал сказать Владимиру: «Твое желание

сбылось: приведу к тебе Ярополка, а ты распорядись, как бы убить его». Владимир, получивши весть, вышел на отцовский теремный двор и сел тут с дружиною, а Блуд начал посылать Ярополка: «Ступай к брату и скажи ему: что мне дашь, то и возьму». Ярополк пошел, хотя один из дружины, именем Варяжко, говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги лучше к печенегам и приведи от них войско». Но Ярополк не послушал его, пошел к Владимиру и как стал входить в двери, то два варяга прокололи его мечами, а Блуд затворил двери и не дал своим идти за ним. Так был убит Ярополк. Варяжко, видя, что князь убит, бежал с двора к печенегам и много раз приходил с ними на Владимира, так что тот едва успел пере-звать его к себе, поклявшись не делать ему никакого зла. Следовательно, из начальной киевской летописи оказывается, что Владимир был одолжен своею победою, во-первых, тому, что Ярополк не имел достаточно войска, чтобы стать против него в чистом поле: во-вторых, измене Блуда, который, страшая князя вероломством киевлян, не пускал его на вылазки и потом уговорил совершенно оставить Киев.

При рассказе об этом событии нельзя умолчать об известном отрывке из Иоакимовой новгородской летописи, сохраненном у Татищева; не заключая в себе никакого противоречия начальной Киевской летописи, летопись Иоакимова главною причиною Владимирова торжества выставляет борьбу христианства с язычеством; если бы даже это объяснение было выдуманно, то и тогда нужно было бы упомянуть о нем, как о догадке, очень остроумной и вероятной. Известно, что отец Владимира Святослав по своему характеру не мог склониться на увещания св. Ольги и что поклонники Христа при нем подвергались ругательствам от поклонников Перуна, хотя собственно гонения не было. Но во время греческой войны, по свидетельству Иоакима, Святослав переменил свое поведение относительно христиан: поверив внушениям окружавших его язычников, будто виновниками неудач военных были христиане, находившиеся в дружине, князь воздвиг на них гонение, причем не пощадил даже своего брата Глеба и послал в Киев приказ разорить христианские храмы. Но, отказавшись от принятия христианства сам, Святослав между тем оставил сыновей своих при бабке-христианке; ясно, какие внушения должны были получить от нее молодые князья. В Иоакимовской летописи читаем, что Ярополк был кроток и милостив, любил христиан и если сам не крестился, боясь народа, то по крайней мере другим не препятствовал. Те, которые при Святославе ругались над христианством, естественно, не любили князя, приверженного к враждебной религии: этим нерасположением к Ярополку воспользовался Владимир (т. е. Добрыня) и успел отнять жизнь и владение у брата. Ярополк, по словам Иоакимовой летописи, послал увещевать брата к миру и вместе войско в землю Кривскую. Владимир испугался и хотел было уже бежать к Новгороду, но дядя его Добрыня, зная, что Ярополк нелюбим язычниками, удержал племянника и послал в Ярополков стан с дарами к воеводам, перезывая их на сторону Владимира. Воеводы обещали передаться и исполнили свое обещание в битве при реке Друче, в трех днях пути от Смоленска. Последующие события описаны, согласно с начальной Киевской летописью.

Если мы примем во внимание рассказ Иоакимовской летописи, то нам объяснится поведение Владимира в первые годы его княжения: торжество Владимира было торжеством языческой стороны над христианскою, вот почему новый князь ознаменовывает начало своего правления сильною ревностью к язычеству, ставит кумиры на высотах киевских; дядя его Добрыня поступает точно так же в Новгороде. Судя по выражениям летописца, никогда в Русской земле не было видно такого гнусного идолослужения, хотя, как кажется, не следует принимать этих выражений буквально: начал княжить Владимир в Киеве один, говорит летописец, и поставил кумиры на холме, вне двора теремного, Перуна деревянного, а голова у него серебряная, ус золотой, Хорса Дажбога, Стрибога, Симаргла (Сима и Регла) и Мокоша. Приносили им жертвы, называя богами, приводили сыновей и дочерей и приносили жертвы бесам, осквернилась кровью земля Русская и холм тот. Нам известно, что

славяне – язычники сильно негодовали на христианскую религию за то, что она не допускала многоженства; в ознаменование торжества языческой стороны, князь, виновник этого торжества, предается необузданному женолюбию: кроме пяти законных жен, было у него 300 наложниц в Вышгороде, 300 в Белгороде, 200 в селе Берестове. Он был несыт блуда, по выражению летописца: приводил к себе замужних женщин и девиц на растление, одним словом, был женолюбив, как Соломон.

Но в то время, как Владимир угождал язычникам, буйство наемных варягов ставило его в затруднительное положение относительно Киева. Мы видели, что торжество над Ярополком во всяком случае досталось ему дешево: если и была битва в стране Смоленской, то в собственной Руси все покорилося ему без сопротивления. Несмотря на то, варяги думали, что торжеством своим Владимир обязан им, и поступали буйно с гражданами, как с завоеванными; они говорили Владимиру: «Город-то наш, мы его взяли, так мы хотим брать окуп на народе, по 2 гривны с человека». Владимир отвечал: «Пождите месяц, пока соберут деньги». Варяги ждали, ждали и не получили денег. Тогда они сказали князю; «Обманул ты нас: так отпусти в Грецию». Владимир согласился; он выбрал из них мужей, добрых, смышленных и храбрых, и роздал им города, а прочие пошли в Константинополь, Но почему же варяги не попробовали силою взять денег? Историки догадываются, что Владимир именно назначил месячный срок, дабы взять свои меры, увеличить собственно русское войско; с одной стороны, это могло быть и так, с другой, хорошим средством для Владимира – сделать варягов безопасными – было и то, о чем говорит летописец, а именно: князь воспользовался сроком, чтобы склонить на свою сторону лучших варягов, предводителей, привязав их к себе и к Руси выгодами; толпа, худшие люди, оставшись без предводителей, не смели предпринять ничего; таким образом, Владимир ослабил варягов, разделив их. Варяги просили Владимира: «Покажи нам путь в Грецию». Это могло значить, что варяги просили у князя пропускных листов, без которых греческое правительство не принимало варягов, по договорам. Владимир точно отправил посольство к императору насчет варягов; послы должны были сказать ему: «Идут к тебе варяги, не держи их в городе; не то натворят они тебе беды, как и здесь; расточи их в разные стороны, а сюда не пускай ни одного». Выражение: наделают они тебе бед, как и здесь, – показывает, что варяги буйствовали в Киеве.

Касательно внешних отношений при Ярополке есть известие о победе этого князя над печенегами, о вступлении печенежского князя Илдея в службу к Ярополку, который дал ему города и волости, о заключении мира с греками на условиях отцовских и дедовских, о приходе послов папских.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВЛАДИМИР СВЯТОЙ. ЯРОСЛАВ I

Несостоятельность язычества. – Известие о принятии христианства Владимиром. – Распространение христианства на Руси при Владимире. – Средства к утверждению христианства. – Влияние духовенства. – Войны Владимира. – Первое столкновение с западными славянами. – Борьба с печенегами. – Смерть Владимира, его характер. – Усобица между сыновьями Владимира. – Утверждение Ярослава в Киеве. – Отношения к Скандинавии и Польше. – Последняя греческая война. – Борьба с печенегами. – Внутренняя деятельность Ярослава. (980 – 1054)

Мы видели, что торжество Владимира над Ярополком сопровождалось торжеством язычества над христианством, но это торжество не могло быть продолжительно: русское язычество было так бедно, так бесцветно, что не могло с успехом вести спора ни с одной из религий, имевших место в юго-восточных областях тогдашней Европы, тем более с христианством; ревность Владимира и Добрыни в начале их власти, устройство изукрашенных кумиров, частые жертвы происходили из желания поднять сколько-нибудь язычество, дать ему средства, хотя что-нибудь противопоставить другим религиям, подавляющим его своим величием; но эти самые попытки, эта самая ревность и вела прямо к падению язычества, потому что всего лучше показывала его несостоятельность. У нас на Руси, в Киеве, произошло то же самое, что в более обширных размерах произошло в Империи при Юлиане: ревность этого императора к язычеству всего более способствовала к окончательному падению последнего, потому что Юлиан истощил все средства язычества, извлек из него все, что оно могло дать для умственной и нравственной жизни человека, и тем всего резче выказалась его несостоятельность, его бедность пред христианством. Так обыкновенно бывает и в жизни отдельных людей, и в жизни целых обществ, вот почему и неудивительно видеть, как иногда самые страстные ревнители вдруг, неожиданно, покидают предмет своего поклонения и переходят на враждебную сторону, которую защищают с удвоенною ревностью; это происходит именно оттого, что в их сознании истощились все средства прежнего предмета поклонения.

Под 983 годом, в начале княжения Владимира, летописец помещает рассказ о следующем событии: Владимир после похода на ятвягов возвратился в Киев и приносил жертву кумирам вместе с своими людьми; старцы и бояре сказали: «Кинем жребий на отроков и девиц; на кого падет, того принесем в жертву богам». В это время жил в Киеве один варяг, который пришел из Греции и держал христианскую веру; был у него сын, прекрасный лицом и душою; на этого-то молодого варяга и пал жребий. Посланные от народа (об участии князя не говорится ни слова) пришли к старому варягу и сказали ему: «Пал жребий на твоего сына, богам угодно взять его себе, и мы хотим принести его им в жертву». Варяг отвечал: «У вас не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгниет, ни едят, ни пьют, ни говорят, но сделаны руками человеческими из дерева; а бог один, которому служат греки и кланяются, который сотворил небо и землю, звезды и луну, и солнце, и человека, дал ему жить на земле; а эти боги что сделали? сами деланные; не дам сына своего бесам!» Посланные рассказали эти речи народу; толпа взяла оружие, пошла к варягову дому и разломала забор вокруг него; варяг стоял на сених с сыном. Народ кричал ему: «Дай сына своего богам». Он отвечал:

«Если они боги, то пусть пошлют какого-нибудь одного бога взять моего сына, а вы о чем хлопочете?» Яростный клик был ответом толпы, которая бросилась к варягам, подсекла под ними сени и убила их. Несмотря на то что смелый варяг пал жертвою торжествующего, по-видимому, язычества, событие это не могло не произвести сильного впечатления: язычеству, кумирам сделан был торжественный вызов, над ними торжественно наругались; проповедь была произнесена громко; народ в пылу ярости убил проповедника, но ярость прошла, а страшные слова остались: ваши боги – дерево; бог – один, которому кланяются греки, который сотворил все, – и безответны стояли кумиры Владимира перед этими словами, и что могла в самом деле славянская религия сказать в свою пользу, что могла отвечать на высокие запросы, заданные ей проповедниками других религий? Самые важные из них были вопросы о начале мира и будущей жизни. Что вопрос о будущей жизни действовал могущественно и на языческих славян, как на других народов, видно из предания о том, как царь болгарский обратился в христианство вследствие впечатления, произведенного на него картиною страшного суда. По русскому преданию, то же самое средство употребил и у нас греческий проповедник и произвел также сильное впечатление на Владимира; после разговора с ним Владимир, по преданию, созывает бояр и городских старцев и говорит им, что приходили проповедники от разных народов, каждый хвалил свою веру; напоследок пришли и греки, хулят все другие законы, хвалят свой, много говорят о начале мира, о бытии его, говорят хитро, любо их слушать, и о другом свете говорят: если кто в их веру вступит, то, умерши, воскреснет и не умрет после веки, если же в другой закон вступит, то на том свете будет в огне гореть. Магометанские проповедники также говорили о будущей жизни, но самое чувственное представление ее уже подрывало доверенность: в душе самого простого человека есть сознание, что тот свет не может быть похож на этот, причем раздражала исключительность известных сторон чувственности, противоречие, по которому одно наслаждение допускалось неограниченно, другие совершенно запрещались. Владимиру, по преданию, нравился чувственный рай магометов, но он никак не соглашался допустить обрезание, отказаться от свиного мяса и от вина: «Руси есть веселье пить, говорил он, не можем быть без того». Что вопрос о начале мира и будущей жизни сильно занимал все языческие народы севера и могущественно содействовал распространению между ними христианства, могшего дать им удовлетворительное решение на него, это видно из предания о принятии христианства в Британии: к одному из королей англосаксонских явился проповедник христианства; король позвал дружину на совет, и один из вождей сказал при этом следующие замечательные слова: «Быть может, ты припомнишь, князь, что случается иногда в зимнее время, когда ты сидишь за столом с дружиною, огонь пылает, в комнате тепло, а на дворе и дождь, и снег, и ветер. И вот иногда в это время быстро пронесется через комнату маленькая птичка, влетит в одну дверь, вылетит в другую; мгновение этого перелета для нее приятно, она не чувствует более ни дождя, ни бури; но это мгновение кратко, вот птица уже и вылетела из комнаты, и опять прежнее ненастье бьет несчастную. Такова и жизнь людская на земле и ее мгновенное течение, если сравнить его с продолжительностию времени, которое предшествует и последует, Это время и мрачно, и беспокойно для нас; оно мучит нас невозможностию познать его; так если новое учение может дать нам какое-нибудь верное известие об этом предмете, то стоит принять его». Отсюда понятно для нас значение предания о проповедниках разных вер, приходивших к Владимиру, верность этого предания времени и обществу. Видно, что все было приготовлено для переворота в нравственной жизни новорожденного русского общества на юге, что религия, удовлетворявшая рассеянными, особо живущим племенам, не могла более удовлетворять киевлянам, познакомившимся с другими религиями; они употребили все средства для поднятия своей старой веры в уровень с другими, и все средства оказались тщетными, чужие веры и особенно одна тяготили явно своим превосходством; это обстоятельство и необходимость защищать старую веру, естественно, должны

были вести к раздражению, которое в свою очередь влекло к насильственным поступкам, но и это не помогло. При старой вере нельзя было оставаться, нужно было решиться на выбор другой. Последнее обстоятельство, т. е. выбор веры, есть особенность русской истории: ни одному другому европейскому народу не предстояло необходимости выбора между религиями; но не так было на востоке Европы, на границах ее с Азией, где сталкивались не только различные народы, но и различные религии, а именно: магометанская, иудейская и христианская; Козарское царство, основанное на границах Европы с Азией, представляет нам это смешение разных народов и религий; козарским каганам, по преданию, также предстоял выбор между тремя религиями, они выбрали иудейскую; для азиатцев был доступнее деизм последней. Но Козарское царство пало, и вот на границах также Европы с Азией, но уже на другой стороне, ближе к Европе, образовалось другое владение, русское, с европейским народонаселением; кагану русскому и его народу предстоял также выбор между тремя религиями, и опять повторилось предание о проповедниках различных вер и о выборе лучшей; на этот раз лучшею оказалась не иудейская: европейский смысл избрал христианство. Предание очень верно выставило также причину отвержения иудеев Владимиром: когда он спросил у них, где ваша земля, и они сказали, что бог в гневе расточил их по странам чужим, то Владимир отвечал: «Как вы учите других, будучи сами отвергнуты богом и расточены?» Вспомним, как у средневековых европейских народов было вкоренено понятие, что политическое бедствие народа есть наказание божие за грехи, вследствие чего питалось отвращение к бедствующему народу.

Магометанство, кроме видимой бедности своего содержания, не могло соперничать с христианством по самой отдаленности своей. Христианство было уже давно знакомо в Киеве вследствие частых сношений с Константинополем, который поражал руссов величием религии и гражданственности. Бывальцы в Константинополе после тамошних чудес с презрением должны были смотреть на бедное русское язычество и превозносить веру греческую. Речи их имели большую силу, потому что это были обыкновенно многоопытные странствователи, бывшие во многих различных странах, и на востоке, и на западе, видевшие много разных вер и обычаев, и, разумеется, им нигде не могло так нравиться, как в Константинополе; Владимиру не нужно было посылать бояр изведывать веры разных народов: не один варяг мог удостоверить его о преимуществах веры греческой перед всеми другими. Митрополит Иларион, которого свидетельство, как почти современное, не подлежит никакому сомнению, Иларион ни слова не говорит о посольствах для изведывания верно говорит, согласнее с делом, что Владимир постоянно слышал о Греческой земле, сильной верою, о величии тамошнего богослужения; бывальцы в Константинополе и других разновременных странах могли именно говорить то, что, по преданию, у летописца говорят бояре, которых Владимир посылал для изведывания вер: «Мы не можем забыть той красоты, которую видели в Константинополе; всякий человек, как отведаст раз сладкого, уже не будет после принимать горького; так и мы здесь в Киеве больше не останемся». Эти слова находили подтверждение и между городскими старцами, и между теми из бояр Владимира, которые не бывали в Константинополе – у них было свое туземное доказательство в пользу христианства: «Если бы дурен был закон греческий, – говорили они, – то бабка твоя Ольга не приняла бы его; а она была мудрее всех людей». Заметим еще одно обстоятельство: Владимир был взят из Киева малолетним и воспитан в Новгороде, на севере, где было сильно язычество, а христианство едва ли знакомо; он привел в Киев с севера тамошнее народонаселение – варягов, славян новгородских, чудь, кривичей, всеревностнейших язычников, которые своим прибытием легко дали перевес киевским язычникам над христианами, что и было причиною явлений, имевших место в начале княжения Владимировича; но потом время и место взяли свое: ближайшее знакомство с христианством, с Грецией, приплыв бывальцев в Константинополе должны были ослабить языческую ревность и склонить дело в пользу христианства. Таким

образом, все было готово к принятию новой веры, ждали только удобного случая: «*Подожду еще немного*», – говорил Владимир, по свидетельству начального летописца киевского. Удобный случай представился в войне с греками; предание тесно соединяет поход на греков с принятием христианства, хочет выставить, что первый был предпринят для второго. Владимир спросил у бояр: «Где принять нам крещение?» Те отвечали: «Где тебе любо». И по прошествии года Владимир выступил с войском на Корсунь. Корсунцы затворились в городе и крепко отбивались, несмотря на изнеможение; Владимир объявил им, что если они не сдадутся, то он будет три года стоять под городом. Когда эта угроза не действовала, Владимир велел делать вал около города, но корсуняне подкопали городскую стену и уносили присыпаемую русскими землю к себе в город; русские сыпали еще больше, и Владимир все стоял. Тогда один корсунянин именем Анастас пустил в русский стан ко Владимиру стрелу, на которой было написано: «За тобою, с восточной стороны, лежат колодцы, от них вода идет по трубе в город, перекопай и перейми ее». Владимир, услышав об этом, взглянул на небо и сказал: «Если это сбудется, я крещусь». Известие верно ходу событий: это не первый пример, что князь языческого народа принимает христианство при условии победы, которую должен получить с помощью нового божества. Владимир тотчас велел копать против труб, вода была перенята; херсонцы изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною и послал сказать греческим императорам Василию и Константину: «Я взял ваш славный город; слышу, что у вас сестра в девицах; если не отдадите ее за меня, то и с вашим городом будет то же, что с Корсунем». Испуганные и огорченные таким требованием, императоры велели отвечать Владимиру: «Не следует христианам отдавать родственниц своих за язычников; но если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вместе царство небесное, и с нами будешь единоверник; если же не хочешь креститься, то не можем выдать сестры своей за тебя». Владимир отвечал на это царским посланным: «Скажите царям, что я крещусь; и уже прежде испытал ваш закон, любя мне ваша вера и служенье, о которых мне рассказывали посланные нами мужи». Цари обрадовались этим словам, умолили сестру свою Анну выйти за Владимира и послали сказать ему: «Крестись, и тогда пошлем к тебе сестру». Но Владимир велел отвечать: «Пусть те священники, которые придут с сестрою вашею, крестят меня». Цари послушались и послали сестру свою вместе с некоторыми сановниками и пресвитерами; Анне очень не хотелось идти: «Иду точно в полон, говорила она, лучше бы мне здесь умереть»; братья утешали ее: «А что если бог обратит тобою Русскую землю в покаяние, а Греческую землю избавит от лютой рати; видишь, сколько зла наделала Русь грекам? И теперь, если не пойдешь, будет то же». И едва уговорили ее идти. Анна села в корабль, простилась с роднею и поплыла с горем в Корсунь, где была торжественно встречена жителями. В это время, продолжает предание, Владимир разболелся глазами, ничего не мог видеть и сильно тужил; тогда царевна велела сказать ему: «Если хочешь исцелиться от болезни, то крестись поскорей; если же не крестишься, то и не вылечишься». Владимир сказал на это: «Если в самом деле так случится, то поистине велик будет бог христианский», и объявил, что готов к крещению. Епископ корсунский с царевниными священниками, огласив, крестили Владимира, и когда возложили на него руки, то он вдруг прозрел; удивясь такому внезапному исцелению, Владимир сказал: «Теперь только я узнал истинного бога!» Видя это, и из дружины его многие крестились. После крещения совершен был брак Владимира с Анною. Все это предание очень верно обстоятельству в своих подробностях и потому не может быть отвергнуто. Прежняя вера была во Владимире поколеблена, он видел превосходство христианства, видел необходимость принять его, хотя по очень естественному чувству медлил, ждал случая, ждал знамения; он мог отправиться и в корсунский поход с намерением креститься в случае удаче предприятия, мог повторить обещание, когда Анастас открыл ему средство к успеху, и потом опять медлил, пока увещания царевны Анны не убедили его окончательно.

Владимир вышел из Корсуня с царицею, взял с собою Анастаса, священников корсунских, мощи св. Климента и Фива, сосуды церковные, иконы, взял два медных истукана и четыре медных коня; Корсунь отдал грекам назад в вено за жену свою, по выражению летописца. По некоторым известиям, в Корсунь же явился ко Владимиру и митрополит Михаил, назначенный управлять новою русскою церковью, – известие очень вероятное, потому что константинопольская церковь не могла медлить присылкою этого лица, столь необходимого для утверждения нового порядка вещей на севере. По возвращении в Киев Владимир прежде всего крестил сыновей своих и людей близких. Вслед за тем велел ниспровергнуть идолов. Этим должно было приступить к обращению народа, ниспровержением прежних предметов почитания нужно было показать их ничтожество; это средство считалось самым действительным почти у всех проповедников и действительно было таковым; кроме того, ревность новообращенного не могла позволить Владимиру удерживать хотя на некоторое время идолов, стоявших на самых видных местах города и которым, вероятно, не переставали приносить жертвы; притом, если не все, то большая часть истуканов напоминали Владимиру его собственный грех, потому что он сам их поставил. Из ниспровергнутых идолов одних рассекли на части, других сожгли, а главного, Перуна, привязали лошади к хвосту и потащили с горы, причем двенадцать человек били истукана палками: это было сделано, прибавляет летописец, не потому, чтобы дерево чувствовало, но на поругание бесу, который этим идолом прельщал людей: так пусть же от людей примет и возмездие. Когда волокли идола в Днепр, то народ плакал; а когда Перун поплыл по реке, то приставлены были люди, которые должны были отталкивать его от берега, до тех пор пока пройдет пороги. Затем приступлено было к обращению киевского народа; митрополит и священники ходили по городу с проповедью; по некоторым, очень вероятным известиям, и сам князь участвовал в этом деле. Многие с радостию крестились; но больше оставалось таких, которые не соглашались на это; между ними были двоякого рода люди: одни не хотели креститься не по Сильной привязанности к древней религии, но по новости и важности дела, колебались точно так же, как, по преданию, колебался прежде и сам Владимир; другие же не хотели креститься по упорной привязанности к старой вере; они даже не хотели и слушать о проповеди. Видя это, князь употребил средство посильнее: он послал повестить по всему городу, чтоб на другой день все некрещеные шли к реке, кто же не явится, будет противником князю. Услыхав этот приказ, многие пошли охотою, именно те, которые прежде медлили по нерешительности, колебались, ждали только чего-нибудь решительного, чтобы креститься; не понимая еще сами превосходства новой веры пред старою, они, естественно, должны были основывать превосходство первой на том, что она принята высшими: «Если бы новая вера не была хороша, то князь и бояре не приняли бы ее», – говорили они. Некоторые шли к реке по принуждению, некоторые же ожесточенные приверженцы старой веры, слыша строгий приказ Владимира, бежали в степи и леса. На другой день после объявления княжеского приказа, Владимир вышел с священниками царицыными и корсунскими на Днепр, куда сошлось множество народа; все вошли в воду и стояли одни по шею, другие по грудь; несовершеннолетние стояли у берега, возрастные держали на руках младенцев, а крещеные уже бродили по реке, вероятно, уча некрещеных, как вести себя во время совершения таинства, а также и занимая место их восприемников, священники на берегу читали молитвы.

Непосредственным следствием принятия христианства Владимиром и распространения его в Русской земле было, разумеется, построение церквей: Владимир тотчас после крещения велит строить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры: так, поставлена была церковь св. Василия на холме, где стоял кумир Перуна и прочих богов Владимир велел ставить церкви и определять к ним священников также и по другим городам и приводить людей к крещению по всем городам и селам. Здесь останавливают нас два вопроса – по каким городам и областям и в какой мере было распространено христианство при Вла-

димире, и потом – откуда явились при церквах священнослужители? Есть известия, что митрополит с епископами, присланными из Царьграда, с Добрынею, дядею Владимировым, и с Анастасом ходили на север и крестили народ; естественно, что они шли сначала по великому водному пути, вверх по Днепру, волоком и Ловатью, до северного конца этого пути – Новгорода Великого. Здесь были крещены многие люди, построена церковь для новых христиан; но с первого раза христианство было распространено далеко не между всеми жителями; из Новгорода, по всем вероятностям, путем водным, шекснинским, проповедники отправились к востоку, до Ростова. Этим кончилась деятельность первого митрополита Михаила в 990 году; в 991 он умер; легко представить, как смерть его должна была опечалить Владимира в его новом положении; князя едва могли утешить другие епископы и бояре; скоро, впрочем, был призван из Царя-града новый митрополит – Леон; с помощью поставленного им в Новгород епископа Иоакима Корсунянина язычество здесь сокрушено окончательно. Вот любопытное известие об этом из так называемой Иоакимовой летописи: «Когда в Новгороде узнали, что Добрыня идет крестить, то собрали вече и поклялись все не пускать его в город, не давать идолов на ниспровержение; и точно, когда Добрыня пришел, то новгородцы разметали большой мост и вышли против него с оружием; Добрыня стал было уговаривать их ласковыми словами, но они и слышать не хотели, вывезли две камнестрельные машины (пороки) и поставили их на мосту; особенно уговаривал их не покоряться главный между жрецами, т. е. волхвами их, какой-то Богомил, прозванный за красноречие Соловьем. Епископ Иоаким с священниками стояли на торговой стороне; они ходили по торгам, улицам, учили людей, сколько могли, и в два дня успели окрестить несколько сот». Между тем на другой стороне новгородский тысяцкий Угоняй, ездя всюду, кричал: «Лучше нам помереть, чем дать богов наших на поругание»; народ на той стороне Волхова рассвирепел, разорил дом Добрыни, разграбил имение, убил жену и еще некоторых из родни. Тогда тысяцкий Владимиров, Путята, приготовив лодки и выбрав из ростовцев пятьсот человек, ночью перевезся выше крепости на ту сторону реки и вошел в город беспрепятственно, ибо все думали, что это свои ратники. Путята дошел до двора Угоняева, схватил его и других лучших людей и отослал их к Добрыне за реку. Когда весть об этом разнеслась, то народ собрался до 5000, обступили Путяту и начали с ним злую сечу, а некоторые пошли, разметали церковь Преображения господня и начали грабить дома христиан. На рассвете приспел Добрыня со всеми своими людьми и велел зажечь некоторые дома на берегу; новгородцы испугались, побежали тушить пожар, и сеча перестала, Тогда самые знатные люди пришли к Добрыне просить мира. Добрыня собрал войско, запретил грабеж; но тотчас велел сокрушить идолов, деревянных сжечь, а каменных, изломав, побросать в реку. Мужчины и женщины, видя это, с воплем и слезами просили за них, как за своих богов. Добрыня с насмешкою отвечал им: «Нечего вам жалеть о тех, которые себя оборонить не могут; какой пользы вам от них ждать?». и послал всюду с объявлением, чтоб шли креститься. Посадник Воробей, сын Стоянов, воспитанный при Владимире, человек красноречивый, пошел на торг и сильнее всех уговаривал народ; многие пошли к реке сами собою, а кто не хотел, тех воины тащили, и крестились: мужчины выше моста, а женщины ниже. Тогда многие язычники, чтоб отбыть от крещения, объявляли, что крещены; для этого Иоаким велел всем крещенным надеть на шею кресты, а кто не будет иметь на себе креста, тому не верить, что крещен, и крестить. Разметанную церковь Преображения построили снова. Окончив это дело, Путята пошел в Киев; вот почему есть бранная для новгородцев пословица. «Путята крестил мечом, а Добрыня – огнем».

Таким образом, христианство при Владимире, как видно, было распространено преимущественно по узкой полосе, прилегавшей к великому водному пути из Новгорода в Киев; к востоку же от Днепра, по Оке и верхней Волге, даже в самом Ростове, несмотря на то что проповедь доходила до этих мест, христианство распространялось очень слабо; мы

увидим впоследствии, что иноки Печерского монастыря будут проповедниками христианства у вятичей и мери и будут мучениками там; летописец прямо говорит, что в его время вятичи сохраняли еще языческие обычаи, наконец, Иларион, современник сына Владимира, называет русских христиан малым стадом Христовым. Самому князю принадлежит распространение христианства на запад от Днепра, в странах, которые он должен был посещать по отношениям своим к Польше; есть известие, что в 992 году он ходил с епископами на юго-запад, учил, крестил людей и в земле Червенской построил в свое имя город Владимир и деревянную церковь Богородицы.

Мы видели, по каким областям и городам было распространено христианство при Владимире; теперь обратимся к другому вопросу: откуда первоначальная русская церковь получила себе священнослужителей? Митрополит и епископы были присланы из Царя-града; в Киеве, если прежде были христиане, была церковь, то были, разумеется, и священники; Владимир привел из Корсуня тамошних священников и священников, приехавших с царевною Анною. Но все этого числа было недостаточно для крещения и научения людей в Киеве и других местах, и вот есть известие, совершенно согласное с обстоятельствами, что присланы были священники из Болгарии, которые были способны учить народ на понятном для него языке; есть даже известие, что и первые епископы и даже митрополит Михаил был из болгар. Но сколько бы ни пришло священников греческих и болгарских, все их было мало для настоящей потребности; нужно было умножить число своих русских священников, что не могло произойти иначе, как чрез распространение книжного учения. Такое распространение было предпринято немедленно после всенародного крещения в Киеве, ибо в нем митрополит и князь видели единственное средство утвердить веру. Отцы и матери были мало утверждены, оставить детей при них – значило мало подвинуть христианство, ибо они воспитывались бы более в языческих понятиях и обычаях; чтоб сделать их твердыми христианами, необходимо было их на время оторвать от отцов плотских и отдать духовным; притом, как выше замечено, только одним этим средством можно было приобрести и священников из русских. Летописец говорит, что Владимир велел отбирать детей у лучших граждан и отдавать их в книжное ученье; матери плакали по ним, как по мертвых, прибавляет летописец, потому что еще не утвердились верою. Детей роздали учиться по церквам к священникам и причту. В непосредственном отношении к принятию христианства находится также следующее известие, сообщаемое летописью: в княжение Владимира умножились разбои, и вот епископы сказали великому князю: «Разбойники размножились, зачем не казнишь их?» Владимир отвечал: «Боюсь греха». Епископы возразили на это: «Ты поставлен от бога на казнь злым, а добрым на милование; тебе должно казнить разбойника, только разобрав дело». Владимир послушался, отверг виры и начал казнить разбойников; но потом те же епископы вместе с старцами сказали ему: «Рать сильная теперь; если придется вира, то пусть пойдет на оружие и на коней». Владимир отвечал: «Пусть будет так»; и стал он жить опять по устройению отцовскому и дедовскому. Это известие показывает нам влияние духовенства прямо уже на строй общественный: не в церковных делах, не о средствах распространения христианства советуется Владимир с епископами, но о том, как наказывать преступников; вместе с старцами епископы предлагают князю о том, куда употреблять виры, заботятся о внешней безопасности, и князь соглашается с ними.

Теперь обратимся ко внешней деятельности Владимира. К его княжению относится окончательное подчинение русскому князю племен, живших на восток от великого водного пути. Олег наложил дань на радимичей, Святослав – на вятичей, но или не все отрасли этих племен пришли в зависимость от русского князя, или, что всего вероятнее, эти более отдаленные от Днепра племена воспользовались уходом Святослава в Болгарию, малолетством, а потом междоусобием сыновей его и перестали платить дань в Киев. Как бы то ни было, под 981 годом встречаем у летописца известие о походе на вятичей, которые были побеждены и

обложены такую же данью, какую прежде платили Святославу, – ясное указание, что после Святослава они перестали платить дань. На следующий год вятичи снова заратылись и снова были побеждены. Та же участь постигла и радимичей в 986 году: летописец говорит, что в этом году Владимир пошел на радимичей, а перед собой послал воеводу прозванием Волчий Хвост; этот воевода встретил радимичей на реке Пищане и победил их; отчего, прибавляет летописец, русь смеется над радимичами, говоря: «Пищанцы волчья хвоста бегают». Кроме означенных походов на ближайшие славянские племена, упоминаются еще войны с чужими народами: с ятвягами в 953 году; летописец говорит, что Владимир ходил на ятвягов, победил и взял землю их; но последние слова вовсе не означают покорения страны: ятвягов трудно было покорить за один раз, и потомки Владимира должны были вести постоянную, упорную, многовековую борьбу с этими дикарями. В скандинавских сагах встречаем известие, что один из норманских выходцев, находившийся в дружине Владимира, приходил от имени этого князя собирать дань с жителей Эстонии; несмотря на то что сага смешивает лица и годы, известие об эстонской дани, как несколько не противоречащее обстоятельствам, может быть принято; но нельзя решить, когда русские из Новгорода впервые наложили эту дань, при Владимире ли, т. е. при Добрыне, или прежде. Встречаем в летописях известия о войнах Владимира с болгарами, с какими – дунайскими или волжскими – на это разные списки летописей дают разноречивые ответы; вероятно, были походы и к тем и к другим и после перемешаны по одинаковости народного имени. Под 987 годом находим известие о первом походе Владимира на болгар; в древнейших списках летописи не упомянуто, на каких именно, в других прибавлено, что на низовых, или волжских, в своде же Татищева говорится о дунайских и сербах. Как бы то ни было, для нас важны подробности предания об этом походе, занесенные в летопись. Владимир пошел на болгар с дядею своим Добрынею в лодках, а торки шли на конях берегом; из этого видно, что русь предпочитала лодки коням и что конницу в княжеском войске составляли пограничные степные народцы, о которых теперь в первый раз встречаем известие и которые потом постоянно являются в зависимости или полузависимости от русских князей. Болгары были побеждены, но Добрыня, осмотрев пленников, сказал Владимиру: «Такие не будут нам давать дани: они все в сапогах; пойдем искать лапотников». В этих словах предания выразился столетний опыт. Русские князья успели наложить дань, привести в зависимость только те племена славянские и финские, которые жили в простоте первоначального быта, разрозненные, бедные, что выражается названием лапотников; из народов же более образованных, составлявших более крепкие общественные тела, богатых промышленностью, не удалось покорить ни одного: в свежей памяти был неудачный поход Святослава в Болгарию. В предании видим опять важное значение Добрыни, который дает совет о прекращении войны, и Владимир слушается; оба народа дали клятву: «Тогда только мы нарушим мир, когда камень начнет плавать, а хмель тонуть». Под 994 и 997 годами упоминаются удачные походы на болгар: в первый раз не сказано на каких, во второй означены именно волжские. Мы не будем отвергать известий о новом походе на болгар дунайских, если примем в соображение известия византийцев о помощи против болгар, которую оказал Владимир родственному двору константинопольскому. Важно также известие о торговом договоре с болгарами волжскими в 1006 году. Владимир по их просьбе позволил им торговать по Оке и Волге, дав им для этого печати, русские купцы с печатями от посадников своих также могли свободно ездить в болгарские города; но болгарским купцам позволено было торговать только с купцами по городам, а не ездить по селам и не торговать с тиунами, вирниками, огнищанами и смердами.

Ко временам Владимировым относится первое столкновение Руси с западными славянскими государствами. Мы оставили последние в половине IX века, когда моравские князья обнаружили попытку основать у себя народную церковь и когда история Польши начала проясняться с появлением новой княжеской династии Пястов. Между тем борьба моравов

с немцами продолжалась еще с большим ожесточением; чехи и сербы принимали в ней также участие; моравы вели войну по старому славянскому обычаю: они давали врагу свободно опустошать открытые места, и враг, опустошив землю и не покорив народа, должен был возвращаться без всякого успеха и гибнуть с голоду на дороге. Но Ростислав, непобежденный немцами, был схвачен и выдан Карломану, сыну и наследнику Людовика немецкого, племянником своим Святополком, который, чтоб иметь себе опору и обеспечение, поддался немецкому королю; Ростиславу выкололи глаза и заперли в один немецкий монастырь. Гибель Ростислава, однако, ненадолго переменяла ход дел: Святополк наследовал его стремления, и борьба возобновилась с новою силою, причем Святополк начал уже наступательные движения на немецкие области. При Святополке яснеет и история чехов, потому что в это время принял христианство князь чешский Буригой от св. Мефодия. Не Моравии, однако, и не западным славянам вообще суждено было основать славянскую империю с независимую славянскую церковь. В последнее десятилетие IX века на границах славянского мира явились венгры. Политика дворов византийского и немецкого с самого начала обратила этот народ в оружие против славян: греки обратили их против болгар, немцы – против Моравской державы. Арнульф Каринтийский, побочный сын Карломана, соединившись с венграми, пошел на Святополка; моравы, по обычаю, засели в укреплениях и дали пленить землю свою врагам, которые и должны были только этим удовольствоваться. Но в 894 году умер Святополк, и с ним рушилось могущество первой славянской державы. В то время, когда западным славянам нужно было сосредоточить все свои силы для отпора двум могущественным врагам, моравские владения разделились на три части между тремя сыновьями Святополка. Братская вражда погубила дело Моймира, Ростислава и Святополка; сыновья чешского Буригой отделились от Моравии и поддались Арнульфу немецкому, и с 906 года прекращаются все известия о Моравии: страна стала добычею венгров; подробностей о падении первого славянского государства нет нигде. Разрушение Моравской державы и основание Венгерского государства в Паннонии имели важные следствия для славянского мира. Славяне южные были отделены от северных, уничтожено было центральное владение, которое начало соединять их, где произошло столкновение, загорелась сильная борьба между Востоком и Западом, между германским и славянским племенем, где с помощью Византии основалась славянская церковь; теперь Моравия пала, и связь славян с Югом, с Грециею, рушилась: венгры стали между ними, славянская церковь не могла утвердиться еще, как была постигнута бурей, отторгнута от Византии, которая одна могла дать питание и укрепление младенчеству церкви. Таким образом, с уничтожением самой крепкой связи с востоком, самой крепкой основы народной самостоятельности, западные славяне должны были по необходимости примкнуть к западу и в церковном и в политическом отношении. Но мало того, что мадьярским нашествием прекращалась связь западных славян с Византиею, прекращалась также и непосредственная связь их с Римом, и они должны были принимать христианство и просвещение из рук немцев, которые оставались для них теперь единственными посредниками; этим объясняется естественная связь западных славян с Немецкою империю, невозможность выпутаться из этой связи для государственной и народной независимости. Христианское стало синонимом немецкому, славянское – языческому, варварскому; отсюда то явление, что ревностные христиане между западными славянами являются вместе ревностными гонителями своего, славянского, и тянут народ свой к западному, т. е. немецкому; отсюда же обратное явление, что защитники своего являются свирепыми врагами христианства, которое приносило с собою подчинение немцам; отсюда несчастная борьба полабских славян против христианства, т. е. против немцев, в которых они не могли получить помощи от христианских единоплеменников своих, и должны были пасть.

После падения Моравской державы на первом плане в истории западных славян являются чехи. Чехи были обязаны мирным распространением христианства у себя тому, что князь их Буривой принял евангелие чрез моравов от св. Мефодия, чрез своих славянских проповедников. Славянская церковь, следовательно, началась было и у чехов, но после падения Моравии не могла долее держаться. Чехи не могли высвободиться из-под государственной зависимости от Немецкой империи: внук Буривой, св. Вячеслав, обязался платить Генриху Птицелову ежегодно 500 гривен серебра и 120 волов; невозможность поддерживать христианство без помощи немецкого духовенства и невозможность успешной борьбы с мадьярами без помощи немецкого императора делали зависимость чехов от Империи необходимою. Вячеслав погиб от брата своего Болеслава I, который сначала думал было о возможности возвратить независимость чехам от Империи, но после многолетней борьбы с императором Оттоном I увидел необходимость подчиниться ему. Между тем в начале второй половины X века венгры, потерпевшие сильное поражение от Оттона при Лехе и добытые Болеславом чешским, прекратили свои опустошительные набеги на европейские государства, поселились в пределах прежде занятых ими земель и, приняв христианство, вошли в общество европейских народов. Княжение Болеслава I замечательно внутренними переменами у чехов, а именно, усилением власти верховного князя над остальными князьями, носившими название лехов; до сих пор эти лехи называются у писателей *reguli*, или *duces*, и верховный князь из рода Пршемыслава являлся не более как старшим между ними; но при Болеславе I, как видно, отношения переменились в пользу власти верховного князя; на средства, какими Болеслав I достиг этой перемены, может намекать прозвание его Грозный, или Укрутный. Подчиняясь на западе Империи, чешские владения начинают, однако, при Болеславе расширяться к юго-востоку, чему особенно способствует обессиление мадьяров; так, присоединяется к чехам нынешняя Моравия и земля словаков, между Дунаем и Карпатами; на север от Карпат также видим чешские владения. Еще более распространилась область чехов в княжение Болеслава II Благочестивого, сына Грозного; никогда потом границы Чешского государства не были так обширны, ибо все государство Святополка принадлежало теперь чехам. Несмотря, однако, на распространение чешских пределов, в церковном отношении чехи принадлежали к епархии регенсбургского архиепископа: после этого нечего удивляться политической зависимости чехов от Немецкой империи, ибо церковные отношения тогда господствовали над политическими. Только при Болеславе II, в 973 году, основано было особое пражское епископство, где первым епископом был саксонский монах Дитмар; преемником его был знаменитый Войтех, родом из знатной чешской фамилии; несмотря однако, на это, никто так не старался о скреплении чешской церкви с западом, никто так не старался об искоренении славянского богослужения, как Войтех. Такой характер деятельности условливался самою борьбою ревнителя христианства, каким был Войтех, с языческими нравами и обычаями, которые в его глазах были славянские; в подобной борьбе средина редко соблюдается: отечеством для ревностного епископа была не Богемия, но запад, страны христианские, тогда как Богемия была исполнена еще языческих воспоминаний, возбуждавших только вражду Войтеха; церковная песнь на славянском языке звучала в его ушах языческою богослужебною песнею и потому была противна; слово *бог* напоминало ему славянского идола, только слово *Deus* заключало для него понятие истинного бога. Смертью Болеслава II (999 г.) кончилось могущество чехов и перешло к ляхам. При распространении своих владений на западе Пясты встретились с немцами, императоры которых также распространяли свои владения на счет славян приэльбских; легко было предвидеть последствия этого столкновения: четвертый Пяст, Мечислав, или Мешко, уже является вассалом императора, платит ему дань; в 965 году Мечислав женился на Дубровке, дочери чешского князя Болеслава I, и по ее старанию принял христианство; но в это время славянская церковь никла у чехов и потому не могла укорениться в Польше; отсюда новые крепкие узы связали

Польшу с западом, с Немецкою империею: в Познани была учреждена епископская кафедра для Польши и подчинена архиепископу магдебургскому. Второй брак Мечислава на Оде, дочери немецкого маркграфа Дитриха, еще более укрепил немецкое влияние в Польше. Тесная связь этой страны с западною церковью и империею отняла у северных славян последний оплот их независимости от немецкого ига: теперь польский князь в союзе с немцами начинает наступательные движения против своих языческих единоплеменников. При Мечиславе начинаются первые враждебные столкновения Руси с Польшею: под 981 годом летописец наш говорит, что Владимир ходил к ляхам и занял города их – Перемышль, Червен и другие. Чешские историки утверждают, что эти города не могли быть отняты у поляков, но у чехов, потому что позднейшая земля Галицкая до Буга и Стыря, к востоку, принадлежала в это время чехам; они основываются на грамоте, данной пражскому епископству при его заложении, где границами его к востоку поставлены реки Буг и Стырь в земле Хорватской. Но, во-первых, в грамоте границы означены очень смутно; видно, что писавший ее имел плохие географические понятия о стране; во-вторых, был обычай расширять как можно далее пределы епископств, заложенных в смежности с языческими народами. Некоторые ученые справедливо замечают также, что русский летописец умеет отличать ляхов от чехов и потому не мог смешать их, и принимают, что Владимир отнял Червенские города не у чехов и не у поляков, но покорил малочисленные до тех пор свободные славянские племена и стал чрез это соседом чехов. Но рассуждать таким образом – значит опять не принимать свидетельств нашего летописца, который также хорошо умеет отличать хорватов от ляхов, как последних от чехов, и прямо говорит, что Владимир ходил к ляхам и у них взял Червенские города; всего вероятнее, что чешские владения ограничивались областью, лежащею около Кракова, о чем твердит грамота, и не простирались за Вислок, что страна по Сану и далее на восток была занята хорватами, которые были подчинены уже при Олеге, но при Игоре, Святославе и преимущественно при сыновьях его имели возможность свергнуть с себя подчиненность, подобно радимичам и вятичам; мы видим, что сначала главная деятельность Владимира состоит в подчинении тех племен, которые прежде находились в зависимости от Руси; хорваты были в том числе, но в то время, как Русь вследствие недеятельности Игоря, далеких походов Святослава на восток и юг, малолетства и усобицы сыновей его теряла племена, жившие вдалеке от Днепра, Польша при первых Пястах распространяла свои владения, следовательно, очень вероятно, что Пясты заняли земли хорватов, свергнувших с себя зависимость от Руси, или сами ляхи переменили эту зависимость на зависимость от Польши и, таким образом, Владимир, возвращая прежнее достояние своих предшественников, должен был иметь дело уже с ляхами. Но завоеванием Червенских городов дело не кончилось на западе; летописец упоминает в 992 году еще о походе Владимира на хорватов, а по некоторым спискам в это время Владимир воевал с Мечиславом «за многие противности его» и одержал над ним блистательную победу за Вислою; поводом к раздору могли быть постоянно хорваты и Червенские города. Война 990 – 992 года могла быть ведена в союзе с Болеславом II чешским, который также воевал с Мечиславом. Как видно по некоторым известиям, война продолжалась в первый год княжения Болеслава Храброго, наследовавшего отцу своему Мечиславу в 992 году. При Болеславе Польша начала было усиливаться уже на счет соседних народов; ей выпадало было жребий стать в челе славянских государств для отпора немцам; но неумение поляков вести себя среди единоплеменных народов и связь западных славян с Германскою империею посредством церкви не допустили Польшу принять значение Моравии для славянского мира. После Мечислава осталось пятеро сыновей: Болеслав и Владивой от Дубровки чешской и трое от Оды – Мечислав, Святополк и Болеслав. Первым делом Болеслава старшего было изгнание младших братьев, с которыми по славянскому обычаю он должен был владеть сообща, и ослепление двоих других родственников с целью достигнуть единовластия. Потом Болеслав распространил свои владения на

севере до Балтийского моря чрез подчинение себе поморян и пруссов; между тем в 999 году умер чешский князь Болеслав II Благочестивый; Болеслав польский воспользовался этим, чтобы напасть на Краков и его область и присоединить их к Польше; вероятно также, что он захватил в это время Моравию и землю словаков до Дуная; Войтех, или Адальберт, не могший ужиться с чехами, прибыл к Болеславу; тот отправил его на проповедь к пруссам, которые умертвили проповедника; но гроб Войтеха принес Болеславу свою выгоду, ибо император Оттон III, друг и чтитель Адальберта, явился в Гнезно, чтоб поклониться праху его, и основал здесь новое архиепископство, вследствие чего Польша освобождалась от немецкой зависимости в церковном отношении. Но это освобождение не могло уже теперь принести пользы – латинская церковь уже успела укорениться в Польше, а потому борьба с Империею, которую скоро после начал Болеслав, также не могла принести плодов: польский князь, как видно, имел в виду набрать сколько можно более пограничных волостей, а не утвердить независимость и равновесие славянского мира с германским. Между тем, волнения у чехов доставили Болеславу случай утвердить свою власть и в этой стране. По смерти Болеслава II вступил на престол сын его Болеслав III Рыжий, князь, по отзыву современников, чрезвычайно жестокий. Рыжий начал свое княжение тем же, чем и родственник его, Болеслав польский: он велел одного из своих братьев оскотить, другого удушить в бане; но обоим удалось бежать в Баварию. Избавившись от братьев, Рыжий не мог избавиться от могущественных вельмож, лехов, из которых главными в это время были Вршовцы; Вршовцам удалось при Болеславе II выгнать Войтеха; теперь они свергли Рыжего, призвав на его место Владивоя, брата Болеслава польского, который, как сын Дубровки, принадлежал также к дому Пршемислову и, как видно, изгнанником жил при дворе чешском. Чтоб удержаться на престоле, Владивой отправился в Регенсбург к императору Генриху и отдал ему Богемию, которую получил опять в виде лена. Но Владивой княжил только несколько месяцев, и после его смерти чехи призвали изгнанных Рыжим Болеславичей – Яромира и Олдриха. Однако Рыжий не думал уступать и обратился с просьбою о помощи к Храброму, который вторгся с войском в Богемию, изгнал Яромира и утвердил Рыжего на престоле. Последний, получив снова власть, думал только о том, как бы отомстить своим врагам. Чехи обратились с просьбою о защите опять к Болеславу польскому. Тот только этого и ждал: по известиям современников, он все это предвидел и нарочно вел дело к тому, чтоб утвердить свою власть у чехов. Под предлогом нужного совещания он заманил к себе Рыжего на границу, схватил его, ослепил и заточил внутри своих владений. Вступив в Прагу в виде освободителя, Болеслав Храбрый обнаружил намерение утвердиться здесь. Такое усиление могущества польского князя, разумеется, должно было возбудить сильные опасения в императоре, который послал требовать от Болеслава ленной присяги за Богемию. Болеслав отвергнул требование и начал войну. Неизвестно, какой исход имела бы борьба нового Святополка с немцами, если бы на этот раз сами поляки не ослабили могущество своего князя и с тем вместе единство и могущество западных славян: они позволяли себе поступать с чехами, как с побежденными врагами; вот почему, когда император Генрих II послал в Богемию войско, в челе которого находились чешские князья – Яромир и Олдрих, то вся страна встала против поляков и приняла с радостью родных князей из немецких рук; Болеслав Храбрый принужден был бежать, и в несколько дней не осталось в Богемии ни одного поляка. Таким образом немцам удалось разъединить два главные западнославянские владения – Богемию и Польшу, и привязать первую еще теснее к себе; в последующей борьбе с Болеславом польским император постоянно пользуется чешскою помощью, и, несмотря на все старания Болеслава, примирение между двумя народами было невозможно. В 1012 году Олдрих выгнал брата Яромира, и стал единовластителем Чешской земли. В таком состоянии находились западные славянские государства при смерти Владимира Святого. Мы видели, что в первый год княжения Болеслава у него продолжалась война с Владимиром, которая, однако, как видно, скоро

кончилась, потому что Болеслав, занятый отношениями к немцам и чехам, не мог с успехом вести еще войну на востоке. Мир с Русью скреплен был даже родственным союзом с князем киевским: дочь Болеслава вышла за Святополка, князя туровского, сына Владимирова. Но этот первый родственный союз князей польских с русскими повел к большому раздору между ними. Болеслав, как видно, лучшим средством для собственного усиления считал внутренние смуты у соседей; как воспользовался он ими у чехов, так же хотел воспользоваться и на Руси. Вместе с дочерью Болеслава прибыл ко двору туровского князя Рейнберн, епископ колобрежский (колберский), который сблизился с Святополком и начал с ведома Болеслава подучать его к восстанию против отца Владимира: успех этого восстания был важен для Болеслава в политическом и для западной церкви – в религиозном отношении, ибо с помощью Святополка юная русская церковь могла быть отторгнута от восточной. Но Владимир узнал о враждебных замыслах и заключил Святополка в темницу вместе с женою и Рейнберном. Необходимым следствием должна была быть война с Болеславом, который в 1013 году поспешил заключить мир с немцами и, нанявши отряд войска у последних, равно как и у печенегов, двинулся на Русь. Кроме опустошения страны, мы не имеем никаких других известий о следствиях Болеслава похода, во время которого возникла распря между поляками и печенегами, и Болеслав велел истребить своих степных союзников. Вероятно, это обстоятельство и воспрепятствовало продолжению войны, тем более что все внимание Болеслава было постоянно обращено на запад, и он мог удовольствоваться освобождением Святополка. С чехами и венграми были мирные сношения при Владимире. Были пересылки и с папою, следствия которых, однако, неизвестны.

Гораздо с большими подробностями дошли до нас предания о борьбе с степными варварами – печенегами: борьба эта занимала народ гораздо сильнее, чем отдаленные воинские предприятия, потому что в ней дело шло о самых близких его интересах, о собственности, свободе, жизни. В 992 году пришли печенеги из-за Сулы; Владимир вышел к ним навстречу на Трубеж подле Переяславля; русские стали на одной стороне реки, печенеги – на другой, но ни те, ни другие не смели перейти на сторону противную. Тогда князь печенежский подъехал к реке, кликнул Владимира и сказал ему: «выпусти своего мужа, а я – своего, пусть борются. Если твой муж ударит моим, то не будем воевать три года; если же наш ударит, то будем воевать три года». Владимир согласился и, возвратясь в стан, послал бирючей кликать клич по всем палаткам (товарам): «Нет ли кого, кто б взялся биться с печенегом?» И никто нигде не отозвался. На другой день приехали печенеги и привели своего бойца, а с русской стороны никого не было. Начал тужить Владимир, послал опять по всем ратникам, – и вот пришел к нему один старик и сказал: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; с четырьмя вышел я сюда, а тот дома остался; из детства никому еще не удалось им ударить; однажды я его журил, а он мял кожу: так в сердцах он разорвал ее руками». Князь обрадовался, послал за силачом и рассказал ему, в чем дело; тот отвечал: «Я не знаю, смогу ли сладить с печенегом; пусть меня испытают: нет ли где быка большого и сильного?» Нашли быка, разъярили его горячим железом и пустили; когда бык бежал мимо силача, то схватил его рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько мог захватить рукою. Владимир сказал: «Можешь бороться с печенегом». На другой день пришли печенеги и стали кликать: «Где же ваш боец, а наш готов!»; Владимир велел вооружиться своему, и оба выступили друг против друга. Выпустили печенеги своего, великана страшного, и когда выступил боец Владимиров, то печенег стал смеяться над ним, потому что тот был среднего роста; измерили место между обоими полками и пустили борцов: они схватились и стали крепко жать друг друга; русский, наконец, сдавил печенега в руках до смерти и ударил им о землю; раздался крик в полках, печенеги побежали, русские погнались за ними. Владимир обрадовался, заложил город на броне, где стоял, и назвал его Переяславлем, потому что боец русский перенял славу у печенежского; князь сделал богатыря вместе с отцом знатными мужами.

В 995 году пришли печенеги к Василеву; Владимир вышел против них с малою дружиною, не выдержал натиска, побежал и стал под мостом, где едва спасся от врагов. В 997 году Владимир пошел к Новгороду за войском, потому что война, говорит летописец, была сильная и беспрестанная, а печенеги, узнав, что князя нет, пришли и стали около Белгорода; в летописи сохранилось следующее любопытное предание о спасении этого города, не единственное между преданиями разных народов. Когда печенеги обступили Белгород, то сделался в нем большой голод; Владимир не мог подать помощи, потому что у него не было войска, а печенегов было множество. Когда осада все продолжалась, а вместе с тем усиливался и голод, то белгородцы собрались на вече и сказали: «Нам приходится помирать с голоду, а от князя помощи нет; что ж разве лучше нам помирать? Сдадимся печенегам: кого убьют, а кого и в живых оставят; все равно умираем же с голода». На том и порешили. Но одного старика не было на вече; когда он спросил, зачем собирались, и ему сказали, что на другой день люди хотят сдаться печенегам, то он послал за городскими старейшинами и спросил у них: «Что это я слышал, вы хотите передаться печенегам?» Те отвечали: «Что ж делать, не стерпят люди голода». Тогда старик сказал им: «Послушайтесь меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я велю». Те с радостью обещались слушаться, и он сказал им: «Сберите хоть по горсти овса или пшеницы, или отрубей»; все это ссыскали. Старик велел женщинам сделать кисельный раствор, потом велел выкопать колодезь, вставить туда кадку и налить в нее раствора; велел выкопать и другой колодезь и вставить в него также кадку; велел потом искать меду, нашли лукошко меду в княжей медуше, из него старик велел сделать сыту и вылить в кадку, что стояла в другом колодце. На другой день он велел послать за печенегами; горожане пошли и сказали им: возьмите к себе наших заложников и пошлите своих человек десять к нам в город, пусть посмотрят, что там делается. Печенеги обрадовались, думая, что белгородцы хотят им сдаться, взяли у них заложников, а сами выбрали лучших мужей и послали в город посмотреть, что там такое. Когда они пришли в город, то люди сказали им: «Зачем вы себя губите, можно ли вам перестоять нас? Хотя десять лет стойте, так ничего нам не сделаете, потому что у нас корм от земли идет, не верите – смотрите своими глазами». Затем привели их к одному колодцу, почерпнули раствора, сварили кисель, пришли с ними к другому, почерпнули сыты и начали есть прежде сами, а потом дали отведать и печенегам. Те удивились и сказали: «Не поверят наши князья, если сами не отведают». Горожане налили корчагу раствора и сыты и дали печенегам; те пришли и рассказали все, что видели. Печенежские князья сварили кисель, отведали, подивились, разменялись заложниками, отступили от города и пошли домой.

Бесперывные нападения степных варваров заставили Владимира подумать об укреплении русских владений с востока и юга. «Худо, что мало городов около Киева», – сказал он и велел строить города по рекам Десне, Остру, Трубежу, Суле и Стугне; но для нас при этом известии важно еще другое, как составилось народонаселение этих новопостроенных городов: Владимир начал набирать туда лучших мужей от славян, т. е. новгородцев, кривичей, чуди и вятичей. Если мы обратим внимание на то, что эти новые города были вначале не что иное, как военные острожки, подобные нашим линейным укреплениям, необходимые для защиты от варварских нападений, то нам объяснится значение слова: *лучшие мужи*, т. е. Владимир набрал *храбрейших мужей*, способных для военного поселения. Таким образом, во-первых, мы видим, что пограничные города Южной Руси получили народонаселение с севера, которое, как видно, считалось храбрейшим; следовательно, северное народонаселение дало средство князьям к подчинению себе юга, оно же дало им средство и к защите южных русских владений от степных варваров; во-вторых, эти известия уясняют нам характер народонаселения восточной и южной окраины, или украины: изначала это сбродное, созданное отовсюду народонаселение из самых удалых людей; отсюда объясняется отчасти и козачество на юге, и беспокойный дух северского народонаселения, ибо сюда беспре-

рывно подбавлялись новые толпы подобных людей. Из самых близких к Киеву городов были построены Владимиром Василев на Стугне и Белгород на Днепре; Белгород он особенно любил и населил его: «от иных городов много людей свел в него», – говорит летописец. Как происходило это население и переселение? Вероятнее всего, жители привлекались на новые места особенными льготами; лучшие, т. е. самые удалые, которым скучно было сидеть дома без свойственного им занятия, разумеется, привлекались на границу, кроме льгот, еще надеждою беспрестанной борьбы; кроме того, жителям бедного севера лестно было переселиться на житье в благословенные страны украинские.

Об отношениях Владимира к печенегам упоминает также немецкий миссионер Брун, бывший у печенегов в 1007 году: «Мы направили путь к жесточайшим из всех язычников, печенегам, – пишет Брун. – Князь руссов, имеющий обширные владения и большие богатства, удерживал меня месяц, стараясь убедить, чтоб я не шел к такому дикому народу, среди которого я не мог снискать душ господу, но только умереть самым постыдным образом. Не могли убедить меня; он пошел провожать меня до границ, которые он оградил от кочевников самым крупным частоколом на очень большое пространство. Когда мы вышли за ворота, князь послал старшину своего к нам с такими словами: „Я довел тебя до места, где кончается моя земля, начинается неприятельская. Ради бога прошу тебя не погубить, *к моему бесчестию*, жизнь свою понапрасну. Знаю, завтра, прежде третьего часа, без пользы, без причины вкусишь ты горькую смерть“». (Брун говорит, что Владимир имел какое-то видение). Брун пять месяцев пробыл у печенегов, едва не погиб, но успел крестить 30 человек и склонить старшин печенежских к миру с Русью; когда он возвратился в Киев, то Владимир по его просьбе, отправил к печенегам сына в заложники и вместе с этим князем отправился епископ, посвященный Бруном. Участь его неизвестна. Вот все предания, дошедшие до нас о деятельности Владимира.

В 1014 году сын его Ярослав, посаженный отцом в Новгороде, отказался присылать в Киев ежегодно по две тысячи гривен, как делали все посадники новгородские, раздававшие еще тысячу гривен гридям в Новгороде. Владимир сказал: «Исправляйте дороги и мостите мосты»; он хотел идти сам на Ярослава, но разболелся и умер 15 июля следующего 1015 года. Деятельность Владимира, как она высказывается в преданиях, отличается от деятельности его предшественников. Он часто ведет войну, но он ведет ее для того, чтобы подчинить Руси снова те племена, которые воспользовались удалением отца его, усобицами братьев и перестали платить дань: так воюет он с радимичами, вятичами, хорватами. Он пользуется опытом отцовским, советом старика – дяди и отказывается от завоевания народов далеких, сильных своею гражданственностью. Он воюет с греками, но не пускается по-варяжски с легким флотом опустошать берега Империи: он хочет овладеть ближайшим к его волости городом греческим, Корсунем, который так легко и безопасно было присоединить к русским владениям; впрочем, предание тесно связывает этот поход с намерением принять христианство. Но главная черта деятельности Владимира состоит в защите Русской земли, в постоянной борьбе с степными варварами. Святослав заслужил упрек, что для чужой земли покинул свою, которою едва было не овладели варвары; Владимир, наоборот, стоял всегда сам настороже против этих варваров и устроил сторожевую линию из ряда городков или укреплений по близким к степи рекам. Понятно, какое впечатление на народ должна была произвести такая разница между поведением отца и сына. Но, кроме того, личный характер Владимира был способен также возбудить сильную народную привязанность. Владимир вовсе не был князем воинственным, не отличался удалью, подобно отцу своему, в крайности решался на бегство перед врагом, спешил укрыться в безопасном месте; предание, сохранившееся в песнях, также не приписывает ему личной отваги, выставляет его вовсе не охотником до проявлений дикой силы. Но Владимир имел широкую душу, которая в молодости могла повести его к излишествам, освященным, впрочем, языческими понятиями, и которая в летах

зрелых, особенно под влиянием христианским, сделала его красным солнцем для народа. Владимир не любил жить один; он любил дружину, говорит летопись, думал с нею о строе земском, о ратях, об уставе земском; любя думать с дружиною, Владимир любил пировать с нею; о пирах его остались предания и в летописях, и в песнях. Так, празднуя освящение церкви Преображения в Василеве и вместе избавление свое от печенегов, Владимир велел сварить триста варь меду, созвал бояр, посадников, старшин изо всех городов, всяких людей множество и бедным роздал 300 гривен; праздновал с Преображенья 8 дней, князь возвратился в Киев к Успенъеву дню и здесь опять задал большой праздник, созвал бесчисленное множество народа. Такие праздники по случаю торжеств религиозных имели тогда важное значение: они заменяли для народа празднества языческие, очень много содействовали к тому, что новая религия входила в жизнь народа; вместо Коляды народ сходился теперь праздновать Преображение и освящение церкви; кто приходил на это торжество, тот был христианином; вот почему летописец прибавляет после описания праздника: «Видя людей христианами, Владимир радовался душою и телом и делал такие праздники по все годы». Праздники имели еще другое значение: на них сзывались старейшины изо всех городов, и таким образом скреплялась связь, единство, общение между русскими волостями. Для дружины и старшин киевских были устроены на дворе княжеском пиры каждую неделю, был ли сам князь в городе или нет; приходили на двор княжеский, в гридницу пировать бояре и гриди, сотские и десятские и нарочитые мужи. Бывало тут множество мяса от скота и зверины, было много всего. И вот бывало, как подопьют, рассказывает летописец, то начнут роптать на князя, говоря: «Какое житье наше горькое, кормит нас с деревянных ложек, а не с серебряных». Владимир, услышав ропот, велел исковать ложки серебряные для дружины и сказал: «Серебром и золотом не найду дружины, а с дружиною найду серебро и золото, как доискались его дед мой и отец». Какое влияние христианство имело на широкою душу Владимира, видно из следующих слов летописи: Владимир любил слова книжные, и, услышав однажды, как читали в евангелии: «блажени милостивии, яко тии помиловани будут», и потом: «продайте именья ваша и дадите нищим»; далее: «не скрывайте себе сокровищ на земле, идеже тля тлит и татье подкапывают, но скрывайте себе сокровище на небесех, идеже ни тля тлит, ни татье крадут»; и слыша псалом: «Блажен муж милуя и дая», а у Соломона: «Вдай нищему, бог взаим дает», – услышав это, Владимир велел всякому нищему и убогому приходить на княжой двор, брать кушанье и питье, и деньги из казны. Но этого мало; он сказал: «Дряхлые и больные не могут доходить до моего двора», и велел сделать телеги, куда клали хлеб, мясо, рыбу, овощ разный, мед в бочках, квас и возили по городу, спрашивая: «Где больные и нищие, которые не могут ходить?». Таким и раздавали. Есть известие, что в господские праздники Владимир ставил три тризны: одну духовенству, другую нищим, третью себе и боярам.

Обыкновенное содержание старинных песен составляет пиры Владимира, на которые собирались богатыри. Время Владимира было благоприятно для богатырства: дружина не уходила с князем в далекие страны искать славы и добычи; при Святославе, например, трудно было выказаться богатырям и внести свои подвиги в народную память, потому что князь был в челе дружины и был сам богатырь из богатырей, дружинники были только похожи на него; притом подвиги их совершались в далеких странах: если и были певцы в дружине при князьях, то песни их мало могли найти сочувствия в народе, для которого их содержание было чуждо. Но при Владимире другое дело: дружина была храбрая, дела ей было много, шла беспрестанная борьба с варварами, и эта борьба происходила на глазах русского народа и шла за самые близкие его интересы: отражение печенегов, поимка какого-нибудь страшного разбойника была для него поважнее блистательных подвигов Святослава в Болгарии; притом же сам князь Владимир не был богатырем из богатырей, отсюда богатырство дружинников выказывалось резче, отдельные предприятия часто поручались мужам

из дружины княжеской, которые таким образом могли выказаться. Предмет песен по большей части – борьба богатырей с степными варварами, печенегами, которые после получили в песнях имя *татар*. Упоминаются еще подвиги богатырей против разбойников; летопись также говорит об умножении разбойников, и сохранилось имя одного из них, Могута, который был пойман в 1008 году и покался в доме у митрополита. Можно думать, что разбойники умножились вследствие бегства тех закоренелых язычников, которые не хотели принимать христианства; разумеется, они должны были бежать в отдаленные леса и жить на счет враждебного им общества; отсюда может объясниться религиозное уважение, соединенное с памятью о некоторых богатырях Владимирова времени. например об Илье Муромце, которому приписываются подвиги против разбойников на отдаленном финском севере, где язычество долго находило себе убежище. В летописи сохранились имена следующих богатырей Владимирова времени: Яна Усовича, или Усмошвеца (кожевника, от усние – кожа и шью), который убил печенежского богатыря, и потом упоминается также под 1004 годом как победитель печенегов; Александра Поповича, разбившего печенегов, приведенных каким-то изменником Володарем, которого летописец упрекает в забвении благодеяний князя своего Владимира, потом Попович разбил печенегов вместе с Усмошвецем в 1001 и 1004 годах; Рагдая удалого, ходившего на триста воинов: его смерть показана под 1000 годом; Андриха Добрянкова, отравленного слугами в 1004 году.

В летописи находим имена двенадцати сыновей Владимира, но без определения, в каком порядке они один за другим следовали по старшинству: в одном месте, при исчислении жен Владимировых, молодые князья поставлены по матерям; в другом, где говорится о рассылке сыновей по областям, они следуют в другом порядке. Постараемся по некоторым данным определить порядок старшинства между ними.

В Новгород был отправлен Вышеслав: мы знаем, что сюда посылался обыкновенно старший в семье великого князя; из этого можем заключить, что Вышеслав был старший сын Владимира, тем более что в известии о рассылке по областям он поставлен первым. Но в предшествующем исчислении жен Владимировых Вышеслав поставлен после сыновей Рогнединых и гречанки, вдовы Ярополковой, и назван сыном чехини: если Вышеслав был старший, то должен был родиться от первого брака Владимирова, заключенного или в Новгороде или во время пребывания Владимира в Скандинавии, когда ему было лет 18; но странно, что чехиня зашла так далеко на север; Иоакимовская летопись и здесь объясняет дело удовлетворительно, а именно: мать Вышеслава называет Оловою, женою варяжскою. Потом следует сын Рогнеды, Изяслав, получивший волость деда своего по матери – Полоцк. Тотчас после брака на Рогнеде Владимир женился на вдове брата своего Ярополка, и потому рожденного от последней Святополка имеем право поставить в-третьих после Вышеслава и Изяслава; этот Святополк получил Туровскую волость и по смерти Вышеслава и Изяслава оставался старшим в роде, на что ясно указывают слова св. Бориса: «Не подниму я рук на брата старшего». За Святополком мы должны дать место Ярославу, также, по летописям, сыну Рогнеды; Ярослав получил сперва Ростов, а потом, по смерти старшего Вышеслава, переведен в Новгород. Этот перевод Ярослава в Новгород мимо старшего Святополка туровского объясняется свидетельством Дитмара, что Святополк в это время был под гневом отца и даже в заключении. Всеволод, также сын Рогнеды, получил Владимир-Волынский; Святослав и Мстислав, которых мать в начальной Киевской летописи названа чехинею другою в отличие от мнимой матери Вышеслава, получили: первый – землю Древлянскую; второй – Тмутаракань. Мать Святослава Иоакимовская летопись называет Малфридою; что это имя одной из жен Владимировых не вымышлено, доказательством служит известие начальной Киевской летописи под 1002 годом о смерти Малфриды, которая здесь соединена с Рогнедою; мать же Мстислава Иоаким называет Аделью, или Адилью. Второго сына Адели, Станислава, этот же летописец, равно как и некоторые другие, отсылает в Смоленск, а Судислава

– во Псков. Теперь остается определить мать и возраст Бориса и Глеба. В начальной Киевской летописи матерью их названа болгарыня, волостью первого – Ростов, второго – Муром. Но ясно, что здесь упоминается уже второе распоряжение, потому что при первом распределении волостей Ростов был отдан Ярославу; поэтому в некоторых списках, бывших в руках у Татищева, прибавлено, что сначала Борис получил Муром, а Глеб – Суздаль. Несмотря на это, молчание древнейших дошедших до нас списков летописи о первоначальных волостях Бориса и Глеба, равно как их молчание о волостях Станислава, Судислава и Позвизда, ведет нас к заключению, что во время первой рассылки сыновей Владимировых по волостям все эти князья или были очень малы, или некоторые из них, быть может, еще не родились. Любопытно, что в летописи Иоакима матерью Бориса и Глеба названа Анна – царевна, причем Татищев соглашает свидетельство киевского летописца о болгарском происхождении матери Борисовой тем, что эта Анна могла быть двоюродною сестрою императоров Василия и Константина, которых тетка, дочь Романа, была в супружестве за царем болгарским. Если бы так было, то для нас уяснилось бы предпочтение, которое оказывал Владимир Борису, как сыну царевны и рожденному в христианском супружестве, на которое он должен был смотреть как на единственное законное. Отсюда уяснилось бы и поведение Ярослава, который, считая себя при невзгоде Святополка старшим и видя предпочтение, которое оказывал отец Борису, не хотел быть посадником последнего в Новгороде и потому спешил объявить себя независимым. Как бы то ни было, Борис единогласно описывается человеком в самой цветущей юности: «Аки цвет в юности своей... брада мала и ус, млад бо бе еще». Если предположить, что он был первым плодом брака Владимирова с Анною, то в год отцовской смерти ему было 25 лет; но по описанию можно судить, что он был гораздо моложе. Летописец прибавляет, что Борис светился царски, желая, быть может, указать на его царственное происхождение по матери. Отец любил его более других сыновей и держал при себе, в чем видно было намерение передать ему старший стол киевский. Мы должны сказать также несколько слов о волостях сыновей Владимировых; сравнив эти волости с волостями сыновей Ярославовых, мы замечаем, что так как у Владимира было вдвое более сыновей, чем у Ярослава, то и волости первых должны быть гораздо более размельчены: Новгородская волость была разделена на две – Новгородскую и Псковскую; здесь начало отделения Пскова от Новгорода. Ростов является самостоятельным столом, Муром – также; в Киевском княжестве являются две особые волости – Древлянская земля и Туров. Но странно, что, размельчая так волости на севере и западе, Владимир не дал волостей на восток от Днепра, ибо не упоминается ни о Чернигове, ни о Переяславле как особых волостях. Мстислав сидел в Тмутаракани, но Чернигов не мог принадлежать ему, он его завоевал впоследствии уже при Ярославе.

Владимир умер на Берестове; окружающие скрыли его смерть, потому что Святополк был в Киеве; и в ночь уже, проломав пол между двумя клетями, на канатах спустили на землю тело, обвернутое в ковер, положили на сани, привезли в Киев и поставили в Десятинной церкви. Когда в городе узнали об этом, то бесчисленное множество народа сошлось в церковь и начали плакаться по нем: знатные – как по заступнике земли своей, убогие – как о заступнике и кормителе своем; положили тело в мраморный гроб и с плачем похоронили. По всем вероятностям, хотели утаить смерть Владимира для того, чтобы Святополк узнал о ней не прежде граждан киевских, ибо тогда ему труднее было действовать.

Как скоро в Киеве разнеслась весть о кончине Владимира, то Святополк сел на отцовском месте, созвал киевлян и начал раздавать им подарки – это уже служило знаком, что он боялся соперничества и желал приобрести расположение граждан; граждане принимали подарки, говорит летописец, но сердце их не было с Святополком, потому что братья их находились на войне с Борисом. Следовательно, граждане были равнодушны; они опасались одного что как вдруг братья их провозгласят князем Бориса, а Святополк потребует от них помощи против последнего? Их пугало это междоусобие. Борис, не нашедши печенегов, был

уже на возвратном пути и стоял на реке Альте, когда пришла к нему весть о смерти отцовской. Бывшая с Борисом дружина Владимирова, бояре, старые думцы предпочитали Бориса всем его братьям, потому что он постоянно находился при них. привык с ними думать думу, тогда как другие князья привели бы с собою других любимцев, что и сделал Святополк, если обратим внимание на намек летописца о поведении последнего: «Люте бо граду тому, в нем же князь ун, любяй вино пити с гусльми и с младыми советниками». Вот почему отцовская дружина уговаривала Бориса идти на стол киевский; но молодой князь отвечал, что не поднимет руки на старшего брата, который будет ему вместо отца: тогда войско разошлось, оставя Бориса с малым числом приближенных слуг. Святополк очень хорошо понимал опасность, могущую грозить ему со стороны Бориса, и потому на первых порах хотел и с ним поступить так же, как с гражданами, послал сказать ему, что хочет иметь с ним любовь и придаст еще к волости, которую тот получил от отца; узнав же, что войско разошлось от Бориса, он решился на убийство последнего. Мы не станем объяснять этого поступка Святополкова желанием отомстить за смерть отца своего Ярополка, во-первых уже потому, что это объяснение кажется нам натянутым само по себе; во-вторых, основывается на странном толковании слов летописца, который, желая объяснить себе зверский поступок Святополка, предполагает, что он был от двоих отцов, тогда как, кроме этого предположения, нет в рассказе ни малейшего намека на то, чтоб Святополк не был сыном Владимира; вводить какое-то усыновление для предотвращения мести странно, когда мы знаем, что дядя без всякого усыновления считался отцом племяннику; потом еще новое предположение, что это усыновление охраняло Владимира от мести, но не охраняло от нее сыновей и проч. Давняя ненависть Святополка к Борису как сопернику, которому отец хотел оставить старший стол мимо его; явное расположение дружины и войска к Борису, который мог воспользоваться им при первом случае, хотя теперь и отказался от старшинства; наконец, что, быть может, важнее всего, пример соседних государей, с одним из которых Святополк находился в тесной связи, объясняют как нельзя легче поведение Святополка: вспомним, что незадолго перед тем в соседних славянских странах – Богемии и Польше, обнаружилось стремление старших князей отделяться от родичей насильственными средствами. Первым делом Болеслава Храброго польского по восшествии на престол было изгнание младших братьев, ослепление других родичей; первым делом Болеслава Рыжего в Богемии было оскотление одного брата, покушение на жизнь другого, а Святополк был зять Болеслава польского; почему ж то, что объясняется само собою в польской и чешской истории, в русской требует для своего объяснения какого-то кодекса родовых прав?

Летописец так рассказывает об убиении Бориса. Святополк ночью пришел в Вышгород, тайно призвал какого-то Путшу и вышегородских боярцев – Тальца, Еловита и Лешька, и спросил их: «Привержены ли они к нему всем сердцем?» Путша с вышегородцами отвечали: «Можем головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса». Те обещались исполнить его желание как можно скорее. Здесь останавливает нас одно обстоятельство, почему Святополк обратился к вышгородским боярцам с предложением убить Бориса? Нам кажется очень вероятным, что по освобождении из темницы Владимир уже не отдал Святополку волости Туровской, как ближайшей к границам польским, а посадил его где-нибудь подле Киева, чтоб удобнее наблюдать за его поведением, и что новая волость была именно Вышгород, куда теперь Святополк и обратился к старым своим слугам, которые были готовы сложить за него свои головы.

Путша с товарищами пришли ночью на Альту и, подошедши к шатру Борису, услышали, что князь поет заутреню; несмотря на осторожность, Святополк не мог утаить своих замыслов, и Борис знал, что собираются погубить его. Убийцы дождались, пока князь, помолвившись, лег в постель, и тогда бросились на шатер, начали тыкать в него копьями, прон-

зили Бориса и вместе слугу его, который хотел защитить господина собственным телом; этот отрок был родом венгр, именем Георгий. Борис его очень любил и дал ему большую золотую гривну, в которой тот и служил ему; убили тут же и других многих отроков Борисовых, а у этого Георгия отсекли голову, потому что не могли скоро снять гривны с шеи; Бориса, еще дышавшего, убийцы завернули в шатерное полотно, положили на воз и повезли. Но Святополк, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его, что те и сделали, пронзив его мечом в сердце; тело его принесли тайно в Вышгород и положили в церкви св. Василия. За этим убийством следовало другое – у Бориса оставался единоутробный брат Глеб, сидевший в Муроме. «Бориса я убил, как бы убить Глеба?» – говорит Святополк в рассказе летописца; но Глеб был далеко, и потому Святополк послал сказать ему: «Приезжай поскорее сюда: отец тебя зовет, он очень болен». Глеб немедленно сел на коня и пошел с малою дружиною. Когда он пришел на Волгу, к устью Тмы, то конь его споткнулся на поле во рве и намял ему немного ногу, после чего князь пришел к Смоленску, а отсюда поплыл в барке и остановился в виду города на Смядыне. В это время настиг его посланный от брата Ярослава из Новгорода: «Не ходи, велел сказать ему Ярослав: отец умер, а брата твоего Святополк убил». Глеб сильно тужил по отце, но еще больше по брате. Между тем явились и убийцы, посланные от Святополка; они овладели Глебовою баркою и обнажили оружие. Глебовы отроки потеряли дух; тогда главный из убийц, Горясер, велел немедленно зарезать Глеба, что и было исполнено поваром последнего; этого повара звали Торчин: имя указывает на происхождение. Сперва тело Глеба бросили на берег между двумя колодами, потом свезли в Вышгород и положили вместе с братом, уже в княжение Ярослава. Страдальческая кончина и прославление двух братьев-друзей не остались без сильного влияния в последующей истории. Русская земля и преимущественно род княжеский приобрели святых покровителей «молитвенников за новые люди христианские и сродники свои, земля благословила их кровию!» Но кто же эти новые светильники? Это два князя, погибшие от родного брата, который хотел единовластия! Можно думать, что святость Бориса и Глеба и проклятие, тяготевшее над Святополком, не раз удерживали впоследствии братоубийственные руки; мы увидим, как после стесненный князь останавливал притеснителя напоминанием, что он хочет быть вторым Святополком. Святые Борис и Глеб и проклятый убийца их Святополк были беспрестанно в памяти князей, и, разумеется, духовенство не пропускало случая напоминать им о них. С другой стороны, Борис пал жертвою уважения к родовым понятиям, погиб оттого, что не хотел поднять руки на старшего брата и своею смертью освятил эти родовые понятия; пример его должен был сдерживать попытки младших пользоваться обстоятельствами и вооружаться против старших для отнятия у них этого старшинства.

Ближайший к Киеву князь, Святослав, сидевший в земле Древлянской, узнав о гибели Бориса и Глеба, не стал спокойно дожидаться такой же участи и бежал в Венгрию; но Святополк послал за ним в погоню, и Святослав был убит в Карпатских горах. Тогда, по словам летописца, Святополк начал думать: «Перебью всех братьев и приму один всю власть на Руси». Но гроза пришла на него с севера. Ярослав новгородский для защиты от отца призывал к себе заморских варягов; те стали обижать новгородцев и жен их, тогда новгородцы встали и перебили варягов на дворе какого-то Парамона. Ярослав рассердился и задумал отомстить хитростию главным из убийц; он послал сказать им, что на них не сердится более, позвал их к себе и велел умертвить; по некоторым известиям, убито было 1000 человек, а другие убежали. Но в ту же ночь пришла к нему весть из Киева от сестры Предславы: «Отец умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, послал и на Глеба, берегись его». Ярослав стал тужить по отце, по брате и по новгородцам, которых перебил вовсе не вовремя. На другой день он собрал остальных новгородцев на вече в поле и сказал: «Ах, любимая моя дружина, что вчера избил, а нынче была бы надобна, золотом бы купил», и, утерши слезы, продолжал: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и убивает братьев, помогите мне

на него». Новгородцы отвечали: «Хотя, князь, братья наши и перебиты, однако может по тебе бороться». Причину такого решения новгородцев объяснить легко. Предприятие Ярослава против Владимира было в выгоде новгородцев, освобождавших их от платежа дани в Киев: отказаться помочь Ярославу, принудить его к бегству – значило возобновить прежние отношения к Киеву, принять опять посадника киевского князя, простого мужа, чего очень не любили города, а между тем Ярослав если убежит, то может возвратиться с варягами, как Владимир прежде, и уже, конечно, не будет благосклонен к гражданам, выгнавшим его от себя, тогда как в случае победы Ярослава над Святополком они были вправе ожидать, что Ярослав не заставит их платить дани в Киев, уже потому, что сам прежде отказался платить ее. Что же касается до поступка Ярослава с убийцами варягов, то мы должны смотреть на его следствия по отношениям и понятиям того времени; из летописного рассказа мы видим уже всю неопределенность этих отношений: новгородцы ссорятся с варягами, дело доходит до драки, в которой граждане бьют варягов, князь хитростию зазывает к себе виновников убийства и бьет их в свою очередь. В понятиях новгородцев, следовательно, все это было очень естественно, и потому трудно было им за это много сердиться; у нас нет никакого основания принимать убийство варягов за дело целого города; это была частная ссора и схватка, на что указывает определение места – двор Парамонов; число жертв мести Ярославовой явно преувеличено: трудно было обманом зазвать такое количество людей, еще труднее перерезать их без сопротивления в ограде княжеского двора; мы видим, что не все знатные новгородцы были перерезаны, оставались бояре и старосты, которые после собирают деньги для найма варягов. Отвечали на вече те, которые остались в живых, остались в живых те, которые не участвовали в убийстве варягов, а те, которые не участвовали в убийстве варягов, были по этому самому равнодушны к делу. Поступок Ярослава был совершенно в понятиях того времени: князь должен был каким бы то ни было способом схватить убийц варяжских и отдать их на мечь варягам, родственникам убитых. Итак, если это было частное дело и обыкновенное, то целому городу не для чего было много обращать на него внимания; Ярослав жалеет не о том, что перебил новгородцев, но о том только, что этим убийством отнял у себя воинов, которые в настоящих обстоятельствах были ему очень нужны, и новгородцы отвечают в этом же смысле: «Хотя наши братья и перебиты, но у нас все еще достаточно народа, чтоб биться за тебя».

Впрочем, это место летописи нуждается еще в другом объяснении: почему Ярослав так испугался следствий своего поступка с новгородцами? Для чего так жалел об избитии дружины? Ведь она была нужна ему и прежде, ибо он готовился к войне с отцом; для чего же он не подумал об этом прежде убийства новгородцев? Дело объясняется тем, что Ярослав знал о медленных сборах Владимира, о его болезни, которая мешала ему спешить походом, мог надеяться на борьбу Святополка с Борисом, которая надолго оставила бы его в покое. Но теперь дела переменялись: Владимир умер, Святополк начал княжить, убил Бориса, послал убить Глеба, хочет бить всех братьев, подобно соседним государям; опасность, следовательно, наступила страшная для Ярослава; сестра писала: «Берегись!» Оставаться в бездействии – значило жить в беспрестанном страхе от убийц, нужно было или бежать за море, или выступить немедленно против Святополка, предупредить его, одним словом, поступить по примеру отца своего Владимира.

После того как новгородцы решились выступить в поход, Ярослав собрал оставшихся у него варягов, по одним известиям – тысячу, по другим – шесть тысяч, да новгородцев 40000, и пошел на Святополка, призвавши имя божие; он говорил: «Не я начал избивать братьев, но Святополк; да будет бог отмстник крови братьев моих, потому что без вины пролита кровь праведных Бориса и Глеба; пожалуй, и со мной тоже сделает». Мы слышим здесь те же самые слова, которые летописец влагает и в уста Владимиру, шедшему против Ярополка, с тем только различием, что христианин Ярослав призывает бога в мстители неповинной

крови и отдает свое дело на суд божий. Святополк, узнав, что Ярослав идет на него, собрал множество войска из Руси и печенегов и вышел к Любечу; он стал по ту сторону Днепра, а Ярослав – по эту. Ярослав, без сомнения, приплыл в лодках, а Святополк пришел из-за Десны с печенегами. В третий раз Днепр видел враждебное движение Северной Руси на Южную; оба первые раза при Олеге и Владимире сопротивления было мало со стороны юга, но теперь он собрал свои силы, и как север явился с естественными своими союзниками – варягами, так юг соединился с печенегами. Три месяца, а по другим известиям – только три недели, стояли враги по обеим сторонам Днепра; ни те, ни другие не смели перевезтись и напасть. Был в то время обычай поддразнивать врагов, чтоб побудить их начать дело к своей невыгоде. Видя, что главная сила Ярослава состояла из новгородцев горожан и сельчан, воевода Святополков ездя подле берега, бранил новгородцев, называл их ремесленниками, а не воинами. «Эй вы, плотники, – кричал он им, – зачем пришли сюда с хромым своим князем? Вот мы вас заставим рубить нам хоромы». Новгородцев сильно рассердила насмешка, и они сказали Ярославу: «Завтра переведемся на них, а если кто не пойдет с нами, того сами уьем».

В лагере у Святополка Ярослав имел приятеля, к которому послал ночью спросить: «Что делать? Меду мало варено, а дружины много»; тот отвечал, что пусть Ярослав к вечеру отдаст мед дружине; новгородский князь догадался, что ночью должно сделать нападение. Была заморозь; Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиною, а Ярослав перед рассветом исполнил свое войско и перевезся на другой берег, причем новгородцы, высадившись из лодок, оттолкнули их от берега, чтоб отнять у себя всякую возможность к побегу; Ярослав приказал дружине повязать головы платками, чтоб в сече узнавать своих. Враги сошлись, была сеча злая; печенеги, стоявшие за озером, не могли помочь Святополку, который был притиснут с своею дружиною к озеру, принужден вступить на лед, лед обломился, и Ярослав одолел. Святополк бежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском, проживя на севере 28 лет. Новгородцы были отпущены домой и оделены щедро: старосты получили по 10 гривен, смерды – по гривне, а горожане все – по 10.

Но Святополк был жив, и потому Ярослав не мог успокоиться. Для Болеслава польского открылись такие же теперь виды на восток, какие он имел прежде на запад; на Руси, как прежде у чехов, семейные раздоры приглашали его к посредничеству и к утверждению своего влияния, тем более, что теперь Болеслав должен был помочь своему зятю. Он воспользовался благоприятным случаем: по его наущению печенеги напали на Киев; под самым городом была злая сеча; едва к вечеру Ярослав мог прогнать варваров. С своей стороны Ярослав выступил к польским границам, заключив союз с врагом Болеславовым, императором Генрихом II; но поход русского князя кончился неудачною осадой Бреста; поход императора против Болеслава также не удался, он принужден был заключить с ним мир и, желая избавиться от опасного врага, обратить его деятельность на восток, сам советовал ему вооружиться против русского князя. В 1017 году Болеслав выступил в поход, усилив свое войско 300 немцев, 500 венгров и 1000 печенегов, и 22 июля достиг берегов Буга, разделявшего польские владения от русских; Ярослав ждал его на другом берегу с русью (жителями Южной Руси), вырягами и славянами (новгородцами). Здесь повторилось то же явление, какое видели на берегах Днепра у Любеча: воевода Ярославов Будый, ездя по берегу, начал смеяться над Болеславом; он кричал ему: «Вот мы тебе проткнем палкою брюхо твое толстое!» Был Болеслав, говорит летопись, велик и тяжел, так что и на коне с трудом мог сидеть, но зато был смышлен. Не вытерпел он насмешки и, обратившись к дружине своей, сказал: «Если вам это ничего, так я один погибну», – сел на коня и бросился в реку, а за ним – и все войско. Полки Ярослава, вовсе не ожидая такого внезапного нападения, не успели приготовиться и обратились в бегство; Ярослав ушел в Новгород только сам-пять; а Болеслав с Святополком почти беспрепятственно вошли в Киев 14 августа. В городе нашли они мачеху, жену и сестер

Ярославовых, из которых за одну (Предславу) сватался прежде Болеслав, получил отказ и теперь в отмщение взял ее к себе в наложницы. Часть своего войска он отпустил назад, другую велел развести по русским городам на покорм. Но и в Киеве повторились те же явления, какие мы видели в Праге у чехов, и, как видно, по тем же причинам. Русские вооружились против поляков и стали убивать их; летописец приписывает это приказу Святополка, но очень вероятно известие, что поляки вели себя и на Руси так же, как в Богемии, и возбуждали против себя восстание; очень вероятно также, что и Святополк, наскучив неприятным гостем, слишком долго зажившимся в Киеве на его счет, не был против народной мести полякам. Это заставило Болеслава уйти из Киева; пример чешских событий научил его быть осторожнее в подобных обстоятельствах. Половину войска он отослал домой, разосланные по русским городам поляки истреблены, трудно было противиться, если бы вспыхнуло восстание; притом же, вероятно, он слышал уже о новых приготовлениях Ярослава. Но Болеслав ушел не без выгоды: он захватил себе все имущество Ярослава, к которому приставил Анастаса: хитрый грек умел подольститься к каждому сильному и менял отечество, смотря по выгодам; Болеслав ему вверился лестию, говорит летопись. Польский князь повел также с собою бояр Ярославовых, двух сестер его и множество пленников, взятых в бою; на дороге Болеслав захватил и Червенские города, приобретение Владимира Святого; впрочем, вероятно, что эти города были уступлены ему Святополком в награду за помощь.

Между тем Ярослав, явившись в Новгород без войска, хотел бежать за море; но граждане вместе с посадником Константином, сыном Добрыни, рассекли княжеские лодки, приготовленные для бегства, и объявили: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком». Такая решительность понятна: им нечего было теперь ожидать хорошего от Святополка, а защищаться от него без князя было также невыгодно. Они начали собирать деньги – с простого человека по 4 куны, со старост – по 10 гривен, с бояр – по 18 гривен, привели варягов, дали им эти деньги, и таким образом у Ярослава набралось много войска, и он двинулся против Святополка; тот был разбит, бежал к печенегам и привел огромные толпы их против Ярослава в 1019 году. Ярослав вышел навстречу и сошелся на реке Альте, где был убит Борис. Место благоприятствовало Ярославу по воспоминанию о преступлении Святополка; летописец говорит, что Ярослав молил бога об отмщении новому Каину. Он же говорит, что сеча была злая, какой еще не бывало на Руси, – секлись, схватываясь, руками, трижды сходились биться, по удольям текла кровь ручьями; к вечеру одолел Ярослав, а Святополк бежал в пограничный польский город Брест, где, вероятно, умер от ран, полученных в битве; по скандинавским преданиям, он пал от руки варяга Эймунда, служившего в войске Ярослава, а по русским, – погиб злою смертью в пустыне между Польшею и Богемиею. Ярослав сел в Киеве, утер пот с дружиною, по выражению летописца, показав победу и труд великий.

Таким образом, северное народонаселение в четвертый раз доставило победу своему князю над югом. С Святополком дело было кончено; но были еще другие братья и родственники у Ярослава; из 12 сыновей Владимира в живых оставались теперь только Ярослав, Мстислав, Судислав, да племянник Брячислав, сын Изяслава полоцкого. Соперников у Ярослава по старшинству не могло быть: Брячислав полоцкий, хотя внук от старшего сына Владимирова, никогда не мог надеяться на старшинство, потому что отец его умер, не будучи старшим; Мстислав и Судислав были младшие братья Ярославу; но все они, как члены одного рода, имели право на равное распределение волостей; мы увидим, что до самого прекращения родовых отношений между князьями младшие из них настаивают на право общего наследства всех родичей после каждого умершего князя, т. е. на новое распределение волостей; теперь восемь сыновей Владимира умерло, и старший из живых, Ярослав не дал из их волостей ничего младшим. Им надобно было самим поискать, как обыкновенно выражались князья, и вот явился опасный искатель волостей с юго-востока, из Тмутаракани, Мстислав. Из всех сыновей Владимира Мстислав больше других похож был на деда своего Святослава,

был князь – вождь дружины по преимуществу; жизнь ли в Тмутаракани и постоянная борьба с окрестными варварскими народами развила такой характер в Мстиславе, или уже волость приходилась по нраву, – Мстислав явился богатырем, который любил только свою дружину, ничего не щадил для нее, до остального же народонаселения ему не было дела. Он был славен в народных преданиях, как князь-богатырь, единоборец. Однажды, говорит летопись, пошел он войною на касогов; касожский князь Редедя вышел к нему навстречу с войском и сказал ему: «Зачем губить дружину, схватимся мы сами бороться, одолеешь ты, возьмешь мое имение, жену, детей и землю мою, я одолею, – возьму все твое». Мстислав согласился и стал бороться с Редедеем; боролись крепко и долго, Редедя был велик и силен. Мстислав уже начал изнемогать и, видя беду, сказал: «Пречистая богородица, помоги мне; если я его одолею, то построю церковь в твое имя». Сказавши это, он ударил Редедю об землю, вынул нож и зарезал его, потом пошел в его землю, взял его имение, жену, детей и наложил дань на касогов. Обет был также исполнен: церковь Богородицы, построенная Мстиславом, стояла в Тмутаракани еще во времена летописца. Такой-то князь в 1023 году явился в русских пределах искать волостей после умерших братьев; говорят, что он уже и прежде требовал их у Ярослава, и тот давал ему Муром, но Мстиславу было этого мало. Ярослав был в Новгороде, когда Мстислав пришел к Киеву; киевляне, однако, не приняли его, и он принужден был сесть в Чернигове. Между тем Ярослав, управившись на севере, волнуемом остатками язычества, послал по заморских варягов, и к нему пришел слепой Якун с дружиною. Ярослав отправился с Якуном на Мстислава и встретился с ним у Листвена. Мстислав с вечера исполнил свое войско: поставил северян в середине против варягов Ярославовых, а сам стал с дружиною своею по крылам. Ночь была темная и бурная, с дождем и грозой; Мстислав сказал дружине: «Пойдем на них»; северяне сошлись с варягами, и когда варяги уже истомились в битве с северянами, то Мстислав вдруг напал на них с своею свежою дружиною, битва усилилась: как блеснет молния, так и осветит оружие; и гроза была велика, и сеча сильная и страшная, по словам летописи. Наконец, Ярослав побежал с Якуном, князем варяжским; он пришел в Новгород, а Якун пошел за море, потерявши у Листвена и золотую свою луду, или верхнюю одежду. Утром, на другой день битвы, Мстислав объехал поле и сказал своим: «Как не порадоваться? Вот лежит северянин, вот варяг, а дружина моя цела». Эта дружина состояла из козар и касогов!

Несмотря на победу, Мстислав не хотел добывать Киева мимо старшего брата; он послал сказать Ярославу: «Сядь в своем Киеве, ты старший брат, а мне будет та сторона», т. е. восточный берег Днепра. Но Ярослав не смел идти в Киев на этот зов и держал там своих посадников, а сам жил в Новгороде. Только в следующем, 1025 году, собравши большое войско, пришел он в Киев и заключил мир с Мстиславом у Городца; братья разделили Русскую землю по Днепру, как хотел Мстислав: он взял себе восточную сторону с главным столом в Чернигове, а Ярослав – западную с Киевом. «И начали жить мирно, в братолюбстве, – говорит летопись, – перестала усобица и мятеж, и была тишина великая в Земле».

В 1032 году умер сын Мстислава, Евстафий, которого имя странно выдается между славянскими именами князей, а в 1035 году умер и сам Мстислав на охоте. Летописец говорит, что он был дебел телом, красноват лицом, с большими глазами, храбр на рати, милостив, очень любил дружину, имения, питья и кушанья не щадил для нее. Видно, что этот князь своим богатырством поразил внимание народа и долго жил в его памяти; ни об одном из князей в дошедших до нас списках не встречаем мы таких подробностей, например, о наружном виде.

По смерти Мстислава Ярослав взял всю его волость и был самовластием в Русской земле, по выражению летописца. Но, видно, Судиславу псковскому не нравилось, что Ярослав не делится с ним выморочными волостями братьев, или, по крайней мере, Ярославу

казалось, что не нравится: в самый год Мстиславовой смерти Ярослав посадил Судислава в тюрьму во Пскове; летописи прибавляют, что его оклеветали пред старшим братом.

Счастливей был племянник Ярослава Брючислав полоцкий. В 1021 году он нечаянно напал на Новгород, побрал в плен граждан, взял их имение и пошел назад в Полоцку. Но Ярослав узнал о замыслах его, выступил поспешно из Киева и, настигнув племянника на реке Судомири, обратил его в бегство, отнявши всех пленников новгородских. Несмотря, однако, на эту победу, Ярослав видел, что надобно что-нибудь прибавить Брючиславу к его волости, иначе Новгород никогда не будет безопасен: он дал ему два города – Витебск и Усвят, если только он не дал их за жену свою, похищенную известным Эймундом, как говорят скандинавские предания.

Так кончились отношения Ярослава к братьям и племяннику; обратимся теперь к отношениям внешним. С Скандинавиею продолжалась по-прежнему тесная связь; враждебных отношений не могло быть: с 1024 года царствовал в Швеции король Олоф (Schoskonig), которого упрекали тем, что он потерял завоевание упсальского короля Эриха, сына Эймундова, на восточном берегу Балтийского моря, в Финляндии, Карелии, Эстляндии, Курляндии. По скандинавским преданиям, на дочери этого Олофа, Ингигерде был женат наш Ярослав. По смерти Олофа королем в Швеции был Анунд – Яков, которого все внимание обращено было на отношения датские и норвежские. Он поддерживал в Норвегии родственника своего Олофа Святого против могущественного Кнута, короля датского и английского; ревность Олофа к распространению христианства возбудила против него много врагов, и он принужден был бежать из отечества; в изгнании он жил одно время при дворе Ярослава, и сын его Магнус Добрый был здесь воспитан. Родственник Ингигерды, приехавший с нею в Русь и сделанный посадником венового ее города Альдейгаборга (быть может, Ладоги), ярл Рагнвальд имел двух сыновей – ярлов Ульфа и Ейлифа, которые наследовали отцовскую должность; третий сын его – Стенкиль был королем шведским, равно как и сын последнего Инге, проведенный часть своей молодости в России у дяди Ейлифа. К княжению Ярослава относятся первые положительные известия о столкновениях русских с финскими племенами: под 1032 годом встречаем известие, что какой-то Улеб (очень быть может, что Ульф – сын Рагнвальда) ходил из Новгорода на Железные ворота, но, как видно, поход был неудачен, потому что из дружины Улебовой мало возвратилось народу. 80 верст к югу от Устьсысольска, у села Водча, находится городок, по-зырянски Карил, т. е. городской холм; предание и теперь называет это место Железными воротами. В 1042 году Владимир, сын Ярослава, посаженный отцом в Новгороде, ходил на ямь, победил это племя, но потерял коней в дороге от мора. Приведя в связь это известие с предыдущим, можно думать, что поход Владимира был предпринят по следам Улебовым в ту же сторону, на северо-восток, к берегам Северной Двины; таким образом, мы получим верное известие о начале утверждения русских владений в этих странах. Еще ранее, в 1030 году, сам Ярослав утвердил свою власть на западном берегу Чудского озера; это утверждение произошло обычным образом – построением города: основан был Юрьев, нынешний Дерпт. Из походов на западные дикие народы упоминается поход на ятвягов, и в первый раз поход на Литву: эти походы были предприняты, как видно, с целью не покорения, а только отражения набегов.

Важнее были отношения к Польше: в 1025 году, после королевской коронации своей, умер Болеслав Храбрый. Ему наследовал сын его, Мечислав II, неспособный удержать отцовские приобретения. Мечислав, по обычаю, начал тем, что выгнал брата своего Оттона, или Безпрема; тот обратился к соседним государям с просьбою о помощи, вследствие чего венгры отняли у Польши землю словаков и часть Моравии; скоро потеряна была и вся Моравия. Мы видели, что у чехов младший князь Олдрих выгнал старшего брата Яромира и стал единовластителем. Сын Олдриха Брючислав в 1028 году выступил против поляков и отнял у них остальную часть Моравии, прогнал венгров из другой и соединил снова Моравию с

Богемиею. Мечислав принужден был уступить чехам Моравню, немцам – лужицей и поделиться с братом Польшею; но этот брат не был так уживчив, как русский Мстислав: он выгнал Мечислава в свою очередь, но скоро был убит своими за тиранство. Мечислав возвратился на престол, однако не мог поправить свои дела и признал себя вассалом императора Конрада II. Если западные соседи воспользовались смертью Храброго, чтобы отнять у Польши его завоевания, то и русский князь должен был также воспользоваться этим удобным случаем. Еще при жизни Болеслава, в 1022 году, управившись с Брячиславом полоцким, Ярослав ходил осаждать Брест, удачно, или нет – неизвестно; возгоревшаяся в это время борьба с Мстиславом тмутараканским не могла позволить Ярославу продолжать свои неприязненные движения на Польшу; но, помирившись с Мстиславом в 1030 году, Ярослав снова предпринимает поход на Польшу, и берет Бельз. В следующем 1031 году оба брата – Ярослав и Мстислав собрали много войска и выступили в Польшу, взяли опять города Червенские, и повоевали Польскую землю, много ляхов привели и разделили между собою, говорит летописец. Дурно было положение Польши при Мечиславе II, но еще хуже стало по его смерти, последовавшей в 1034 году. Дружина княжеская имела возможность усилиться при слабом Мечиславе, и еще более по смерти последнего, когда вдова его, Рикса, урожденная принцесса пфальцская, приняла опеку над малолетним сыном своим, Казимиром. Рикса не имела силы дать значение ослабленной при Мечиславе княжеской власти, сдерживать стремления вельмож, а окружила себя своими единоплеменниками, которым дала большое значение в государстве, в ущерб природным полякам. Это оскорбило народное чувство последних; Рикса была изгнана, и опека над малолетним князем перешла в руки вельмож, по неимению других родичей. Здесь мы видим начало того значения польского вельможества, с каким оно является во всей последующей истории этой страны. Когда Казимир вырос, и вельможи стали бояться, чтоб он, взявши власть в руки, не отомстил им за мать и вообще не уменьшил бы приобретенного ими значения, то они выгнали и его. Польша увидела в челе своем олигархию; знатнейшие роды изгнали слабейшие или подчинили их себе; но не могли ужиться между собою в мире и тем погубили свое дело, произвели анархию, которой следствием было то, что низшее народонаселение – смерды или кметы восстали против шляхты, начали истреблять господ своих, брать их жен и имущество себе. Но восстание против шляхты было вместе и восстанием против христианства, которое не успело пустить в народе глубоких корней, а между тем десятины и другие церковные подати, строгость, с какою духовенство требовало немедленной перемены древних, языческих обычаев на новые, раздражали кметов и заставляли их стремиться к свержению и этого ига; епископы, священники были изгнаны или убиты, монастыри и церкви сожжены, церковные сокровища разграблены. Таким страшным положением Польши воспользовались опять соседи; у чехов по смерти Олдриха (1037 год) вступил на престол сын его, уже известный прежними счастливыми войнами с Польшею, Брячислав I, один из самых талантливых и деятельных князей чешских. Брячислав напал на Польшу и брал города ее и целые области без сопротивления. Но это усиление чехов на счет Польши спасло последнюю; политика германских императоров не могла допустить усиления одного славянского владения на счет другого: ей нужно было разделение и вражда между ними, и потому император Генрих III объявил войну Брячиславу и принял в свое покровительство Казимира. После упорного сопротивления Брячислав принужден был признать свою подчиненность Империи, отказаться от дальнейших видов на Польшу, но удержал свое завоевание – землю Вратиславскую (Бреславскую) в Силезии. Между тем Казимир, вошедши с немецким отрядом в Польшу, был с радостью принят тою частию народонаселения, которая утомилась смутами анархии и жаждала восстановления порядка; порядок был восстановлен по ту сторону Вислы, но в Мазовии Моислав, один из дружинников прежнего князя Мечислава, пользуясь анархией, объявил себя независимым, вооружился против Казимира, призвав на помощь языческих пруссов, литву и славян помор-

ских; этот союз намекает, что в борьбе Моислава против Казимира боролось язычество с христианством. Но Казимир в этой борьбе нашел себе сильного союзника в русском князе. Еще в 1041 году, вслед за походом против Литвы, Ярослав предпринимал поход в Мазовию на лодках. Быть может, уже тогда был заключен союз с Казимиром, но можно полагать также, что поход в Мазовию был предпринят вследствие союза Моислава с литовцами, врагами Ярослава, и уже союз с Казимиром был следствием вражды против Моислава. В 1043 году Казимир вступил в родство с Ярославом, женился на сестре его, Доброгневе, или Марии, получил за нею богатое приданое, но вместо вена отдал Ярославу 800 пленников, взятых Болеславом из Руси. Следствием такого тесного союза было то, что в том же году упоминается о двукратном походе Ярослава на Мазовию; в 1047 году русский князь отправился опять с войском на помощь Казимиру против Моислава; последний был разбит и убит, Мазовия подчинилась снова Пястам. Союз с Польшею был скреплен еще браком Изяслава, одного из сыновей Ярославовых, на сестре Казимировой. Есть известия, более или менее вероятные, о брачных союзах Ярославова семейства с другими владельческими домами в Европе: о браке Гарольда норвежского на Ярославовой дочери Елизавете, короля венгерского Андрея – на Анастасии, Генриха I французского – на Анне; о браке Всеволода Ярославича на царевне греческой, дочери Константина Мономаха, также о браке двоих неизвестных по имени сыновей Ярославовых на двух немецких княжнах.

Ко времени Ярослава относится последнее враждебное столкновение с Византиею. Греческая торговля была очень важна для Руси, была одним из главных источников обогащения народа и казны княжеской; ее поддержание и после было одною из главных забот наших князей, должно было быть и одною из главных забот Ярослава. Греки поссорились с русскими купцами, и один из последних был даже убит в этой ссоре. Русский князь не мог позволить подобных поступков и в 1043 году отправил на греков старшего сына своего Владимира, давши ему много войска, и воеводу, или тысяцкого своего Вышату. Владимир пошел в лодках, но на пути от Дуная в Царьград поднялась буря, разбила русские корабли и, между прочим, корабль князя Владимира, так что последний должен был пересесть уже на корабль одного из воевод Ярославовых, Ивана Творимирича. Остальные воины, числом 6000, кроме дружины, были выкинуты на берег; они хотели возвратиться в Русь, но никто из дружины не хотел идти с ними в начальниках. Тогда Вышата сказал: «Я пойду с ними; жив ли останусь, погибну ли – все лучше вместе с своими». Когда греки узнали, что русские корабли разбиты бурей, то император Константин Мономах послал за ними погоню; Владимир возвратился, разбил греческие корабли и пришел назад в Русь. Но не так был счастлив Вышата – его отряд был окружен греками при городе Варне, взят в плен и приведен в Константинополь, где многих русских ослепили; только через три года, когда заключили мир, отпущен был Вышата в Русь к Ярославу. Чем обнаруживалась вражда в продолжение трех лет, неизвестно; на каких условиях был заключен мир, также неизвестно. Вероятно, Ярослав поспешил прекратить вражду с греками, занятый более важным предприятием относительно Польши; вероятно также, что следствием и условием прекращения вражды был брак сына Ярославова Всеволода на царевне греческой: в 1053 году летописец упоминает о рождении сына Всеволодова Владимира от царицы грекини.

О набегах печенежских, кроме упомянутых выше при борьбе Ярослава с Святополком, древнейшие списки летописи сообщают известие под 1036 годом. Находясь в это время в Новгороде, Ярослав узнал, что печенеги осаждают Киев; он собрал много войска, варягов и новгородцев, и вступил в Киев. Печенегов было бесчисленное множество; Ярослав вышел из города и расположил свое войско так: варягов поставил посередине, киевлян – на правом крыле, а новгородцев – на левом; и началась битва перед крепостью. После злой сечи едва к вечеру успел Ярослав одолеть печенегов, которых погибло множество от меча и перетонуло в

реках во время бегства. После этого поражения имя печенегов хотя и не исчезает совершенно в летописи, однако нападения их на Русь прекращаются.

Относительно внутренней деятельности Ярослава упоминаются распоряжения в Новгороде. Сам Ярослав, княжа здесь, отказался платить дань в Киев; ясно, что он не мог устанавить снова этот платеж, ставши князем киевским, тем более что новгородцы оказали ему такие услуги; вот почему он дал им финансовую льготную грамоту, на которую они ссылаются впоследствии при столкновениях с князьями. Вместо себя Ярослав оставил в Новгороде сначала сына своего Илью, а потом, по смерти его, – другого сына Владимира и по смерти последнего – третьего сына Изяслава. В связи с этими распоряжениями Ярослава находится известие о заточении и смерти Константина, сына Добрыни: Ярослав, сказано в летописи, рассердился на него, заточил в Ростов и потом на третий год велел убить в Муроме. Быть может, Константин хотел большего для новгородцев за их услугу, чем сколько давал Ярослав; быть может также, Константин, как дядя великого князя, как сын Добрыни, хотел большего для себя.

Из дел церковных в княжение Ярослава замечательно поставление митрополита Илариона русина, независимо от византийского патриарха, собором русских епископов, что было следствием недавней вражды с греками. Как видно, поведение прежнего митрополита Феопемта во время этой вражды было таково, что Ярослав хотел на будущее время предохранить себя от подобного в случае нового разрыва.

В 1054 году умер Ярослав. Он, как видно, не заслужил такой приятной памяти в народе, как отец его; несмотря на то, и его деятельность имеет важное значение в нашей начальной истории; в скандинавских сагах Ярослава называют скупым, но этот отзыв может служить ему только в похвалу: и отец его, который вовсе не был скуп, не любил, однако, удовлетворять жадности норманских наемников, которые особенно любили приобретать; раздача большой суммы денег новгородцам скорее будет свидетельствовать о щедрости Ярослава. По отзыву летописи, Ярослав был на своем месте: «он был хромоног, но ум у него был добрый, и на рати был он храбр»; прибавлена еще замечательная черта, что он был христианин, и сам книги читал. Последнее обстоятельство было чрезвычайно важно для преемника Владимиров. В приведенном известии значение христианина тесно связано в Ярославе с чтением книг; Владимир не читал сам книг, он мог только слушать священное писание; сын его Ярослав сам читал книги, был представителем нового поколения грамотных христиан, выученных при Владимире, которые могли находить для себя утверждение в вере в книгах священных. Уже при Владимире греческое духовенство единственным средством распространения и утверждения христианства считало грамотность, учение книгам; сын Владимира сам читал книги, сам был утвержденным христианином, и потому, разумеется, в его княжение христианство и грамотность должны были распространяться. И точно, по свидетельству летописи, христианство начало преимущественно распространяться при Ярославе; при нем начали также умножаться монахи. Ярослав, говорит летопись, любил церковные уставы, очень любил попов, но больше всего монахов; книги читал часто, ночью и днем, собрал много писцов; они переводили книги с греческого на славянский, и переписали много книг, много он и купил их. Отец его Владимир распахал землю и умягчил, т. е. просветил крещением, Ярослав насеял книжными словами сердца верных людей, а мы, прибавляет летописец, пожинаем, принимая книжное учение. Сравнение очень важное: в нем ясно указано значение деятельности Владимира и Ярослава и постепенность движения: при одном имело место крещение, при другом – надлежащее наставление в вере. При книгах нужны были особенно церкви и грамотные священники, которые могли бы учить народ неграмотный. Ярослав строил церкви по городам и местам неогороженным, ставил при них священников, которым давал содержание из собственного имущества, приказывая им учить людей и приходить часто к церквам. При Ярославе в Новгороде было сделано то же, что при Вла-

димире в Киеве: князь велел собрать у старост и священников детей (300 человек) и учить их книгам.

Кроме этой деятельности, княжение Ярослава важно еще в других отношениях: подобно отцу Владимиру, Ярослав не был князем только в значении вождя дружины, который стремится в дальние стороны за завоеваниями, славою и добычею; Ярослав, как видно, был более князем-нарядником страны. Он любил церковные уставы, был знаком с ними: неудивительно, что к его времени относится и первый писанный устав гражданский, так называемая Русская Правда. Подобно отцу, Владимиру, Ярослав следовал совету Добрыни, что народы, ходящие в сапогах, не будут охотно давать дани, и потому не любил войны с ними, а преимущественно обращал свое оружие на варваров – чудь, литву, ятвягов. Мы не знаем, какими собственно расчетами руководился Ярослав в польских отношениях; но знаем, что он, возвратив свое, принял сторону порядка и христианства, не захотел усиливать варварства и победою над Моиславом мазовецким нанес последнему сильный удар. Наконец, Ярослав, подобно отцу своему и вещему Олегу, населял пустынные пространства, строил города; от языческого имени его получил название Ярославль на Волге, от христианского – Юрьев (Дерпт), в земле Чудской; он огородил острожками южную границу Руси со степью; в 1031 году поселил пленных поляков по реке Роси, с следующим начал ставить здесь города.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ОБЩЕСТВА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Значение князя. – Дружина, ее отношение к князю и к земле. – Бояре, мужи, гриди, огнищане, тиуны, отроки. – Городовые и сельские полки. – Тысяцкий. – Способы ведения войны. – Городское и сельское народонаселение. – Рабы. – Русская Правда. – Нравы эпохи. – Обычаи. – Занятие жителей. – Состояние религии. – Монашество. – Управление и материальные средства церкви. – Грамотность. – Песни. – Определение степени норманского влияния.

Мы видели в начале нашего рассказа, как среди северных племен явился князь, призванный для установления наряда в земле, взволнованной родовыми усобицами; теперь предстоит нам вопрос: в каких же отношениях нашелся призванный к призвавшим, как определилось значение князя? Для решения этого вопроса мы должны обратиться к понятиям племен, призвавших власть. Летописец прямо дает знать, что несколько отдельных родов, поселившись вместе, не имели возможности жить общею жизнью вследствие усобиц; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вместе; племена знали по опыту, что мир возможен только тогда, когда все живущие вместе составляют один род с одним общим родоначальником; и вот они хотят восстановить это прежнее единство, хотят, чтобы все роды соединились под одним общим старшиною, князем, который ко всем родам был бы одинаков, чего можно было достичь только тогда, когда этот старшина, князь, не принадлежал ни к одному роду, был из чужого рода. Они призвали князя, не имея возможности с этим именем соединять какое-либо другое новое значение, кроме значения родоначальника, старшего в роде. Из этого значения князя уяснится нам круг его власти, его отношения к призвавшим племенам. Князь должен был княжить и владеть по буквальному смыслу летописи; он думал о строе земском, о ратях, об уставе земском; вождь на войне, он был судьей во время мира; он наказывал преступников, его двор – место суда, его слуги – исполнители судебных приговоров; всякая перемена, всякий новый устав проистекал от него; так, Владимир, по предложению епископов, а потом епископов и старцев, делает постановление относительно вир; Ярослав дает грамоты новгородцам – Правду и устав относительно податей; князь собирает дань, распоряжается ею. Но если круг власти призванного князя был такой же, какой был круг власти у прежнего родоначальника, то в первое время на отношениях князя к племенам отражалась еще вся неопределенность прежних родовых отношений, которой следствия мы увидим после в отношениях городских общин к князю, о чем и будет речь в свое время. Теперь же мы должны обратиться к вопросу: что стало с прежними родоначальниками, прежними старшинами, князьями племен? Соединение многих родов в одно целое, во главе которого стоял один общий князь, необходимо должно было поколебать значение прежних старшин, родоначальников; прежняя тесная связь всех родичей под властью одного старшины не была уже теперь более необходима в присутствии другой – высшей, общей власти. Само собой разумеется, что это понижение власти прежних родоначальников происходило постепенно, что те члены родов, которым, по известным счетам, принадлежало старшинство, долгое время пользовались еще большим уважением и представительством; так долго мы видим город-

ских старцев на первом плане во всех важных случаях; они решают дела на вече, с ними советуется князь. Но в конце рассмотренного периода жизнь общественная получила уже такое развитие, что необходимо условливалась распадением родов на отдельные семьи, причем прежнее представительное значение старшин в целом роде исчезает, и когда князю нужно объявить, предложить что-нибудь городу, то собираются не одни старцы, собирается целый город, является общенародное вече. Первое общенародное вече мы видим в Новгороде, когда князю Ярославу нужно было объявить гражданам о смерти Владимира и поведении Святополка. Те исследователи, которые предполагают долговременное существование прежних славянских князей или родоначальников, и те, которые предполагают переход этих старшин в бояр с земским значением, забывают, что родовой быт славянских племен сохранился при своих первоначальных формах, не переходя в быт кланов, где старшинство было уже наследственно в одной линии, переходило от отца к сыну, тогда как у наших славян князь долженствовал быть старшим в целом роде, все линии рода были равны относительно старшинства, каждый член каждой линии мог быть старшим в целом роде, смотря по своему физическому старшинству: следовательно, одна какая-нибудь линия не могла выдвинуться вперед перед другими, как скоро родовая связь между ними рушилась; ни одна линия не могла получить большого значения по своему богатству, потому что при родовой связи имение было общее; как же скоро эта связь рушилась, то имущество разделялось поровну между равными в правах своих линиями; ясно, следовательно, что боярские роды не могли произойти от прежних славянских старшин, родоначальников, по ненаследственности этого звания; если старшина рода переходил в дружину княжескую, то он сохранял свое родовое значение только при жизни, сын его не наследовал этого значения, оно переходило к какому-нибудь четвероюродному дяде его, и если он выделялся из рода, то доля имущества его была равна доле каждого другого родича. Вот почему славянские князья исчезают с приходом князей варяжских: нельзя искать их и в боярах по той же самой причине, т. е. потому, что достоинство старшин у славян не было наследственным в одной родовой линии. Отсюда объясняется и то явление, что в следующем периоде мы увидим непосредственные отношения князей к городскому народонаселению, к общине. Место князя во время его отсутствия или в тех городах, где князь не жил, заступал посадник, муж из дружины княжеской. Этот наместник княжеский, в мнении народа, не заменял вполне князя, уважения и послушания к нему было меньше и на войне, и в мире, следовательно, цель установления наряда достигалась не вполне; отсюда стремление иметь своего князя, замечаемое в Новгороде.

Не должно думать, чтобы во все продолжение периода отношения племен к князю были всегда и везде одинакие. Сознание о необходимости нового порядка вещей, власти одного общего князя из чужого рода явилось на севере; северные племена призвали князя как нарядника; здесь, следовательно, новый порядок вещей должен был принят и развиваться преимущественно; здесь должно было начаться определение княжеских отношений; вот почему в Новгороде мы видим и некоторое движение вследствие этого начавшегося определения. Потом местопребывание князя переносится на юг, в Киев; на севере остаются посадники до самого Владимира. Мы видим, что большему влиянию княжеской власти подчинена сначала только озерная Новгородская область и потом довольно узкая полоса земли по берегам Днепра, где в городах Смоленске и Любече еще со времен Олега сидели мужи княжие. Отношения к князю племен, живших далее к востоку и западу от Днепра, как видно, ограничивались вначале платежом дани, для собирания которой сам князь с дружиною ездил к ним. По свидетельству Константина Багрянородного, русские князья с своею дружиною выходили из Киева при наступлении ноября месяца и отправлялись *на полюдье* или уезжали в земли подчиненных им племен славянских и там проводили зиму. Обычай *полюдья* удержался надолго после: князь объезжал свою волость, вершил дела судные, оставленные до его приезда и брал дары, обогащавшие казну его. Такой обычай княжеских объездов для

вершения судебных дел необходимо условливается самым состоянием юного общества: так, мы встречаем его в древней скандинавской и в древней польской истории; ясно, следовательно, что – это обычай общий, а не частный скандинавский, принесенный варягами в Русь. Любопытно, что в приведенном свидетельстве Багрянородного, полюдь отделена от зимнего пребывания князя и дружины его у славянских племен: из этого различия видно уже, что к некоторым ближайшим и более подчиненным племенам князь отправлялся для суда, к другим же, отдаленнейшим – только для собрания дани мехами и другими сырыми произведениями, составлявшими предмет заграничной торговли; что князь сам ходил за данью к племенам, это ясно показывает предание о судьбе Игоря у древлян. Более отдаленные племена принуждены были платить дань русскому князю и платили ее тогда, когда тот приходил за нею с войском; но этим, как видно, и ограничивались все отношения; племена еще жили по-прежнему, особными родами, каждый род имел своего старшину или князя, который владел у него, судил и рядил; у древлян были свои князья в то время, когда они платили дань киевскому князю; из этих князей один был Мал, которого они прочили в мужа Ольге.

Дань, за которою ходил сам князь, была первоначальным видом подчиненности племени одной общей власти, связи с другими соподчиненными племенами. Но при таком виде подчиненности сознание об этой связи, разумеется, было еще очень слабо: племена платили дань и козарам, и все оставались по-прежнему в разъединении друг с другом. Гораздо важнее для общей связи племен и для скрепления связи каждого племени с общим средоточием была обязанность *возить* повозы, обязанность, вследствие которой сами племена должны были доставлять дань в определенное князем место, ибо с этим подчиненность племен, участие их в общей жизни принимали более деятельный характер. Но еще более способствовала сознанию о единстве та обязанность племен, по которой они должны были участвовать в походах княжеских на другие племена, на чужие народы: здесь члены различных племен, находившихся до того времени в весьма слабом соприкосновении друг с другом, участвовали в одной общей деятельности под знаменами русского князя, составляли одну дружину; здесь наглядным образом приобретали они понятие о своем единстве и, возвратясь домой, передавали это понятие своим родичам, рассказывая им о том, что они сделали вместе с другими племенами под предводительством русского князя. Наконец, выходу племен из особого, родового быта, сосредоточению каждого из них около известных центров и более крепкой связи всех их с единым, общим для всей земли средоточием способствовало построение городов князьями, умножение народонаселения, перевод его с севера на юг.

Мы коснулись непосредственного влияния княжеской власти на образование юного общества, но это влияние сильно обнаружилось еще посредством дружины, явившейся вместе с князьями. С самого начала мы видим около князя людей, которые сопровождают его на войну, во время мира составляют его совет, исполняют его приказания, в виде посадников заступают его место в областях. Эти приближенные к князю люди, эта дружина княжеская могущественно действует на образование нового общества тем, что вносит в среду его новое начало, сословное, в противоположность прежнему родовому. Является общество, члены которого связаны между собою не родовой связью, но товариществом; дружина, пришедшая с первыми князьями, состоит преимущественно из варягов, но в нее открыт свободный доступ храбрым людям из всех стран и народов, преимущественно, разумеется, по самой близости, туземцам; с появлением дружины среди славянских племен для их членов открылся свободный и почетный выход из родового быта в быт, основанный на других, новых началах; они получили возможность, простор развивать свои силы, обнаруживать свои личные достоинства, получили возможность личную доблесть приобретать значение, тогда как в роде значение давалось известною степенью на родовой лестнице. В дружине члены родов получали возможность ценить себя и других по степени личной доблести, по степени той пользы, какую они доставляли князю и народу; с появлением дружины должно

было явиться понятие о лучших, храбрейших людях, которые выделились из толпы людей темных, неизвестных, черных; явилось новое жизненное начало, средство к возбуждению сил в народе и к выходу их; темный, безразличный мир был встревожен, начали обозначаться формы, отдельные образы, разграничительные линии.

Обозначив влияние дружины вообще, мы должны обратиться к вопросу: в каком отношении находилась она к князю и к земле? Для легчайшего решения этого вопроса сравним отношения дружины к князю и земле на западе и те же самые отношения у нас на Руси. На западе около доблестного вождя собиралась толпа отважных людей с целью завоевания какой-нибудь страны, приобретения земель во владение. Здесь вождь зависел более от дружины, чем дружина от него; дружина нисколько не находилась к нему в служебных отношениях, вождь был только первый между равными: «Мы избираем тебя в вожди, – говорила ему дружина, – и куда поведет тебя твоя судьба, туда пойдём и мы за тобою; но что будет приобретено общими нашими силами, то должно быть разделено между всеми нами, смотря по достоинству каждого», и проч. И действительно, когда дружина овладевала какою-нибудь страной, то каждый член варварского ополчения приобретал участок земли и нужное количество рабов для его обработки. Но подобные отношения могли ли иметь место у нас на Руси с призванием князей? Мы видели, что князь был призван северными племенами, как *нарядник* земли; в значении князя известной страны он расширяет свои владения; с ним приходит дружина, которая постоянно наполняется новыми членами, пришельцами и туземцами; но ясно, что эти дружинники не могут иметь значения дружинников западных: они не могли явиться для того, чтобы делить землю ими не завоеванную, они могли явиться только для того, чтобы служить князю известных племен, известной страны; те из них, которые приходили за тем, чтоб получать города и села, как например Аскольд и Дир, обманывались в своей надежде и отправлялись искать лучшего в другом месте. Рюрик раздаёт города мужам своим; Олег сажает мужей своих в занятых им городах – Смоленске и Любече: они здесь начальники отрядов, они заступают место князя; но при этом должно строго отличать характер правительственный от характера владельческого; мы и после будем постоянно видеть везде княжих посадников, наместников, но везде только с характером правительственным. С другой стороны, если князь с дружиною покорял новые племена, то это покорение было особого рода: покоренные племена были рассеяны на огромном пустынном пространстве; волею или неволею соглашались они платить дань – и только, их нельзя было поделить между членами дружины; мы знаем, как покорял Олег племена: одни добровольно соглашались платить ему дань, какую прежде платили козарам, на других накладывал он дань легкую; некоторых примучивал, т. е., силою заставлял платить себе дань, но опять только дань. Большое различие, когда дружина займет страну цивилизованного народа, покрытую городами и селениями, или когда займет страну пустынную, редко населенную, построит острожек и станет ходить из него к племенам за мехами. Земли было много у русского князя, он мог, если хотел, раздавать ее своим дружинникам, но дело в том, выгодно ли было дружинникам брать ее без народонаселения; им гораздо выгоднее было остаться при князе, ходить с ним за добычею на войну к народам еще не покоренным, за данью к племенам подчиненным, продавать эту дань чужим народам, одним словом, получать от князя содержание непосредственно.

Замечено было, что князя принимали в свою дружину всякого витязя, из какого бы народа он ни был: так, между послами Игоря мы встречаем ятвяга; Святослав отовсюду собирал воинов многих и храбрых; Владимир выбрал из наемных варягов мужей добрых, смысленных и храбрых и роздал им города; северные саги говорят о знатных витязях скандинавских, которые служили в дружинах наших князей; каждый пришлец получал место смотря по своей известности; в древних песнях наших читаем, что князь встречал неизвест-

ных витязей следующими словами: «Гой вы еси, добры молодцы!/ Скажитесь, как вас по имени зовут:/ А по имени вам мочно место дать,/ По изотчеству можно пожаловати».

В сагах читаем, что при Владимире княгиня, жена его, имела такую же многочисленную дружину, как и сам князь: муж и жена соперничали, у кого будет больше знаменитых витязей; если являлся храбрый пришлец, то каждый из них старался привлечь его в свою дружину. Подтверждение этому известию находим также в наших старинных песнях: так Владимир, посылая богатыря на подвиг, обращается к нему с следующими словами: «Гой еси, Иван Годинович!/ Возьми ты у меня, князя, сто человек/ Русских могучих богатырей,/ У княгини ты бери другое сто».

Чем знаменитее был князь, тем храбрее и многочисленнее были его сподвижники; каков был князь, такова была и дружина; дружина Игорева говорила: «Кто с морем советен», и шла домой без боя; сподвижники Святослава были все похожи на него: «Где ляжет твоя голова, там и все мы головы свои сложим», – говорили они ему, потому что оставить поле битвы, потерявши князя, считалось ужасным позором для доброго дружинника. И хороший вождь считал постыдным покинуть войско в опасности; так, во время похода Владимира Ярославича на греков тысяцкий Вышата сошел на берег к выброшенным бурей воинам и сказал: «Если буду жив, то с ними; если погибну, то с дружиною». Было уже замечено, что дружина получала содержание от князя – пищу, одежду, коней и оружие; дружина говорит Игорю: «Отроки Свенельдовы богаты оружием и платьем, а мы босы и наги; пойдем с нами в дань». Хороший князь не жалел ничего для дружины: он знал, что с многочисленными и храбрыми сподвижниками мог всегда приобрести богатую добычу; так говорил Владимир и давал частые, обильные пиры дружине; так, о сыне его Мстиславе говорится, что он очень любил дружину, имения не щадил, в питье и пище ей не отказывал. Летописец, с сожалением вспоминая о старом времени, говорит о прежних князьях: «Те князья не собирали много имения, вир и продаж неправедных не налагали на людей; но если случится правая вира, ту брали и тотчас отдавали дружине на оружие. Дружина этим кормилась, воевала чужие страны; в битвах говорили друг другу: „Братья! Потянем по своему князе и по Русской земле!“ Не говорили князю: „Мало мне ста гривен“; не наряжали жен своих в золотые обручи, ходили жены их в серебре; и вот они расплодили землю Русскую». При такой жизни вместе в братском кругу, когда князь не жалел ничего для дружины, ясно, что он не скрывал от нее своих дум, что члены дружины были главными его советниками во всех делах; так, о Владимире говорится: «Владимир любил дружину и думал с нею о строе земском, о ратях, об уставе земском». Святослав не хочет принимать христианства, потому что дружина станет смеяться. Бояре вместе с городскими старцами решают, что должно принести человеческую жертву; Владимир созывает бояр и старцев советоваться о перемене веры.

Из приведенных известий видно, что одни бояре, одни старшие члены дружины были советниками князя: два последние известия ограничивают первое, показывают, с какою дружиною думал Владимир. Как же разделялась дружина, как назывались младшие ее члены, не бояре? Для означения отдельного члена дружины, дружинника, без различия степеней, употреблялось слово муж. Муж, мужи – значило человек, люди, но преимущественно с почетным значением: муж с притяжательным местоимением, относящимся к князю, означал дружинника: муж свой, муж его. Но, как видно, слово «муж» имело и более тесное значение, означало дружинников второго разряда, низших, младших членов дружины, в противоположность боярам; это видно из следующего места летописи, хотя относящегося к позднему времени. Князь Игорь северский, попавшись в плен к половцам, так горюет об истреблении своего войска: «Где бояре думающие, где мужи храборствующие, где ряд полчный?» Итак, бояре были лучшие, старшие в дружине, советники, думцы князя по преимуществу; мужи были воины по преимуществу; другое более определенное название для этого разряда дружинников было гриди, гридь, гридьба, что означает также сборище, толпу, дружину. Ком-

ната во дворе княжеском, где собиралась дружина, называлась гридницею: так говорится о Владимире: «Он учредил на дворе в гриднице пиры, куда приходили бояре и гриди, соцкие и десятичные, и нарочитые мужи, при князе и без князя». Мужья княжие, жившие по городам, занимавшие там разные должности, в отличие от бояр, живших при князе, в стольном его городе, назывались уменьшительным – болярцы. В Русской Правде и в Новгородской летописи мы встречаем название огнищанина, подававшее повод к различным объяснениям. Единственное средство объяснить это название – посмотреть, как оно заменяется в других списках Правды и в других летописях; в других списках Правды оно заменяется постоянно выражением: княж муж, и в этом значении противопоставляется смерду; в летописи Новгородской читаем: «Позвал (Ростислав) новгородцев на поряд: огнищан, гридь». В другой, не новгородской летописи читаем: «Князь Мстислав, собрав ростовцев – бояр, гридьбу». Следовательно, то, что в Новгороде были огнищане, в других местах были бояре, т. е. старшие члены дружины, которых место прежде гридей; при этом должно заметить, что название огнищанин было обширнее, чем боярин: огнищанин некоторых списков Правды совмещает мужа князя и тиуна князя других списков, а потому и в Новгороде существовало также название боярин. Объяснение того, почему огнищанин соединял и боярина и тиуна князя, равно как объяснение корня слову огнищанин найдем также в Русской Правде, здесь читаем: «За убийство тиуна огнищного и конюшего платить 80 гривен». Если тиун конюший означает смотрителя за конюшнею княжескою, то тиун огнищный должен означать смотрителя за огнищем или домом княжеским; огнищанин же должен означать человека, который живет при огнище княжеском, домочадца княжеского, человека, близкого к князю, его думца, боярина, в переводе на наши понятия, придворного человека. Объяснением слова огнищанин служит также позднейшее – дворянин, означающее человека, принадлежащего ко двору, дому княжескому, а не имеющего свой двор или дом, следовательно, и под огнищанином нет нужды разуместь человека, имеющего свое огнище. Эти-то домочадцы или огнищане княжеские имели то преимущество пред остальным народонаселением, что за их голову убийца платил двойную пеню, или виру, именно 80 гривен вместо 40. Под огнищанином разумелся только муж княж высшего разряда, боярин, думец княжеский, но не гридь, не простой член дружины, который собственно не принадлежал к огнищу или двору княжескому. К огнищанам, как видно из Правды, принадлежал тиун княж, но не вообще, а только огнищный и конюший. Тиун в готском переводе Библии Улфила является в форме *dius* и в значении *oketης* – домочадец, слуга, раб. Звание тиуна, как оно является в наших древних памятниках, можно означить словом «приставник», с неопределенным значением: приставник смотреть за домом, за конюшнею, за судом, за сбором доходов княжих, за селом княжим; тиуны могли быть у князя и у боярина; они могли быть и свободные, если примут на себя эту должность с рядом, но это было уже исключение. Сельский тиун княжий или ратайный, если был холоп, то за него положена была вира в 12 гривен, если же был свободный человек, но рядович, т. е. такой тиун, который, вступая в должность, не вошел в холопство, но порядился, вошел с рядом, то за такого вира была только в 5 гривен, потому что для князя было гораздо важнее потерять своего холопа, чем вольного рядовича; те же самые виры брались за тиунов холопей и рядовичей боярских. Вообще князь увеличивал виру за своего служителя, смотря по важности последнего. Что касается до отроков князя, то они составляли его домашнюю прислугу; они, по летописям, служат за столом князю и гостям его; убирают вещи по княжескому приказу; князь посылает их с поручениями и т. п.

Кроме дружины войско составлялось также из жителей городов и сел, набравшихся по случаю похода: эти полки явственно отличаются от дружины под именем воинов (воев) в тесном смысле; так, читаем в рассказе о убиении святого Бориса: «Сказала ему отцовская дружина: „вот у тебя дружина отцовская и воины (вои)“». Другое место, из которого также виден двойственный состав княжеского войска, встречаем в рассказе о походе Владимира

Ярославича на греков: «Прочие воины Владимира были выкинуты на берег, числом 6000, и хотели возвратиться в Русь, но не пошел с ними никто из дружины княжеской». Но мы не должны ожидать от летописца постоянно резкого различия в названиях – дружина и вои: если он говорит, что князь взял с собою много воев из разных племен, то он не прибавит, что он взял с собою дружину и воев: подразумевается, что дружина должна идти с князем, и в таких случаях везде дружина включается в число воев; с другой стороны, от дружины не было производного дружинник, дружинники, и потому вместо этого производного употреблялось также вои; вои значило вообще все военные, вооруженные люди. Наоборот, дружина означала в обширном смысле совокупность всех военных, вооруженных людей, войско, и в тесном смысле – приближенных к князю людей, которых военное дело было постоянным занятием. Это двойное значение дружины всего виднее в рассказе о войне Мстислава тмутараканского с Ярославом: «Мстислав с вечера исполчил дружину и поставил северян в чело против варягов, а сам стал с дружиною своею по крылам... Мстислав, на другое утро увидя лежащие трупы северян и варягов, сказал: „Как не радоваться? Вот лежит северянин, вот варяг, а дружина моя цела“». Кроме собирательного дружина в смысле войска, армии, употреблялось еще слово «полк». Слово «дружина» имела еще не военное значение, в котором может переводиться словом: свои, наши, например древляне спросили Ольгу: «Где же наша дружина?», т. е. послы, которых они прежде отправили в Киев. Было сказано, что вои, т. е. недружина, набирались из народонаселения городского и сельского: так набирали войско из племен Олег, Игорь, Владимир; так Ярослав вывел против Святополка горожан новгородских и сельских жителей с их старостами. Видно и в этот период, как в последующий, князь объявлял о походе в городе народу, собравшемуся на вече; здесь решали выступить, и сельское народонаселение выступало по решению городского веча. Как видно, отец выходил в поход со старшими сыновьями, сколько бы их ни было, а младший (также взрослый уже) оставался дома для охранения семейства. По окончании похода войско, набранное из городского и сельского народонаселения, распускалось оно пользовалось добычею: князья выговаривали у побежденных дань в его пользу. Олег требует с греков по 12 гривен на ключ, т. е. на каждую лодку, без различия между дружиною и воями, набранными из разных племен. Дружина, разумеется, имела ту выгоду, что участвовала в ежегодных данях с греков и с своих племен, вообще во всех доходах княжеских. Ярослав, победив Святополка, награждал щедро помогших ему новгородцев, сельчан, однако, меньше, чем горожан: горожанин был сравнен с сельским старостою. Но ясно, что когда народонаселение призывалось не к далекой наступательной войне, а к защите своей земли от нападения врагов, например печенегов, то не могло быть речи о награждении; воины могли довольствоваться только добычею, если, прогнав врага, отбили обоз, брали пленников; дань с побежденных бралась и на долю убитых ратников и шла к их родственникам. Сельчане приходили в поход с своими старостами; горожане относительно военной службы разделялись, как видно, на десятки, сотни: таково было обыкновенно военное деление у народов. В летописи упоминаются десятские, сотские; без всякого сомнения, был высший начальник над этими отдами, долженствовавший носить соответственное название «тысяцкого»; этого названия мы не встречаем в дошедших до нас списках летописей в описываемое время, встречаем одно неопределенное название «воеводы»; но в следующем периоде мы встретим, что тысяцкий называется также воеводою, вследствие чего под воеводою первого периода можно разуметь тысяцкого. Тысяцкий, по соображении всех известий об этом сане, был воеводою земских, гражданских полков, выбиравшийся князем из дружины. Если Ян, сын Вышаты, был тысяцким в Киеве, в 1089 году, то нет сомнения, что отец его Вышата занимал ту же должность прежде, при Ярославе; подтверждение этому находим в летописи: в 1037 году послал Ярослав сына своего Владимира на греков и дал ему много войска, а воеводство поручил Вышате, отцу Янову; когда поднялась буря и прочие воины, т. е. земские полки, были выброшены на берег, то никто из

дружины княжеской не хотел идти с ними; один Вышата вызвался: «Я пойду с ними, – сказал он: останусь жив – с ними вместе, погибну – вместе с своими (с дружиною)». Поступок Вышаты объяснится, если обратим внимание на то, что этот воевода был тысяцкий, что ему было поручено от князя воеводство над земскими полками, и он, по совести, не мог оставить их без предводителя. Из этого же известия видим, что земское ополчение нуждалось в предводителе из членов дружины.

При святом Владимире мы видим, что во время тяжелой оборонительной войны против печенегов князь отправился раз на север, чтобы набрать полки из тамошнего народонаселения, ходил по верховные вои, как говорится в летописи. Кроме дружины и земских полков, составленных из городского и сельского народонаселения, были еще наемные войска, составлявшиеся из варягов, печенегов и торков; варяги обыкновенно составляли пехоту, печенеги и торки – конницу; в борьбах северных князей с южными варяги нанимались первыми, печенеги – вторыми, следовательно, первым помогала Европа, вторым – Азия. Дружина Мстислава тмутараканского состояла из козар и касогов. Надобно заметить, что печенеги ни разу не дали победы князьям, нанимавшим их. Новгородцы и варяги дали торжество Владимиру над Ярополком, Ярославу – над Святополком; южно-русское, киевское, народонаселение не дало победы Святополку при Любече; но северское народонаселение дало торжество Мстиславу над варягами Ярослава, выдержавши натиск последних; при этом не забудем, что в пограничных северских городках со времен Владимира жили северные переселенцы. Дружина не могла быть многочисленна; дружина Игоря, если была даже многочисленна, то пострадала много от греческого похода, а потом, без сомнения большая часть ее ушла с Святославом; этот князь должен был кончить войну с греками по недостатку дружины, которой очень немного должно было возвратиться с Свенельдом в Киев; что у Ярополка было мало дружины доказывает также торжество Владимира. Ярослав перебил свою новгородскую дружину за варягов; киевская дружина должна была следовать за Святополком; нельзя предполагать, чтобы много ее осталось после поражений последнего; при Ярославе, следовательно, имел место новый набор дружины. Дружина жила при князе, другого постоянного войска не было, а между тем предстояла беспрестанная нужда в защите границ, угрожаемых врагами; для этого также нанимались варяги. Так, новгородцы со времен Олега держат «мира деля» отряд варягов, которым дают определенную сумму денег; после, как видно, этот отряд уже перестал набираться из варягов или по крайней мере исключительно из них и слывет под именем «гридей»; по скандинавским сагам известно, что изгнанник Олаф был у киевского князя начальником войска, посылаемого для защиты границ; такое значение имел, вероятно, ярл Рагнвальд на севере при Ярославе. Войска в битвах располагались обыкновенно тремя отделениями; большой полк, или чело, и два крыла; в челе ставили варягов-наемников; если не было наемников, то земские полки, а дружину – по крылам, сохраняя ее для решительного нападения. Когда река разделяла враждебные войска и ни одно из них не хотело первое переправиться, то употреблялись поддразнивания: так, Святополков воевода поддразнивал новгородцев, воевода Ярославов – польского Болеслава. Перед выступлением в поход трубили. Войска сходились (сступались) и расходились по несколько раз в битвах, в ожесточенных схватках брали друг друга за руки и секлись мечами. Было в обычае решать войны единоборством; боролись в собственном смысле слова, без оружия, схватывали друг друга руками и старались задушить противника или повалить, ударить им о землю. Естественно, что в пустынной, малонаселенной стране, наполненной непроходимыми лесами, болотами, озерами, реками, самый удобный путь для войск был водный; водою ходили на ближайшие племена славянские, на греков, на болгар, на мазовшан. Если говорится, что Святослав ходил в поход без возов, то разумеется, что в сухопутных походах обыкновенно возили возы с припасами и шатрами, потому что один Святослав с своими богатырями спал на открытом воздухе, подостлавши под себя конский потник и положивши

седло под голову. Когда в поход шли на лодьях по рекам, то лошадей не брали, а конница, обыкновенно наемная, шла берегом; в сухопутных походах употреблялись лошади. Свято-слав спал на конском потнике, клал седло в головы, следовательно, он ходил в поход на лошади, равно как и вся дружина его; иначе трудно объяснить ту быстроту, с какою он, по летописцу, ходил на врагов. Во время сражения Ярополка с Олегом дрались на лошадях. В 1042 году Владимир Ярославич ходил на ямь на лошадях же. Но при этом очень вероятно, что русские, привыкши ходить в лодьях и биться пеши, не были отличными всадниками, как свидетельствуют византийцы. О трудностях сухопутных походов можно судить по тому, что нужно было гораздо заранее исправлять дороги и мостить мосты. Города брали с большим трудом, обыкновенно принуждали к сдаче голодом или хитростию: Ольга целый год стояла под Коростеном и взяла его только хитростию; Владимир осадил Ярополка в Родне, но не брал города, а полагался на голод и предательство Блуда. Владимир не мог взять Корсуня, грозился стоять три года и принудил жителей к сдаче, отнявши у них воду. Только раз Святославу удалось взять копьем (приступом) Переяславец Дунайский. Оружие состояло из мечей, копий, стрел, ножей, сабель, брони, щитов. Об камнестрельных машинах упоминает Иоакимова летопись в рассказе о сражении новгородцев с Добрынею при Владимире; но византийцы также упоминают о них. Употреблялись при войске знамена, или стяги.

Обратимся к остальному народонаселению, городскому и сельскому. Мы видели, что прежние города славянских племен были не иное что, как огороженные села, жители которых занимались земледелием. Это занятие всего более способствует сохранению родового быта: по смерти общего родоначальника сыновьям его и внукам выгодно поддерживать родовую связь, чтоб соединенными силами обрабатывать землю. Как же скоро среди народонаселения являются другие промыслы, мена, торговля, как скоро для членов рода является возможность избирать то или другое занятие по своим склонностям, является возможность посредством собственной, самостоятельной деятельности приобрести больше других членов рода, то с тем вместе необходимо должно являться стремление выделиться из рода для самостоятельной деятельности; следовательно, если в конце описываемого периода мы видим различные занятия, торговлю в городах, то необходимо должны предположить ослабление родового быта. Различие занятий и мена условливались уже тем, что среди городов явился новый элемент народонаселения – воинские отряды, дружины князей; в некоторых городах поселились князья, в других – мужи княжие с воинскими отрядами; этот приплыв народонаселения с средствами к жизни, но не промышленного само по себе, необходимо должен был породить торговлю и промышленность. Но заметим, что мы говорим все это о городах и именно о таких, где наиболее развивалась промышленность и торговля, в селах же и городах, сохранявших по-прежнему характер огороженных сел, без всякого сомнения, формы прежнего быта удерживались еще очень и очень долго. Ослаблению родового быта в новых городах, построенных князьями, содействовало то, что эти города обыкновенно наполнялись народонаселением, собранным из разных мест, преимущественно с севера; переселенцы эти были вообще доступнее для принятия новых форм быта, новых условий общественной жизни, чем живущее рассеянно, отдельными родами сельское народонаселение; в городах сталкивались чужеродцы, для которых необходимы были новые правительственные отношения, новая гражданская связь. Наконец, ослаблению и падению родового быта в городах вообще должно было много содействовать новое военное деление на десятки и сотни, над которыми поставлялись независимые от родовых старшин начальники – десятские, сотские; что эти начальники сохраняли свое влияние и во время мира, доказательством служит важное влияние, гражданское значение тысяцкого; эти новые формы соединения, новые чисто гражданские отношения необходимо должны были наносить удар старым нормам быта. Появление города пробуждало жизнь и в ближайшем к нему сельском народонаселении: в городе образовывался правительственный центр, к которому должно было тянуть

окружное сельское народонаселение; сельчане, которые прежде раз в год входили в сношения с княжескою властью при платеже дани, теперь входили в сношения с нею гораздо чаще, потому что в ближайшем городе сидел муж княж, посадник; потом как скоро городское народонаселение получило другой характер, чем прежде, то между ним и окружным сельским народонаселением необходимо должна была возникнуть торговля вследствие различия занятий. С другой стороны, подле городов начали появляться села с народонаселением иного рода: князья, их дружинники и вообще горожане стали выводить деревни, населяя их рабами, купленными или взятыми в плен, также наймитами. Прибавим, что сосредоточению народонаселения около городов способствовало также церковное управление, учреждение в городах епископских кафедр, которым были подведомственны все церкви в окружности. Так посредством городов, этих правительственных колоний, наносился удар родовой особности, в какой прежде жили племена, и вместо племенных названий в конце периода мы встречаем уже областные, заимствованные от главных городов. Города в описываемый период упоминаются следующие: Новгород, Ладога, Белозерск, Изборск, Псков, Юрьев, Ростов, Ярославль, Муром, Суздаль, Смоленск, Полоцк, Любеч, Чернигов, Листвен, Городец, Переяславль, Родня, Вышгород, Белгород, Василев, Витичев, Искоростень, Овруч, Туров, Владимир Волынский, Курск, Тмутаракань, Перемышль, Червен и другие безыменные. Из этих городов Псков, Юрьев, Владимир Волынский, Ярославль достоверно построены князьями; многие из остальных, по всей вероятности, построены также ими; нет сомнения, что и, кроме означенных городов, некоторые, встречающиеся в позднейших известиях, получили начало в описываемый период.

В противоположность князю все остальное народонаселение носило название смердов. В Русской Правде все княжеское, княжие люди, княжая собственность постоянно противопоставляется смердью. Но как в названии мужа и дружины, так и в названии смерда мы не можем с самого начала искать точности, определенности; смерд означал простого человека и, следовательно, это название могло употребляться относительно ко всякому высшему разряду; так, смерд противопоставляется мужу княжому; так, сельское народонаселение под именем смердов противопоставляется городскому. В противоположность мужу княжому простой человек назывался также людин. Вообще сельское народонаселение в описываемое время считалось ниже городского; это прямо видно из свидетельства о том) как Ярослав оделял своих воинов после победы над Святополком; старостам (сельским) дал по 10 гривен, смердам – по гривне, а новгородцам всем – по десяти: сельский староста приравнен к простому горожанину. Подле свободных людей, горожан и сельчан, находим ряд людей зависимых. Первая степень зависимости было закупничество или наймитство. Закупнем или наймитом назывался работник, нанимавшийся на известный срок и за известную плату, которую, как видно, он получал вперед, в виде займа. Если наймит бежал от господина до срока, то становился за это ему полным (обельным) холопом, обелью. Наймит был обязан платить господину за всякий вред в хозяйстве, причиненный его нерадением; господин мог бить наймита за вину; но если прибьет без вины, то платит за обиду, как свободному, наймит в этом случае волен идти к князю или судьям жаловаться. Если бы господин вздумал продать наймита как обель, то наймит получал полную свободу без обязанности выплатить господину взятое вперед, а последний должен был еще платить за обиду определенную сумму. За преступления наймита пред правительством отвечал господин, причем закупень становился ему обельным холопом. Полное или обельное холопство проистекало, кроме того, следующими способами: рождением от холопа; если кто купит холопа за какую бы то ни было цену, хотя бы даже за полгривну, поставит свидетелей при купле и отдаст деньги пред самим холопом; если кто женится на рабе без ряду, без условий с господином ее, то поступает к последнему в полные холопы, если же женится с условиями, то они имеют силу; если кто пойдет к кому в тиуны или ключники также без ряду; наконец, невозможность заплатить долг вела долж-

ника также в рабство к заимодавцу. Значение холопа увеличивалось, смотря по значению господина и по той пользе, какую он ему приносил: так, за убийство сельского старосты или тиуна княжеского и боярского платилось по 12 гривен, за простого холопа, равно как за холопа, принадлежащего простому человеку, смерду, платилось только пять гривен; за ремесленника и за ремесленницу, за пестуна и за кормилицу платилось опять 12 гривен, за женщину-рабу – шесть. За вред, причиненный холопом, отвечал господин; если холоп осмеливался бить свободного человека, то, по уставу Ярославову, лишался жизни. В Русской Правде находим положение, что за убийство чужого холопа без вины убийца платил господину цену убитого, а князю – 12 гривен продажи, пени, как за всякую порчу, истребление чужой собственности; как видно, господин имел право безнаказанно убить своего холопа, как безнаказанно мог истребить всякую другую свою собственность. Произведения или приобретения раба составляли собственность его господина. Холоп не мог быть свидетелем при следствии дела; при нужде позволялось сослаться на закупа. Кроме означенных состояний, встречаем еще особый разряд людей под именем изгоев. Из одного позднейшего свидетельства узнаем, какие люди принадлежали к этому разряду: сын священника, не умеющий грамоте, холоп, выкупившийся из холопства, наконец, задолжавший купец. Из этого видим, что изгоем вообще был человек, почему-либо немогущий оставаться в прежнем состоянии и не примкнувший еще ни к какому новому.

Князья были призваны для *правды* вследствие того, что особные роды не могли беспристрастно разбирать дела при враждебных столкновениях своих членов; не было у них *правды*, говорит летописец. Как разбирались роды, нам неизвестно, но, без всякого сомнения, между ними бывали случаи мирного разбирательства и соглашения, и эти случаи служили примером; но эти случаи, как видно, были довольно редки, большею же частью столкновения оканчивались враждебно – восстанием рода на род, что и повело к мысли о необходимости *третьего* судьи. Если поэтому главное значение князя было значение судьи, разбирателя дел, исправителя кривд, то одною из главных забот его был устав земский, о котором он думал с дружиною, старцами городскими, а после принятия христианства с епископами; и вот Ярославу I приписывается подобный писанный устав, под именем Русской Правды. Название Русской Правды получил этот устав как видно для отличия от уставов греческих, которые по принятии христианства имели такое сильное влияние на юридический быт Руси. Русская Правда первыми строками своими напоминает нам о древнем быте племен, как представляет его летописец; но в то же время указывает и на изменения, происшедшие в этом быту после призвания князей. При родовом, особном быте главная обязанность родичей состояла в защите друг друга, в мести друг за друга; и если целый род, как бы он ни был обширен и разветвлен, составлял одно, один союз под властью одного родоначальника, то все члены его, в каких бы ни было степенях, имели одинаково эту обязанность. В Русской Правде установлено, что в случае убийства родственник убитого должен мстить убийце; но эта обязанность ограничена известными ближайшими степенями родства – знак, что родовой быт начал уже ослабевать, что распространению родовых отношений уже положена преграда. По Ярославову уставу, в случае убийства брат должен был мстить за брата, отец за сына и, наоборот, дядя за племянника с братней и сестриной стороны. В случае если не было местника в означенных степенях родства, то убийца платил князю пеню, *виру*, смотря по значению убитого, был ли то муж княж, или слуга княжий, которого способности князь дорого ценил, или простой человек: в первом случае убийца платил двойную виру (80 гривен), во втором – простую (40 гривен); за женщину платилось полвиры. Так, спустя полтора века после призвания князей в судебном уставе еще сохранена месть, родовое самоуправство, остаток родовой особенности, самостоятельности; но при этом мы видим, во-первых, что родовая месть ограничена ближайшими степенями родства, во-вторых, что в случае отсутствия родича-мстителя убийца должен вознаградить общество за убийство одного из

его членов. Но если правительство брало с убийцы денежную пеню, денежное вознаграждение, то было ли в обычае, что родич-мститель мог отказаться от своего права мстить убийце, взяв с него денежное вознаграждение? На этот вопрос Русская Правда не дает нам ответа; из ее молчания позволительно предположить, что подобные соглашения были малоупотребительны, могли считаться постыдными для родичей: у германцев они имели место, но не всегда: так, в одной саге читаем, что отец, отвергая денежный окуп за убийство сына своего, говорит: «Я не хочу моего убитого сына носить в денежном кошельке». Обратив внимание на большую крепость родовой связи у наших племен в описываемое время, чем у германцев, можно допустить, что подобные чувства были у нас господствующими.

Мы видели, что после родовой мести существовала также общественная пеня в том случае, когда не будет мстителя; но если при последнем обстоятельстве убийство будет совершено и убийца скроется, то правительство чрез это лишается виры; для предотвращения такого лишения в означенном случае вира платилась целым округом, *вервью*, где совершено убийство; такая вира называлась *общей* или *дикой* вирою. Вервь не платила в том случае, когда находили в ней только кости, свидетельствовавшие о давности преступления, не платила также за мертвеца, о котором никто не знал. Это установление *дикой виры* встречаем мы и в других новорожденных обществах, в которых правительственный организм еще не зрел; при таком состоянии общества полицейские обязанности обыкновенно поручаются отдельным округам, которые и отвечают за всякий беспорядок, в них случившийся. Под *дикую вирую* разумелось также общее поручительство, по которому все или некоторые жители верви обязывались, в случае если один из них совершит убийство, помогать ему в платеже виры. Существовал ли обычай дикой виры в описываемое время или явился позднее? Обязанность верви схватить и представить убийцу или платить за него виру в случае, если не отыщут его, бесспорно явилась вместе с определением о вирах; труднее решить, когда явился обычай дикой виры в виде сотоварищества для вспоможения убийце платить виру; если этот обычай существовал в описываемое время, то должен был особенно усиливаться после Ярослава, когда месть была окончательно заменена вирами. Правда различает разбойничество, когда человек убил другого без всякой вражды, от убийства по вражде, в пылу ссоры, драки. Дикая вира относительно разбойника не могла иметь места; за разбойника люди не платили, но отдавали его с женою и детьми князю на *поток* (изгнание), дом его отдавался на разграбление. Различие разбойничества от убийства в ссоре, по вражде должно было существовать в описываемое время: трудно себе представить, чтобы безразличность между этими двумя действиями могла удержаться долго после принятия христианства, когда уже при Владимире мы видим, что епископы настаивают на необходимости казнить разбойников, с испытанием, однако; уже этот совет духовенства испытывать, обращать внимание на обстоятельства и побуждения вел необходимо к означенному в Правде различению между разбоем и убийством в ссоре, на пиру, в нетрезвом виде: кроме того, естественно было бы для общества требовать, чтобы человек, явно вредный, грозящий каждому гибелью, был исключаем из общества, не мог в нем долее оставаться. Так же должно было общество изначала смотреть и на зажигательство двора или гумна: зажигатель должен был заплатить за вред, причиненный пожаром, и потом осуждался так же на *поток*, а дом его отдавался на разграбление.

Относительно увечий такое же постановление, как и относительно убийства: обиженный может отомстить за себя обидчику тем же – удар за удар, увечье за увечье; если же не может мстить, то берет себе денежное вознаграждение и плату лекарю; в некоторых списках прибавляется, что князь получает при этом пеню или *продажу*. Увечье и вознаграждение за него различались, смотря по тому, каким образом оно будет нанесено; также – смотря по тому, мог ли излечиться поврежденный член или нет, и по важности члена; обидою считалось действие, в котором обнаруживалось намерение нанести побои и увечье. Относи-

тельно кражи похитивший обязан был возвратить похищенное и платить известную сумму за обиду, смотря по ценности украденного; исключение составляет в некоторых списках *коневый тать*, которого мир выдавал князю на поток. В числе похищений чужой собственности полагался увод, укрывательство беглого холопа, помощь, оказанная ему во время бегства, нерадение при поимке. Упомянуты случаи порчи, истребления чужой собственности. Большую пеню платили за повреждение межевых знаков. Убийство вора не считалось убийством, если было совершено при самом воровстве, когда вор еще не был схвачен; но считалось убийством, если вор был убит связанный или во время бегства.

Правда (следование дела, исправление зла) происходила следующим образом: обиженный должен был представить свидетелей своей обиды; но ясные знаки побоев, увечья признавались достаточным свидетельством; свидетель должен был говорить слово в слово, как сам жалующийся; прежде всего спрашивалось, кто первый начал драться, и зачинщик платил пеню. Если придет жаловаться человек с ясными признаками побоев, но явятся свидетели, которые покажут, что он сам был зачинщиком драки, то он ничего не получает с противника и сам не платит: побои вменяются ему в платеж. Свидетель должен быть человек свободный; если не будет свободного, то по нужде можно сослаться на боярского тиуна; в малом иске по нужде можно сослаться на закупня; впрочем, истец мог взять и холопа в свидетели, но в таком случае если ответчик после испытания железом оправдается, то истец платил ему за то, что поклепал его по речам холопа. Если не найдется свидетель, а обвинение будет в убийстве, то обвиненный должен был подвергнуться испытанию железом; это испытание употреблялось при обвинении в воровстве, если поличного не было и если цена украденной вещи была не менее полгривны золота, если же меньше, то употреблялось испытание водою; если же цена похищенного была менее двух гривен серебра, то обвиненный присягал в своей невинности. Обычай испытания железом и водою у соседних Руси народов существовал с незапамятных времен, вследствие чего мы и решились отнести этот обычай к описываемому времени. Как у нас, так и у соседних народов, железо предписывалось только в тяжких обвинениях. В Богемии подсудимый обязан был простоять известное время на раскаленном железе, либо держать на нем два пальца до тех пор, пока совершит предписанную присягу. У сербов обвиненный должен был опустить руку в раскаленный котел, либо, выхватив железо из огня при дверях храма, отнести его к алтарю. Подвергавшийся испытанию водою должен был сделать несколько шагов в глубину реки; если он при этом робел и мешался, то проигрывал дело. Здесь начало пытки. Когда обокраденный объявит немедленно о своей пропаже во всеуслышание на торгу, то по отыскании своей вещи имел право взять ее у кого нашел без всяких судебных форм; и тот, у кого найдена вещь, обязан заплатить хозяину за обиду, а князю – продаже. Если же обокраденный не повестит о своей пропаже на торгу и увидит ее у кого-нибудь другого, то не может сказать ему: «Это мое», но обязан вести его на свод, чтобы тот указал, где взял вещь. Свод в одном городе продолжался до конца, если же переходил черту города, то останавливался на третьем ответчике, который должен был платить истцу деньгами, а сам брал вещь и отыскивал снова похитителя; при отыскании раба свод шел во всяком случае только до третьего ответчика, который отдавал истцу своего раба вместо украденного, а сам отыскивал настоящего вора. Свода из своего города в чужую землю не было; но ответчик мог только представить свидетелей или мытника (сборщика торговых податей), при которых купил иск, после чего истец брал свою вещь, не получая никакого вознаграждения за то, что вместе с нею пропало, а ответчик терял свои деньги. То же самое происходило, когда ответчик хотя и мог посредством двух свободных свидетелей или мытника доказать, что он действительно купил вещь или раба, но не знает, у кого именно; по отыскании же своего продавца он мог взять с него свои деньги, и последний обязан был удовлетворить первого истца за то, что у него пропало вместе с краденым. Если хозяин заметит покражу, а вор уже убежал, то с свидетелями и с чужими людьми он гонится

по следам вора; если след приведет к селу или шатру (товару) и жители села или владельцы шатра не отведут от себя следу, не пойдут на след или станут отбиваться, то должны платить и цену украденной вещи и продажу князю; если же след исчезнет на большой дороге, где нет ни людей, ни жилища их, то никто не платит. В разных списках Правды встречаем уставы о процентах (резе), существовавшие до Владимира Мономаха и при нем изданные, о поклаже (даче имущества на сохранение), о долговых взысканиях: если заимодавец станет требовать с должника своих денег, а тот запрется, что не брал, то заимодавец выводит свидетелей, которые если присягнут, то иск его правый, то должник платит взятые деньги и, кроме того, за обиду; в некоторых же списках говорится: «если кто чего взыщет на другом и последний начнет запираться, то идти ему на извод пред 12 мужей». Если купец, взявши в долг деньги, потерпит убыток от кораблекрушения, рати или огня, то заимодавцы не имеют права требовать с него денег вдруг – он выплачивает им понемногу; если же должник пропьется или пробьется (вероятно, если истеряет имущество на виры или платежи за побои), или своим нерадением погубит чужое имущество, то от заимодавцев зависит – ждать уплаты или продать должника. Если последний будет должен многим, то заимодавцы могут вести его на торг и продать; вырученными деньгами прежде всего удовлетворяются иностранные купцы, гости, остальное делят свои заимодавцы; если же на должнике будут княжие деньги, то князь удовлетворяется прежде всех.

О наследстве в Русской Правде встречаем следующие статьи: если умрет простой человек, смерд, и сыновей у него не будет, то имущество его переходит к князю; если останутся у него дочери, то давать часть на них, какую – не сказано: впрочем, она зависела от князя; если же дочери будут замужем, то не давать им части. Если умрет боярин или дружинник, то имение нейдет к князю; но если не будет сыновей, то дочери возьмут. После признания князей в городах родоначальника заменил князь – Рюрикович, имение бездетного смерда переходило в распоряжение князя, дочь наследовала по старому обычаю, ибо ее назначение было оставить свой род для чужого; незамужняя женщина не могла быть самостоятельной владелицей, самостоятельным членом общества, как прежде не могла быть самостоятельным членом рода. Что имение могло идти только к сыновьям, а не в боковые линии, это было необходимо в описываемое время: родич, выделившийся из рода, прерывал с последним всякую связь, – ни он не имел права вступаться в общую родовую собственность, ни остальные родичи также не имели права вступаться в его имущество. Такое резкое выделение было необходимым следствием твердости родовой связи: кто нарушал эту связь, тот нарушал ее совершенно, становился совершенно чужим, ничего среднего быть не могло. Таким образом, означенное положение Русской Правды о наследстве служит признаком только что начавшегося перехода от родового быта, когда еще не выработались отношения по одной кровной связи, без всякого отношения к единству рода и к общему владению родовую собственностью: можно выразиться так, что это положение Русской Правды знаменует переход от родовых отношений к родственным. Так как выделы из родов по означенным выше причинам должны были происходить в описываемый период преимущественно в городах, то мы и почли приличным упомянуть здесь о положении Русской Правды относительно наследства, тем более что положение ее о наследстве после дружинника бесспорно носит признаки глубокой древности. Мы заметили, что имущество простого человека, смерда, шло к князю, потому что князь Рюрикович заменил для смерда прежнего князя – родоначальника, но вовсе не таково было отношение дружинника к князю. Дружинник был вольный слуга князя; первоначальную дружину составляли пришельцы, варяги, которые могли оставаться в службе князя, сколько хотели; они получали содержание от князя за свою службу; они не входили вместе со смердами в состав общества, они составляли особое от общества тело, которое общество содержало для собственной защиты; отсюда общество, казна общественная или княжеская, не могла брать имущества умершего дружинника, которое представляло

не иное что, как жалованье, полученное дружинником за службу князю и земле; вольный дружинник, вступая в службу к князю, никак не мог согласиться, чтобы добытое им имущество на службе по его смерти отнималось у его дочерей и переходило к обществу, к которому он мог иметь только временное отношение; при этом очень часто могло случаться, что имущество это было им накоплено в других странах, на службе другому князю, другой земле. Мы назвали этот обычай относительно боярского наследства древним, отнесли его к описываемому периоду именно потому, что он предполагает особность дружинника, как пришлеца, могущего быть только временным слугою княжеским; это же отношение особенно было сильно в начале нашей истории. Из остальных положений о наследстве в Русской Правде читаем о праве отца при смерти делить дом свой детям; если же умрет без завещания (без ряда), то имение идет всем детям, которые обязаны дать часть по душе умершего; двор отцовский всегда идет меньшому сыну. Сестра при братьях не получала наследства, но последние обязывались выдать ее замуж. Жена, если остается жить с детьми, имеет право на часть наследства; но когда муж назначил или дал ей особый участок из своего имущества, то она уже не наследует вместе с детьми. Мать может разделить свое имущество между всеми сыновьями или же отдать его какому-нибудь одному, даже одной дочери; но если она умрет, не распорядившись, то наследство после нес получает тот, у кого она жила в доме, кто ее кормил и у кого она умерла. Из детей от двух разных отцов те и другие получают только наследство после своего отца; а если они от разных матерей, то наследство после своей матери. Если мать малолетних сирот пойдет замуж, то они с наследством своим поступают в опеку к ближайшему родственнику; отчим также мог быть опекуном. Опекун брал имение малолетних перед *добрыми людьми* и впоследствии обязан был возратить его в целости вместе с приплодом от скота и челяди, имея право удержать у себя только проценты или торговую прибыль в награду за свои попечения. Если жена, давши слово сидеть по смерти мужа с детьми, растеряет имущество последних и пойдет замуж, то должна выплатить детям все ею потерянное. Жена имеет право оставаться по смерти мужа в его доме с детьми, и последние не смеют этому противиться. О незаконных детях встречаем следующее положение: «если будут у мужа дети от рабы, то они не имеют доли в наследстве, но получают свободу вместе с матерью». Очень важно было бы знать время появления этого устава. Вероятно, духовенство с самого начала старалось полагать различие между законными и незаконными детьми; но сомнительно, соблюдалось ли строго это различие во времена Ярослава. Любопытно, что устав обращает внимание на детей от рабы, признает их, хотя не совершенно: хотя лишает их наследства, однако дает им свободу вместе с матерью. Полное признание незаконности их не допустило бы устав обратить на них внимание.

На ком лежала обязанность приводить судебный приговор в исполнение, т. е. подвергать виновного наказанию, собирать пени, получать судебные пошлины, взыскивать частное вознаграждение и какие средства можно было употреблять в случае сопротивления со стороны осужденного – на все это нет достаточных указаний в Русской Правде. Но из других источников мы узнаем о важном значении при суде тиуна княжеского, от которого зависело решить дело право или неправо, наложить справедливую или несправедливую пеню, откуда заключаем, что тиун был приставником княжеским при суде, обязанным смотреть за исполнением устава. Кроме того, при судопроизводстве упоминаются еще слуги княжеские с разными названиями – ябедника, вирника, метельника, мечника (кажется, одно и то же), детского, отрока (кажется, одно и то же); встречаем и писца; в пользу этих лиц установлены были особые судные пошлины; кроме того, во время следствия дела они получали содержание на счет жителей того места, где производилось следствие. Наконец, в Правде встречаем статьи, которыми определяется пеня за то, если подвергнуть муке, телесному истязанию огнищанина, тиуна, мечника или простого человека, смерда, *без княжеского приказания*, следовательно, эти люди могли подвергаться телесному истязанию по приказу княжескому.

Как поступал князь с людьми, входившими в столкновение с его властью, – видно из поведения Ярослава с дядею его, новгородским посадником Константином Добрыничем.

Рассмотрев содержание Русской Правды, во сколько при настоящей, очень неудовлетворительной обработке этого памятника можно им воспользоваться, мы обратимся теперь к нравам эпохи, как они представляются нам Правдою и летописью. Кровавая месть, частая возможность убийства в ссоре, на пирах, поступки Игоря с древлянами и древлян с ним, мщение Ольги, умножение разбоев при Владимире, поступки Добрыни в Полоцке с семьею Рогволода, потом с Ярополком, поведение Святополка – вот нравы языческого общества. Скорость к обиде и скорость к мести, преобладание физических стремлений, мало сдерживаемых религиозными и нравственными законами; сила физическая на первом плане – ей весь почет, все выгоды; богатырь, которого сила доведена в народном воображении до чудовищных размеров, – вот герой эпохи. В битвах личная, материальная сила преобладает, отсюда видим частые единоборства, в которых оружие не употребляется: борются обыкновенно, схватывая друг друга, желая раздавить и ударить об землю: оружие – это уже человеческое, искусственное, заменяющее животную силу; при владении оружием требуется ловкость, искусство. С выделкою оружия в древности соединяли всегда понятие о мудрости, хитрости; в северных преданиях оружие куют обыкновенно карлы – волшебники; эти существа лишены материальной силы, и, несмотря на то, оружие, произведение их искусства, их духовной деятельности, делают героев непобедимыми. Но должно заметить, что одну животную силу и единоборство любят употреблять преимущественно восточные варвары: так, печенеги вызывают на единоборство русского; так, Редедя, князь касожский, вызывает Мстислава; азиатские понятия высказываются в том, что вожди в поединках рискуют счастьем, свободою семейства и подданных. Высшую богатырскую природу, высшие стремления выставляет Европа, Русь в лице Святослава. Предание не говорит об его страшной физической силе, оно говорит о крепости духа, которая заставляла тело переносить всякого рода лишения; это герой деятельности, движения: он ходит легко, как барс; он противоположен тем сказочным богатырям, которые не двигаются от избытка материальной силы. Святослав собственно не богатырь; он вождь дружины, которая похожа на него; он любит оружие, он отказывается от поединка с Цимисхием; он первый между дружинниками бьется в челе их, но не отделяется от них, не существует без них, живет и умирает с ними. Святославу вторит Вышата: «Жив ли буду – с дружиною, погибну ли – вместе с нею». Вообще в преданиях, занесенных в летопись, без труда можем заметить эту борьбу Востока с Западом, Азии с Европою: борьба происходит за Доном, часто за Днепром, подле самого Киева, но везде видим характеристические черты борющихся сторон: со стороны Азии выходит громадный печенег, со стороны Руси – Ян Усмошвец, человек по наружности очень обыкновенный, незначительностью своего вида возбуждает насмешки великана, но побеждает его. Редедя, князь касожский вызывает Мстислава на поединок, Мстислав чувствует уже, что противник одолевает его, и, однако, русский князь побеждает азиатца, побеждает духовною силою, верою. Но как бы то ни было, мы видим повсюду проявления материальной силы, ей первое место, ей почет от князя до простолюдина; чрез нее простолюдин может сделаться великим мужем, как сделался Ян Усмошвец, она верное средство для приобретения славы и добычи. При господстве материальной силы, при необузданности страстей, при стремлении юного общества к расширению, при жизни в постоянной борьбе, в постоянном употреблении материальной силы нравы не могли быть мягки; когда силою можно взять все, когда право силы есть высшее право, то, конечно, сильный не будет сдерживаться перед слабым: «С дружиною приобрету серебро и золото», – говорит Владимир и тем указывает на главное, вернейшее средство к приобретению серебра и золота; они приобретались оружием, приобретались сильным на счет слабого. Князья идут на греков, чтоб взять золото, драгоценности; если с дружиною можно было приобрести богатство, то богатство

необходимо было для содержания дружины: хорошим князем считался тот, который ничего не щадил для дружины: дружина Игоря требует, чтоб князь шел с нею в дань; Игорь и дружина его прямо объявляют, что цель их похода – золото, что если греки дадут им его, то им больше ничего не нужно; дружина Владимира жалуется, что князь кормит ее с деревянных ложек. Славные подвиги нужны были для богатства, богатство нужно было для совершения славных подвигов; обе страсти питали одна другую. Но при этом мы видим, однако, что в образце тогдашнего героя чистое корыстолюбие, страсть к богатству для богатства было осуждено; так, Святослав не обращает внимания на богатые подарки императора и любитесь одним оружием; простота, презрение к роскоши выставлены в Святославе как достоинство; добрый князь не может быть скупым, он не щадит ничего для дружины – таков Владимир и сын его Мстислав. Несмотря на уважение к силе, она не считалась единственно позволенным средством к торжеству; хитрость ценилась так же высоко, считалась мудростью; перехитрить, *переключать* было тоже подвиг. Легко понять, что все природные стремления сильного не знали границ при возможности удовлетворить им: таково женолюбие язычника Владимира. Богатыри после подвигов силы не знали других наслаждений, кроме материальных: «Руси есть веселие пити», – говорит Владимир; в предании с восторгом говорится о количестве блюд на пирах этого князя.

Мы видели, как закон слабо сдерживал проявления материальной силы, позволяя частную месть или выкуп деньгами. Представляла ли славянская языческая религия какое-нибудь противоборство им? Кажется, никакого. Одно только нравственное противоборство могла представить власть родительская; любопытен рассказ старика, отца Усмошвецова: «Однажды, – говорит он, – я бранил своего младшего сына, и тот в сердцах разорвал воловью кожу». Вот верная картина быта! Богатырь принужден выслушать укоры старого отца; материальная сила кипит, просится вон, но сдерживается и оказывается только в бессмысленном гневе на невинную вещь. Игорь покорствуется Олегу, ходит по нем, как сын; Святослав сердится на мать за советы принять христианство, но отговаривается дружиною, Владимир повинуется дяде Добрыне, посылает сказать Блуду, что будет иметь его вместо отца – большего выражения для чести и власти не было. Преобладание материальной силы, разумеется, не могло условливать уважения к слабейшему полу вообще; но при отсутствии определений женщина могла, пользуясь иногда своим преимуществом духовным, а иногда даже и силою материальною, играть важную роль; мудрейшею из людей в описываемый период является женщина – Ольга, которая правит Русью во время малолетства Святослава, да и после совершеннолетия. Женщины провожают мужей своих на битвы; песни, содержание которых относится ко временам Владимира, упоминают о женщинах-чародейках. По свидетельству тех же песен, женщины участвовали вместе с мужчинами в пирах княжеских, похваляясь своей хитростию, мудростию; *стыдливости* мало в их беседах, выходки материальной силы – и тут на первом плане. Владимир советуется с своею женою Анною о церковном уставе; княгини имеют свои волости, содержат свою дружину, спорят с мужьями, кто наберет храбрейших дружинников. Роголод полоцкий отдает дочери на решение, за кого она хочет выйти замуж; Предслава переписывается с Ярославом о поступках Святополковых. В таком состоянии застало нравы новорожденного русского общества христианство, о влиянии которого будет речь в своем месте.

Теперь обратимся к обычаям. Мы не знаем, какие обряды совершались при рождении ребенка; знаем из летописи и из «Правды», что к детям приставлялись кормильцы или воспитатели, упоминаются также кормилицы; трудно решить, в каком значении принимались последние, в одном ли нашем тесном значении женщин, кормящих грудью ребенка, или в обширном значении нянек, точно так как воспитатели, пестуны-мужчины назывались кормильцами. Князья женились рано: Владимир, будучи очень молод, сватался на Рогнеде, но уже прежде был женат на матери Вышеслава. Из подробностей брачных обычаев мы знаем

только четыре: сватовство – жених обращался к отцу невесты с предложением; невеста в день свадьбы одевалась в лучшее платье, княжна – во всю утварь царскую; упоминается об обычае разувания мужа молодою женою, обычае, который находим одинаково у племен славянских и литовских; наконец, знаем, что за жену платилось вено.

Мертвых погребали на горах, насыпали курганы над могилами, совершали тризны. Византийский историк так описывает погребение воинов Святославовых: «Ночью, при появлении полной луны, неприятели (руссы) вышли из города на поле сражения, собрали тела своих убитых и сожгли их на многих кострах, расположенных у стены; в то же время они умертвили, по своему обычаю, множество пленных мужчин и женщин, утопили в Дунае грудных младенцев и петухов». Арабские писатели говорят, что славяне и руссы жгли своих мертвецов с разными пожитками, животными и женами.

Жилища носили разные названия, упоминаются *терема*: так, в Киеве был каменный терем княжеский с двором; он состоял из разных покоев, между которыми была гридница, комната, куда собиралась дружина для пиров и, вероятно, для совета. Под именем терема, в обширном смысле, разумели, как видно, то, что мы теперь называем дворцом, большое, видное по своей красоте здание. Общее название для дома было *хоромы*, состоявшие из теплого жилья – *изб* (изба, истопка) и холодных, летних покоев – *клетей*. Загородные, летние дворы, как например Берестовский святого Владимира, состояли, разумеется, из одних холодных покоев, или клетей. Клетки соединялись друг с другом сенями, переходами или помостами, как видно из описания кончины святого Владимира; в хоромех напереды приделывались сени, или крыльца на столбах, что видно из описания мученической кончины двух варягов. Около хором были дворы, огороженные забором. Кроме клетей, упоминаются одрины, спальни (от одр, ложе), *вежи* (чердаки, вышки), голубятни (голубники); из служб упоминаются бани и медуши (где берегли мед). Из утварей встречаем названия – *одр* (кровать); *стол* в значении княжеского седалища, что теперь престол; обыкновенно лавки в песнях называются *беседами*; в летописи упоминается *Пасынча беседа*. Упоминаются ковры, которыми, вероятно, покрывали более столы и лавки, чем полы. Из названий платья встречаем *порты* в обширном и в тесном значении; из верхнего платья упоминаются *корзны и луды* (епанчи); к одеждам отнесли мы перегибы и сустуги, в которых величались древлянские послы; упоминаются *убрусы* – платки. Обувь употреблялась та же, что и теперь, – сапоги и лапти. Материалом для одежды служили ткани, паволоки греческие, льняные и шерстяные самодельные, меха. По описанию Льва Диакона, Святослав при свидании с Цимисхием, как видно, был в одной рубашке; в одном ухе вдега была золотая серьга с двумя жемчужинами и рубином; о корзне, плаще или кафтане, который надевался в один рукав, а на другое плечо только накидывался, говорит арабский писатель Ибн-Фоцлан: так носить верхнюю одежду любит до сих пор наш народ. По свидетельству арабов, русские женщины носили на груди маленькие коробочки из разных дорогих и недорогих металлов, смотря по достатку мужа; на коробочке было кольцо, к кольцу привязывался большой нож; на шее женщины носили золотые и серебряные цепи, также ожерелья из зеленого бисера. Носить усы и бороду было в обычае: Русская Правда упоминает о их повреждении; о святом Борисе говорится, что у него, как у юноши, ус и борода были малые.

Из конской сбруи упоминаются в летописи седла и узды. Для езды употреблялись *возы*, в смысле нынешних повозок и *кола* в смысле нынешних дрог или дровен. Название *сани* употреблялось одинаково для зимней и летней повозки. В пищу употребляли хлеб, мясо диких животных и домашнего скота, между прочим, конское, рыбу, овощи, сыры, кисели из пшеницы, отрубей, овса, кисельный раствор назывался *цежью* (от цедить); кисель ели с сытою. У князей были повара; мясо варили в котлах, пекли на угольях; посуда была: кади, лукна (лукошки), ведра, котлы, корчаги, бочки, ложки (деревянные и серебряные), ножи; упоминаются колодцы. Пили вино, мед, квас. Из увеселений упоминаются охота, рыбная ловля и

пиры. Если принимать свидетельство Русской Правды для описываемого времени, то охота была псовая, ястребиная и соколиная: животные эти дорого ценились. Любили бани, преимущественно, как видно, на севере: южные жители смеялись над пристрастием северных к баням. Занятия жителей составляли: земледелие; жители городов возделывали нивы и земли свои. На скотоводство указывают слова древлян: «Если повадится волк к овцам, то выносит все стадо»; Константин Багрянородный говорит, что руссы покупают рогатый скот, лошадей и овец у печенегов, потому что эти животные не разводятся в России. Слова эти можно понимать так, что количество рогатого скота и овец, питаемых племенами, было недостаточно для потребления собственно руссов, которые должны были покупать скот у печенегов. В Русской Правде упоминаются кони, волы, бараны, козы, свиньи; мясо последних животных, как видно, особенно любили. Птицеводство: в Русской же Правде упоминаются ценные птицы: голуби, куры, утки, гуси, журавли, лебеди. Упоминаются овощи, следовательно, можно заключать об огородничестве. Рыболовство, звероловство, пчеловодство подразумеваются. Из ремесл встречаем указание на плотничество, которым занимались особенно новгородцы и вообще жители северных областей, рубившие лодки в лесах своих и привозившие их на продажу в Киев; о рублении городов, мощении мостов упоминает и летопись, и Правда; о кожевничестве упоминает летопись в рассказе о Яне Усмошвце; без сомнения, разные грубые ткани для обыкновенной одежды выделялись так же дома, равно как необходимая посуда, деревянная и глиняная, например, о делании горшков в Новгороде есть прямое указание. Касательно искусств в дохристианское время упоминается только об одном каменном здании, тереме княжеском в Киеве, построенном, без сомнения, греческими мастерами, потому что и после каменщики и зодчие выписывались из Византии; неизвестно, дома или на чужбине делались истуканы Владимировы. Собственно же говоря, искусство начинается на Руси вместе с христианством. Владимир послал в Грецию за мастерами, которые построили в 989 году Десятинную церковь в Киеве. По известию летописей, из Греции и пришли каменосечцы и зиждители палат каменных. Ярослав построил каменную крепость в Киеве и соборную церковь святой Софии (митрополию), которую украсил золотом, серебром и сосудами; сын его Владимир в Новгороде построил также крепость и собор святой Софии; при Ярославе же в Киеве построены монастыри святого Георгия и святой Ирины. Дитмар говорит, что в его время в Киеве было 400 церквей и 8 торгов; Адам Бременский называет Киев соперником Константинополя, число церквей крайне преувеличено или цифра искажена; но общего впечатления и отзывов нельзя отвергнуть.

Киев был обязан своим благосостоянием тому, что служил складкою товаров между Южною и Северною Европою; обратимся же теперь к торговле, путем которой были русские области в описываемое время. Мы видели занятия племен: была ли в числе их торговля, существовала ли мена произведений между племенами до появления среди них варягов – руси? Повсеместная почти одинаковость произведений в стране, обитаемой славянскими племенами, сильно препятствовала мене: что могли выменивать друг у друга поляне и северяне, древляне и дреговичи, кривичи и радимичи? Образ жизни их был одинаков, одинакие занятия, одинакие потребности, одинакие средства к их удовлетворению: у древлян был хлеб, мед, воск, звериные кожи; то же было у полян и других племен. Но с призванием варяжских князей, с появлением их дружины дела начали переменяться; среди земледельческого народонаселения, добывавшего все нужное без разделений занятий, сосредоточенных в семье, явилась воинская дружина, образовались, следовательно, два различных слоя народонаселения, с различными занятиями – и является мена. Константин Багрянородный говорит, что славянские племена, подчиненные руссам, зимою рубят в лесах своих лодки – однодеревки, отделяют их и весною, как лед растает, спускают в ближние озера и потом далее по Днепру в Киев; здесь вытаскивают их на берег и продают руссам, которые покупают только одни лодки и весла, уключины же и другие снасти делают сами из старых судов.

Вот начало внутренней торговли! Но любопытно, как и здесь еще разделение занятий было неполно: руссы покупали только остовы лодок у славян, снасти же делали сами. Несмотря на то, это явление очень важно для историка: северные славянские племена, эти знаменитые плотники, уже промышленляют, рубят лодки, сплавливают их, доходят до Киева; Днепр связывает север и юг русских владений; северные племена двигаются, воспитывают в себе дух предприимчивости; они сперва только помогают внешней торговле, готовят лодки для торговцев, но это приготовление скоро повлечет их самих к торговле, более деятельной и внешней.

Если внутренняя торговля явилась с прибытием варягов-руси, то внешняя должна была явиться вместе с ними же. Жилища славянских племен – новгородцев кривичей, северян, полян находились на пути из Балтийского моря в Черное, из *Варяг в Греки*: здесь и основалось главное русское владение, концами которого и вместе главными пунктами, соединяющими север и юг, были Новгород и Киев; русское владение тогда только получило полноту, когда новгородские князья овладели и Киевом; Киев и Новгород не могли долгое время существовать отдельно; природа неразрывно соединила эти два города, и во все продолжение нашей древней истории они находились в неразрывном союзе: расстояние между ними было путем; огромность этого расстояния уменьшалась при удобстве сообщения, потому что этот путь был водный. Новгород и Киев – две главные стоянки на оконечностях этого пути; историческая жизнь народов всегда загорается там, на тех концах их областей, где они сталкиваются с другими народами историческими; для славянских племен местом столкновения с историческими народами были концы великого водного пути на севере и юге – Новгород и Киев; посредниками этого столкновения были варяги-русь; они-то были первыми посредниками между севером и югом Европы и в торговом отношении; другим, побочным путем была Западная Двина – и здесь другое, менее важное русское владение – Полоцкое княжество. Но какой же характер носила первоначально эта торговля? Разумеется, мы не можем перенести на нее понятия настоящего времени о торговле. Торговля в те времена была тесно связана с пиратством: варяг являлся на известный берег под видом торговли и, действительно, начинал торговать с жителями; но при первом удобном случае из купца он становился пиратом и грабил тех, с которыми прежде вел мену. На этот двойственный характер древних русских купцов лучше всего указывают договоры греков с нашими первыми князьями: в них византийское правительство постоянно выговаривает для себя меры против буйства руссов. Но, каков бы ни был характер последних, они торговали с Грецией, привозили туда товары севера и брали в обмен товары юга.

Чем же торговали руссы в Константинополе? Главным предметом торговли с их стороны были невольники; их, скованных, вели они во время трудного перехода через пороги: о невольниках находим особые статьи в договорах. Кроме рабов, русскими товарами в Константинополе считались воск и меха; те же товары – рабы, воск, мед и меха шли из Руси в Болгарию, привозились в Переяславец Дунайский; на них Русь выменивала в Константинополе и Переяславце греческие паволоки, вино, плоды, золото (как товар), серебро и лошадей, приводимых из Венгрии. Теперь следует вопрос: как добывали руссы свои северные товары? Конечно, они могли выменивать их у туземцев на какие-нибудь произведения греческой промышленности, малоценные для грека, драгоценные для радимича; но главным источником приобретения были дани и потом охота, которою дружина княжеская могла заниматься зимою во время пребывания своего у племен. Мы знаем, что дань туземных племен изначала состояла в шкурах пушных зверей; в ноябре князь с дружиною выходил на полюдь, или отправлялись к подчиненным племенам, разумеется, за данью; мы это знаем из истории Игоря; в этих походах добывали и князь и дружина. Возвратясь в апреле в Киев, князь и дружина привозили с собою множество мехов, которые надлежало сбыть с рук; и вот немедленно после приезда в Киев часть дружины отправлялась в лодках по Днепру и морю

в Константинополь и в Болгарию. Воск и мед могли получаться тем же путем: мы знаем, что древляне обязывались давать Ольге мед. Рабов могла получать Русь с севера: скандинавские пираты, опустошавшие берега почти всей Европы, могли доставлять большое количество невольников в Новгород, менять их руссам на товары греческие и восточные, а, бесспорно, и сами в виде гостей спускались по восточному водному пути в Константинополь. Рабов собственным руссам для торговли могли доставлять войны их с разными народами и с племенами славянскими в том случае, когда они должны были примучивать последние: так, Ольга отдала древлян в рабство мужам своим; но мы знаем, что такие случаи бывали редко. Разумеется, что за раздачею дружине у князя оставалось еще много мехов, меду, воску и что значительнейшую часть товаров, которыми торговали руссы, составляло имущество княжеское.

Не в один Константинополь или Переяславец отправлялись руссы с означенными товарами; они ездили с ними также на восток, в города козарские. Русы входили из Азовского моря в устье Дона, поднимались вверх по этой реке до пограничной козарской крепости – Саркель, или Белой Вежи, перетаскивали здесь суда на сушу и, пройдя с ними небольшой волок до Волги, спускались по этой реке к Итилю, столице козарской, находившейся около нынешней Астрахани. Главным товаром, который руссы привозили в Итиль, были также меха. Потребность в мехах усиливалась на востоке с распространением богатства и роскоши в блестящее царствование Гаруна-аль-Решида. Шубы стали почетною одеждою и покупались дорого; до нас дошло известие, что Зобейда, жена Гаруна, первая ввела в моду шубы, подбитые русскими горностаями или соболями; кроме мехов, руссы привозили на Волгу также и рабов. В обмен за означенные товары руссы могли брать у арабов дорогие камни, бисер, особенно зеленого цвета (нити его составляли любимое ожерелье русских женщин, которых мужья разорялись платя нередко по диргему – от 15 до 20 копеек серебром – за каждую бисеринку), золотые и серебряные изделия, цепочки, ожерелья, запястья, кольца, булавки, рукоятки, пуговицы, бляхи для украшения одежды и конской сбруи, быть может, также шелковые, шерстяные и бумажные ткани, овощи, пряности и вино. Но, как видно, руссы сильно желали выменивать на свои товары арабские монеты, диргемы, которые везде и во всяком значении имели большую ценность. Посредством этого пути арабские монеты распространялись по разным местам тогдашних русских областей; как редкие, всегда ценные вещи, как украшения переходили они из рода в род, из рук в руки, закапывались в землю вместе с мертвецами, зарывались в виде кладов и таким образом дошли до нас. Но не одним путем мены могло дойти в Россию большое количество монет значительное количество их должно было достаться руссам во время счастливого похода Святослава на козар, бургасов и болгар волжских и вообще на Восток, когда разорены были тамошние торговые места; арабские монеты могли быть завозимы в русские области также болгарами. Мы заметили уже, что значительнейшая часть товаров должна была принадлежать князю, следовательно, значительнейшая часть вымененного на эти товары должна была возвратиться в казну княжескую; отсюда монеты могли переходить к дружине; дружинники были люди вольные, хотели – служили князю, не хотели – шли домой, если родом были из Скандинавии, и уносили с собою служебную плату; они же были и купцами. Мы знаем также, что князья наши часто нанимали варягов для одного какого-нибудь похода; разумеется, наемники брали плату свою преимущественно серебром, и таким образом диргемы из казны княжеской переходили к наемным варягам: отсюда, кроме торговли, объясняется, почему на скандинавском берегу и на прилежащих к нему островах находят так много кладов с восточными монетами. Одною торговлею объяснить этого нельзя, ибо как предположить, чтобы количество и ценность товаров скандинавских так превышали количество и ценность товаров русских, греческих и восточных, шедших чрез Россию, что лишек должен был оплачиваться деньгами? Заметим также, что, кроме зарытая монет в могилы, клады в понятиях народа обыкновенно

соединяются с представлением о разбойниках, зарывавших в землю награбленное; что разбои в описываемый период были сильны, на это имеем ясное свидетельство в летописях и преданиях; таким образом может объясниться происхождение больших кладов, как, например, близ Великих Лук найден клад в семь слишком тысяч целковых. Предполагая разбойничество как одно из средств накопления больших кладов, мы не отвергаем возможности накопления значительных капиталов и посредством торговли; но здесь заметим, что никак нельзя утверждать, будто клады, в которых находятся куфические монеты, например X века, непременно были зарыты в этом веке; монеты X века могли зайти на Русь в этом веке, но могли оставаться здесь в обращении и в сохранении и в последующие века, переходить из рода в род, наконец, скопиться разными средствами в одних руках и зарываться в землю чрез много веков спустя после их первого появления: таким образом, от больших кладов с куфическими монетами X века никак еще нельзя заключать о больших торговых капиталах в этом веке на Руси.

Кроме руссов, посредниками торговли между Европою и Азиею в описываемое время были болгары волжские. В руках этих болгар была торговля с соседними народами северо-востока и северо-запада; чтобы не допускать арабских купцов к непосредственным сношениям с последними, они представляли их арабам людоедами. Болгарские купцы ездили в страну веси на лодьях, вверх по Волге и Шексне для закупки мехов; любопытны подробности, находимые у арабских писателей о меновой торговле болгар с весью: болгары приезжали в определенное место, оставляли там товары, пометив их какими-нибудь знаками, и удалялись. В это время туземцы раскладывали рядом свои произведения, которые считали равноценными, и также удалялись. Если болгарские купцы по возвращении находили мену выгодною, то брали с собою туземные товары и оставляли свои, в противном случае они опять уходили на время, и это значило, что они требовали прибавки; туземцы подбавляли того или другого товара до тех пор, пока не удовлетворяли болгар. У арабов такая торговля слыла немною. Рассказ арабов замечателен для нас потому еще, что объясняет рассказ новгородского купца Гюрятя Роговича, занесенный в летопись. Так и позднее торговали болгары с югрою. Но, кроме веси, по известию арабских писателей, болгарские купцы доходили до Киева через Мордовскую землю. Это известие подтверждается известиями наших летописей о приходе болгарских проповедников магометанства в Киев, подтверждается и важным известием, сохранившимся у Татищева, о договоре, заключенном при Владимире с болгарями: это известие драгоценно для нас потому, что в нем находится первое положительное упоминание о купцах, как отдельном разряде людей, и городах, как торговых средоточиях. Пример Византии и стечение иностранных купцов в Киев дали понять выгоду торговли для казны княжеской, в которую собирались торговые пошрины, и вот киевский князь обязывает болгар не покупать товаров в селах у тиунов и других лиц, но покупать их в городах. Здесь ясно видим два рода торговли, первоначальную, по которой всякий сбывал всякому излишек своей собственности, и торговлю в настоящем смысле, которая вследствие правительственных распоряжений начинает вытеснять первоначальную. Русская Правда знает купцов также как отдельный разряд людей. Кроме греков, арабов, болгар волжских и дунайских, русские производили мену с ближайшими соседями своими, степными народами, печенегами, которые доставляли рогатый скот, лошадей, овец. Из слов Святослава видно, что в Переяславце Дунайском русские купцы могли производить мену с купцами чешскими и венгерскими. Нет сомнения, что торговля из Новгорода с северо-восточными финскими племенами существовала уже в описываемое время и что из Новгорода же купцы с мехами, восточными и греческими товарами начали являться и в городах балтийских славян. С вопросом о торговле тесно связан вопрос о деньгах, один из самых спорных вопросов в наших древностях; по недостатку точных известий мы отлагаем его решение до следующего периода.

Обозрев материальные силы новорожденного русского общества, обратимся теперь к новому, духовному началу, явившемуся в конце описываемого периода, началу, богатому нравственным и гражданским влиянием. Как слабо было прежде в языческом обществе влияние волхвов, так могущественно явилось теперь влияние христианского духовенства. Немедленно после принятия новой веры мы видим уже епископов советниками князя, истолкователями воли божией; но христианство принято от Византии; Русская земля составляет одну из епархий, подведомственных константинопольскому патриарху; для русского духовенства единственным образцом всякого строя служит устройство византийское: отсюда понятно и гражданское влияние Империи на юное русское общество. Мы видели, как было принято христианство и как распространялось; видели, что оно принялось скоро в Киеве, на юге, где было уже и прежде давно знакомо, но медленно, с большими препятствиями распространялось оно на севере и востоке: первые епископы Ростова – Феодор и Иларион принуждены были бежать от ярости язычников; в конце описываемого периода язычество нисколько не уступало и ревности третьего епископа ростовского, св. Леонтия, который, видя невозможность действовать на взрослое поколение, окрепшее в язычестве, обратился к детям, стал привлекать их к себе ласкою и учить вере. Мы видим язычество господствующим и у племен Средней Руси, на Оке, до самых ее низовьев. Оставаясь глухими к увещаниям христианских проповедников, жители севера тем легче слушали старых волхвов своих: так, читаем в летописи, что в 1024 году встали волхвы в Суздальской земле во время голода и начали убивать старых женщин, говоря, что они скрывают у себя в теле съестные припасы. Был мятеж большой по всей той стране, так что сам великий князь Ярослав принужден был туда отправиться; он переловил волхвов, одних разослал по разным местам, других казнил, говоря: «Бог за грехи наказывает землю голодом, мором, засухой или какою-нибудь другою казнию, а человек не знает ничего». И на юге языческие обычаи, предания, поверья еще очень сильны между христианами; так, читаем в летописи под 1044 годом: «В этот год умер Брячислав, князь полоцкий, и Всеслав, сын его, сел на столе; этого Всеслава мать родила от волхованья, потому что когда она родила его, то была у него язва на голове, и волхвы сказали ей: навяжи ты на эту язву волшебную повязку, которую пусть носит он до смерти своей; Всеслав точно носит ее до сих пор; поэтому он так кровожаден».

Самым лучшим средством к торжеству новой веры над старою признано было действовать на новое, молодое поколение: так, при Владимире и при Ярославе отбирали детей у лучших граждан, учили их грамоте и догматам новой веры; мы видели, что так действовал и св. Леонтий на севере; возможность выучиться грамоте существовала и в других городах, что видно из жития св. Феодосия. Эта мера скоро принесла свои плоды, скоро обозначилась деятельность молодого, грамотного поколения, получившего из книг ясное понятие о новой вере. Представителями этого молодого, грамотного поколения в семье княжеской были сыновья св. Владимира – Борис, Глеб, Ярослав. Христианство прежде всего должно было подействовать на самые мягкие, нежные отношения, отношения родственные; это всего яснее можно видеть на Борисе и Глебе. Из детей Владимировых они больше всех были похожи на отца своего мягкостью природы: по этому одному уже неудивительно, что у Владимира было к ним более сочувствия, что он особенно любил Бориса; и вот эта мягкая природа двух братьев легко воспринимает влияние христианства, они являются образцами братской любви: «Не хочу поднять руки на старшего брата», – говорит Борис, и падает жертвою уважения своего к родственным отношениям, освященным религиею. Отсюда понятно значение Бориса и Глеба в нашей истории: они были первомучениками в этой нравственной борьбе нового христианского общества с старым, языческим. Брат их Ярослав является представителем нового поколения в других отношениях: он сам любит читать книги, собирает их, распространяет грамотность в земле, является просвещенным христианином в борьбе своей с язычеством, что видно из приведенного отзыва его о волхвах. После сыно-

вей Владимировых представителем нового, грамотного поколения является первый русский митрополит Иларион, который умел понять превосходство нового порядка вещей пред старым и умел показать другим это превосходство. Как молодое поколение оценило новое сокровище, приобретенное им с христианством, и как было благодарно людям, которые способствовали ему к приобретению этого сокровища, видно из отзыва летописца о деятельности Владимира и Ярослава: «Подобно тому как если бы кто-нибудь распахал землю, а другой посеял, а иные стали бы пожинать и есть пищу обильную, так и князь Владимир распахал и умягчил сердца людей, просветивши их крещением; сын его Ярослав насеял их книжными словами, а мы теперь пожинаем, принимая книжное учение. Велика бывает польза от учения книжного; из книг учимся путям покаяния, в словах книжных обретаем мудрость и воздержание: это реки, напоющие вселенную, это исходница мудрости, в книгах неисчетная глубина, ими утешаемся в печали, они узда воздержания». Действия книжного учения, ближайшего знакомства с новою верою не замедлили обнаружиться в целом ряде христианских подвижников. Для упрочения христианства мало было взять детей из домов полуязыческих родителей; нужно было, чтоб некоторые из нового поколения отторглись совершенно от общества, сильно пропитанного язычеством; для упрочения христианства нужно было, чтоб оно распространилось не словом только, но самым делом; нужно было, чтоб в некоторых избранных обнаружилось действие нового учения, и они пошли бы на проповедь не с огнем и мечом, как Добрыня или Путята, но с величием подвига христианского. При господстве материальной силы, пред которою все преклонялось, нужен был ряд подвижников, которые показали бы подвиги, превышавшие подвиги богатырей, которые показали бы господство духа над плотию, показали бы чудеса мужества другого рода, борьбу, более изумительную, и приобрели бы своими подвигами благоговение к себе и к тому учению, которое дает силы к подобным подвигам. Монашество, по некоторым известиям, явилось на Руси очень рано: так, есть предание, что еще первый киевский митрополит Михаил построил в Киеве монастырь на горе против холма Перунова; есть также иностранное известие, что киевский митрополит встречал Святополка и Болеслава Храброго в монастыре св. Софии; при Ярославе построены монастыри Георгиевский и Ирининский. Но эти монастыри не были такие, какие надобны были тогда для упрочения христианства, их монахи не были настоящими подвижниками: «Много монастырей, – говорит летописец, – поставлено от царей и бояр на богатом иждивении, но не таковы эти монастыри, как те, которые поставлены слезами, постом, молитвою, бдением». Когда новое поколение короче познакомилось с новою верою, тогда между некоторыми из него обнаружилось то же самое стремление, какое было сильно и между язычниками русскими, стремление посетить Грецию, с тою, однако, разницею, что прежние руссы-язычники ходили в Грецию для выгодной службы в полках Империи, для торговли, для грабежа, а теперь русские христиане стали ходить не для материальных выгод, но для того, чтобы получить утверждение в вере. Так явился на Афоне один из русских христиан, житель города Любеча, по имени Антипа, и постригся в одном из тамошних монастырей под именем Антония: недалеко от монастыря Есфигмена, подле морского берега, показывают пещеру первого русского инока. Греческий игумен понял всю пользу, какую подвиги Антония могут принести на Руси, и отпустил его назад на родину. Антоний пришел в Киев, обошел все тамошние монастыри и ни в одном из них не нашел такой жизни, к какой привык на Афоне; он был одинок среди киевских монахов и решил жить один. На берегу Днепра, на высокой горе, покрытой лесом, Антоний нашел пещеру, выкопанную Иларионом, первым митрополитом из русских, когда еще он был священником в ближнем княжеском селе Берестове; Иларион уединялся в пещеру временно, Антоний навсегда поселился в ней; но он недолго пробыл один. Прославление подвигов Антония и собрание к нему других подвижников не относится к описываемому времени; но к нему относится юность другого знаменитого подвижника, преемника Антониева; подробности жизни этого нового русского

человека драгоценны для пополнения картины тогдашнего быта новорожденной Руси. Этот подвижник, прославившийся после под именем Феодосия, был также родом из Приднепровья, из города Василева; но родители его скоро перешли в Курск, где и протекала его юность. Мальчик нашел себе здесь человека, у которого мог выучиться грамоте, стал читать книги, переселился мыслями в другой мир и нашел в себе довольно силы, чтобы немедленно начать приложение читанного к делу: он не пропускал службы церковной, дома работал вместе с рабами. Но в доме у богатой матери ему было скучно, тесно; его томила жажда подвижничества, желание видеть те места, где он жил постоянно мыслию, места, где происходило то, о чем он читал в книгах, о чем слышал в церкви. Раз тайком от матери пристал он к паломникам и ушел с ними из города. Мать Феодосия была похожа на тех русских матерей, которые, по словам летописца, плакали по сыновьях своих, как по мертвых, когда Владимир велел отдавать их в ученье; борьбу двух поколений – старого, полуязыческого, и нового, христианского, просвещенного книжным учением, всего лучше показывают нам отношения святого Феодосия к матери. Последняя, узнав о побеге сына, догнала его, прибила и держала некоторое время в оковах, чтоб не вздумал уйти опять. Феодосий остался и по-прежнему ходил в церковь; но в церкви обедню служили не так часто, как бы ему хотелось, – по недостатку просвир; Феодосий стал печь просвиры. Мать оскорбилась таким занятием сына, бранила, била его и заставила уйти в другой город; здесь он приютился у священника и по-прежнему пек просвиры. Мать нашла его и тут и взяла назад домой; но другие с большим уважением смотрели на дивное поведение молодого человека; городской посадник дал ему средство удовлетворять своей благочестивой склонности, позволил ему жить у своей церкви. Феодосию было мало беспрепятственной молитвы, мало рублища, в котором он постоянно ходил, отдавая лучшее платье нищим, он надел вериги. Мать увидела по случаю кровь на белье сына, нашла, что это от вериг, и сорвала их с яростию с плеч Феодосия, который уже после не мог надевать их. Наконец, борьба между стремлением к христианскому подвижничеству и уважением к родительской власти кончилась; пораженный евангельскими словами: «Иже любит отца или мать паче мене, несть мене достоин», Феодосий решился во что бы то ни стало покинуть материнский дом и ушел в Киев, чтобы вступить в один из тамошних монастырей. Но какие это были монастыри, видно из того, что ни в один из них не приняли Феодосия, явившегося в виде бедного скитальца; не такие монастыри нужны были Феодосию и новорожденной Руси. Феодосий нашел, наконец, убежище по своему желанию: он нашел пещеру Антония. «Сын! – говорил ему Антоний, – трудно будет тебе жить со мною в этой тесной пещере: ты еще молод». Но под видом юноши перед ним стоял муж, окрепший в борьбе, претерпевший столько тесноты в просторе, столько лишений в довольстве, что никакая теснота и никакие лишения не были для него более страшными. Антоний принял Феодосия; подвиги обоих мы еще увидим в следующем периоде.

Показав, как юная русская церковь приготовлялась действовать в лице представителей нового поколения, уже воспитанного в христианстве, мы обратимся теперь ко внешнему образу церкви, ее управлению и средствам. Еще во времена Олега греки полагали в России особую епархию, шестидесятую в числе подведомственных константинопольскому патриарху; с принятия христианства святым Владимиром в челе церковного управления стоял митрополит; первые митрополиты были избраны и поставлены патриархом константинопольским, последний, Иларион – собором русских епископов. Кроме митрополита, упоминаются епископы; как видно, епископы были в Новгороде, Ростове, Чернигове, Белгороде, Владимире Волынском, вероятно были и в других городах. Ближайшие к Киеву епископы собирались в этот город: нужно было их присутствие около новообращенной власти, деятельность которой они должны были теперь направлять согласно с новыми потребностями общества. Мы видели сильное влияние епископов относительно земского устава при Владимире; митрополит Иларион прямо говорит о частых советах Владимира с епископами,

говорит, что князь с великим смирением советовался с ними, как установить закон среди людей, недавно познавших господа. При таком значении духовенства, когда епископы являлись необходимыми советниками князя во всем, касающемся наряда в стране, при таком их влиянии трудно предположить, чтобы круг деятельности их оставался неопределенным и чтоб это определение не последовало по образцу византийскому; вот почему так трудно отвергнуть уставы о церковных судах, приписываемое святому Владимиру и сыну его Ярославу. Эти уставы, естественно, должны быть составлены по образцу церковных уставов греко-римских; но так как состояние обоих обществ – греко-римского и русского в описываемое время было различно, то и в церковных уставах русских мы должны необходимо встретить различие от церковных уставов греко-римских; в обществе греко-римском отношения семейные издавна подчинялись гражданским законам, тогда как в русском, новорожденном обществе семейство оставалось еще неприкосновенным; но церковь по главной задаче своей – действовать на нравственность – должна была прежде всего обратить внимание на отношения семейные, которые по этому самому и подчинялись церковному суду. Так, например, нарушение святости власти родительской в римском праве предоставлено мирскому суду, а в уставе святого Владимира – церковному, равно тяжбы между сыновьями умершего о наследстве и тяжбы между мужем и женою об имении. Справедливо замечают также, что статьи об опеке и наследстве, находящиеся в Русской Правде, большею частью заимствованы из греко-римского законодательства, перешедшего в наше мирское законодательство посредством духовенства. Повреждение церквей и могил в том виде, как оно определено уставом святого Владимира, мы не найдем в греческих законах, ни в гражданских, ни в церковных, потому что такого рода преступления были только местные русские. Вследствие также юности общества церковь на Руси взяла под свое покровительство и суд над людьми, которых значение было тесно связано с религиею, например, просвирню, паломника, прощенника (человека, исцеленного чудом), людей, которые содержались при церквях и монастырях для подания помощи страждущим, пришлецов, которые, вероятно, пользовались гостеприимством при церквях и монастырях, людей, отпущенных на волю господами ради спасения души, увечных, слепых, хромых, которые также преимущественно жили при церквях.

Справедливо замечают, что как вообще утверждение христианства на Руси последовало только постепенно, то и утверждение суда церковного по делам семейным могло совершиться также в течение известного времени; но начало утверждения того и другого мы должны необходимо отнести к описываемому периоду. Легко понять, какое влияние должна была оказать церковь, подчинив своему суду отношения семейные, оскорбления чистоты нравственной и преступления, совершавшиеся по языческим преданиям. Духовенство с своим судом вооружилось против всех прежних языческих обычаев, против похищения девиц, против многоженства, против браков в близких степенях родства. Церковь взяла женщину под свое покровительство и блюла особенно за ее нравственностью, возвысила ее значение, поднявши мать в уровень с отцом, что ясно видно из отношений женщины по имуществу. Духовенство блюло, чтоб родители не женили сыновей, не отдавали дочерей замуж насильно; преследовало преступления, которые унижают человека, приравнивают его зверю. Летописец жалуется, что у языческих славян позволялось срамословие в семейном кругу: духовенство начинает преследовать срамословие. Семья, до сих пор замкнутая и независимая, подчиняется надзору чужой власти, христианство отнимает у отцов семейств жреческий характер, который они имели во времена языческие; подле отцов природных являются отцы духовные; что прежде подлежало суду семейному, теперь подлежит суду церковному. Но понятно, что древнее языческое общество не вдруг уступило новой власти свои права, что оно боролось с нею и боролось долго; долго, как увидим, христиане только по имени не хотели допускать новую власть вмешиваться в свои семейные дела; долго требования христианства имели силу только в верхних слоях общества и с трудом проникали вниз, в

массу, где язычество жило еще на деле в своих обычаях. Мы видели, что вследствие родового быта у восточных славян не могло развиваться общественное богослужение, не могло образоваться жреческое сословие; не имея ничего противопоставить христианству, язычество легко должно было уступить ему общественное место; но, будучи религиею рода, семьи, дома, оно надолго осталось здесь. Язычник русский, не имея ни храма, ни жрецов, без сопротивления допустил строиться новым для него храмам, оставаясь в то же время с прежним храмом – домом, с прежним жрецом – отцом семейства, с прежними *законными обедами*, с прежними жертвами у колодца, в роще. Борьба, вражда древнего языческого общества против влияния новой религии и ее служителей выразилась в суеверных приметах, теперь бессмысленных, но имевших смысл в первые века христианства на Руси: так появление служителя новой религии закоренелый язычник считал для себя враждебным, зловещим, потому что это появление служило знаком к прекращению нравственных беспорядков, к подчинению его грубого произвола нравственно-религиозному закону. Бежал закоренелый язычник, увидав издали служителя церкви, врага его прежнего языческого быта, врага его прежних богов, врага его домашних духов-покровителей. Не имея силы действовать положительно против новой религии, язычество действовало отрицательно удалением от ее служителей; это удаление, разумеется, поддерживалось стариками, ревнивыми к своей власти, от которой они должны были отказаться в пользу старцев церкви, пресвитеров и епископов.

Касательно содержания церкви в летописи находим известие, что св. Владимир дал в пользу Богородичной церкви в Киеве от имения своего и от доходов десятую часть, отчего и церковь получила название Десятинной, о Ярославе говорится, что он строил церкви и определял к ним священников, которым давал содержание из казны своей: это уже может показывать, что приношения прихожан не могли быть достаточны для содержания церквей в то время: *стадо было малое*. по словам Илариона. Из жития св. Феодосия узнаем, что в курской церкви служба не могла часто совершаться по недостатку просвир; из того же источника узнаем, что градоначальник или посадник в Курске имел свою церковь. Пособием для церковного содержания могли служить пени, взимаемые за преступления по церковному суду, как это означено в уставе Ярослава. От средств, находившихся в распоряжении церквей и монастырей, зависело призрение, которое находили около них бедные, увечные и странники; о частной благотворительности, которая условливалась христианством, находим ясные указания в предании о делах Владимировых.

Мы видели тесную связь грамотности с христианством, слышали отзыв инок-летописца о пользе книжного учения, следили за деятельностью нового, грамотного поколения христиан, теперь посмотрим, не обнаружилась ли эта деятельность в слове и не дошло ли до нас каких-нибудь письменных памятников из рассматриваемого периода. Единственный письменный памятник, дошедший до нас от этого времени, составляют сочинения первого киевского митрополита из русских – Илариона; его сочинения заключаются в «Слове о законе», данном через Моисея, и благодати и истине, явившихся чрез Иисуса Христа, с присовокуплением похвалы «Кагану нашему Владимиру» и изложения веры. Кроме того, в сборнике XIV или XV века открыто слово св. Илариона, митрополита киевского. Для нас особенно важны два первых сочинения, как непосредственно относящиеся к нашему предмету. Естественно ожидать, что первым словом церковного пастыря после введения христианства будет прославление нового порядка вещей, указание тех благ, которые народ приобрел посредством новой веры. И точно, в слове Илариона мы находим указание на это превосходство новой веры пред старою: «Уже не зовемся более идолослужителями, но христианами, – говорит он, – мы более уже *небезнадежники*, но уповаем в жизнь вечную; не строим более капищ, но зиждем церкви Христовы; не закаляем бесам друг друга, но Христос закаляется за нас и дробится в жертву богу и отцу». Но эта противоположность христианства с прежним русским язычеством не составляет главного содержания слова, в котором пре-

имущественно показывается противоположность и превосходство христианства пред иудейством, благодати Христовой пред законом Моисеевым, как истины пред тенью, сыновства пред рабством, общего, всечеловеческого пред частным, народным. Такое содержание Иларионова сочинения объясняется тем, что он, по собственным словам его, писал не к неведущим людям, но к насытившимся сладости книжные: обращаясь же к новому поколению грамотных христиан, Иларион не имел нужды выставлять много превосходство христианской религии пред старым русским язычеством: это превосходство было для них ясно; Илариону надобно было приступить к другому, более важному вопросу об отношении Нового Завета к Ветхому, о вине пришествия Христова на землю; первый вопрос, предложенный Владимиром греческому проповеднику, был: «Для чего бог сошел на землю и принял страсть?» Этот же вопрос нужно было прежде всего уяснить и новому поколению. Основываясь на приведенных словах: «Не к неведущим бо пишет, но преизлиха насыщшемся сладости книжные», мы даже позволим себе догадку, что слово Илариона о законе и благодати есть послание митрополита к самому великому князю Ярославу, потому что о последнем всего приличнее можно было сказать, что он насытился сладости книжные, если сравним отзывы летописей об этом князе: «И бе Ярослав любя церковные уставы, и пресвитеры любяше повелику, и книги прочитая». Или: «Ярослав же сей любяше книги зело». Объяснивши превосходство христианской веры над иудейскою и языческою, Иларион, естественно, переходит к прославлению того князя, которому суждено было быть апостолом на Руси: таким образом, оба сочинения – «Слово о законе и благодати» и «Похвала Владимиру» – составляют одно целое.

Но, кроме письменного памятника, мы должны обратить внимание на изустно сохранившиеся произведения народной фантазии, которых начало, первый древнейший склад относится к описываемому времени; таковы наши древние народные песни и сказки, в которых упоминается о Владимире, о подвигах его богатырей. Главное содержание этих песен и сказок составляют подвиги богатырей, защищавших Русскую землю от врагов внешних и внутренних: первыми являются степные кочевники, приходящие с востока на Русскую землю, на стольный город Владимира, вторыми – разбойники. По характеру своему эти песни и сказки разделяются на такие, в которых преобладает древний, языческий элемент, и на такие, в которых уже видны следы христианского влияния. Характер первого из означенных отделов соответствует вполне характеру эпохи, как он изображен нами в своем месте. Герой песни или сказки – богатырь, обладающий страшною материальною силою: вот он является ко двору княжескому, все глядят на молодца, дивуются, ему наливают чару зелена вина в полтора ведра, он принимает чару единой рукой, выпивает ее единым духом; бросит он горсть песку по высокому терему – полтерема сшибет; закричит богатырь зычным голосом – с теремов верхи повалятся, с горниц охлопья попадают, в погребах питья всколеблются. Вот подвиги любимого народного богатыря Ильи Муромца: Илья идет в послух от князя Владимира к хану кочевой орды и заводит с ним ссору; хан велит связать ему руки белые, плюет ему в ясны очи: «И тут Илье за беду стало,/ За великую досаду показалось,/ Что плюет Калин (хан) в ясны очи;/ Вскочил в полдрева стоячего,/ Изорвал чембуры на могучих плечах,/ Не допустят Илью до добра коня,/ И до его-то до палицы тяжкие,/ До медны литы в три тысячи./ Схватил Илья татарина за ноги,/ Который ездил в Киев-град,/ И зачал татарин помахивати:/ Куда ни махнет, тут и улицы лежат,/ Куда отвернет – с переулками,/ А сам татарину приговаривает:/ А и крепок татарин, не ломится,/ А жиловат, собака, не изорвется...»

Но не одна чудовищная, материальная сила действует в богатырях; в них действует также сила чародейская. Мы видели занесенное в летопись предание о том, что полоцкий князь Всеслав Брючиславич родился от волшебства (волхованья); песня рассказывает в подробности это предание, как родился богатырь Волх Всеславьевич от лютого змея. Когда минуло Волху десять годов, стал учиться он *премудростям*: первой мудрости учился – обертываться ясным соколом; другой мудрости учился – обертываться серым волком; третьей

мудрости учился он – обертываться гнедым туром-золотые рога. На двенадцатом году начинает он набирать дружину; живо и согласно с летописью представляет нам песня дружинный быт: стал себе Волх прибирать дружину, прибирал три года и набрал себе дружины семь тысяч; сам он, Волх, в пятнадцать лет и вся его дружина по пятнадцати лет... Волх поил, кормил дружину храбрую, обувал, одевал добрых молодцев. Особенно отличаются *мудростью, хитростью*, т. е. чародейством, ведовством, женщины, знаменитые ведьмы киевские: такова Марина Игнатьевна, которая водится с Змеем Горынчищем. Осердясь на богатыря Добрыню, Марина привораживает его к себе: «Брала она следы горячие молодецкие,/ Набирала Марина беремя дров,/ А беремя дров белодубовых,/ Клала дровца в печку муравленую/ С теми следы горячими,/ Разжигает дрова палящатым огнем/ И сама она дровам приговаривает:/ Сколь жарко дрова разгораются/ Со теми следы молодецкими,/ Разгоралось бы сердце молодецкое».

Чары действуют на Добрыню: он влюбляется в ведьму, прогоняет от нее соперника своего, Змея Горынчища, за что Марина обертывает его гнедым туром. Такова Авдотья Лиховидьевна, которая искала *мудрости* над мужем своим, Потокон Михайлою Ивановичем: она взяла с него слово, что если она умрет прежде него, то ему зарыться с нею в могилу живому; и вот через полтора года Лиховидьевна умирает, и Поток, верный своему слову, «С конем и сбрую ратною/ Опустился в тое ж могилу глубокую,/ И заворочали потолоком дубовым/ И засыпали песками желтыми,/ А над могилою поставили деревянный крест/ Только место оставили веревке одной,/ Которая была привязана к колоколу соборному./ И стоял он, Поток Михайло Иванович,/ В могиле с добрым конем/ С полудни до полуночи./ И для страху, добыв огня,/ Зажигал свечи воску ярого./ И, как пришла пора полуночная,/ Собирались к нему все гады змеиные,/ А потом пришел большой змей./ Он жжет и палит пламенем огненным,/ А Поток Михайло Иванович/ На того не робок был,/ Вынимал саблю острую,/ Убивает змея лютого/ И ссекает ему голову/ И тою головою змеиною/ Учал тело Авдотьино мазати./ Втепоры она еретница/ Из мертвых пробуждалася».

Так отразился материальный, языческий быт юной Руси на произведениях народной фантазии; теперь посмотрим, как отразилось на них влияние христианства. Это влияние заметно отразилось в песне об Алеше Поповиче; противником Алеши является Тугарин Змеевич, богатырь с чудовищною материальною силою и чародей: отечество Змеевич, способность палить огнем и склонность к сладострастию указывают на его нечистое происхождение. Алеша Попович не отличается чудовищною материальною силою, но ловко владеет оружием. За столом княжеским Тугарин Змеевич ест и пьет по-богатырски: по целой ковриге за щеку мечет, глотает целиком по лебедю, по целой чаше охлестывает, которая чаша в полтретья ведра, и бесстыдно ведет себя с женщинами; все это не нравится Алеше, он сравнивает Тугарина с прожорливым животным: здесь уже природа человеческая вооружается против животной. Приготовляясь к битве с Тугарином, Алеша не спит всю ночь, молится со слезами, чтобы бог послал ему в помощь тучу грозную с дождем и градом; Алешины молитвы доходны ко Христу: бог посылает тучу с дождем и градом, крылья у Тугарина обмокли, и он свалился на землю, принужден бороться обыкновенным способом; Алеша побеждает его, но побеждает не материальною силою, а хитростию: сошедшись с Тугарином, Алеша говорит ему: «Ты хочешь драться со мною один на один, а между тем ведешь за собою силу несметную»; Тугарин оглянулся назад; этим мгновением воспользовался Алеша, подскокил и отрубил ему голову. Любопытно видеть, как под влиянием христианства переставались предания о любимом народном богатыре – Илье Муромце: мы встретили уже раз Илью в борьбе с кочевую ордою, когда он, вместо оружия, человеком бил людей; но вот слышится об нем же другое предание, составившееся под новым влиянием: тридцать лет сидит Илья сиднем, не владеет ни руками, ни ногами и получает богатырскую силу чудом, как дар божий за христианский подвиг, за желание утолить жажду двух странников; даль-

нейшие подвиги его отмечены также смирением, благодушием. Против языческого поклонения материальной силе христианство выставило поклонение силе духовной, небесной, пред которой материальная, земная сила ничто, против которой не устоит никакой богатырь. Мы видели, как это понятие отразилось в предании об Алеше Поповиче и Илье Муромце; но всего резче высказалось оно в предании о том, как богатыри, победив несметную басурманскую силу, обезумели от гордости и вызвали на бой силу небесную, которая росла все более и более под ударами богатырей и, наконец, заставила их окаменеть от ужаса. Так под влиянием христианства начало упраздняться поклонение материальной силе.

Мы уже имели случай упоминать о том, как в древних богатырских песнях наших, сквозь позднейшие слои проглядывает слой древний, отражающий в себе быт первоначального периода нашей истории; мы видим, как в них отразился особенно быт дружины; справедливо замечают, что старинные богатыри русские принадлежат разным сословиям, сходятся ко двору княжескому с разных концов Руси: таков постоянно характер дружины, который долго держался у нас в чистоте. Укажем еще на некоторые черты, напоминающие время: известен древний обычай давать кораблям вид разных зверей, драконов и т. п.; и вот в песне о Соловье Будимировиче так, между прочим, описан его корабль: «Нос, корма по-туруному,/ Бока взведены по-звериному».

Эта же песня напоминает о греческой торговле, о судах, приходивших в Киев с греческими товарами: «Говорил Соловей таково слово:/ „Гой еси вы, гости корабельщики/ И все целовальники любимые!/ Как буду я в городе в Киеве,/ У ласкова князя Владимира,/ Чем мне-то будет князя дарить,/ Чем света жаловати?“/ Отвечают гости корабельщики/ И все целовальники любимые:/ „Ты славный, богатый гость,/ Молодой Соловей, сын Будимирович!/ Есть, сударь, у вас золота казна,/ Сорок сороков черных соболей,/ Вторые сорок бурнастых лисиц;/ Есть, сударь, дорога камка,/ Что не дорога камочка – узор хитер;/ Хитрости были Царя-града,/ А и мудрости Иерусалима,/ Замыслы Соловья Будимировича;/ На злате, серебре не погневаться“./ Прибежали корабли под славный Киев-град,/ Якори метали в Днепр-реку./ Сходни бросали на крут бережок...»

Мы знаем из летописи, что новгородцы славились плотничеством; песня говорит, что они славились умением строгать стрелы: «...тем стрелам цены не было/ Колоты они были из трость-дерева,/ Строганы те стрелки в Новгороде».

Летописец знает о дунайском городке Киевце, который основан будто бы нашим же Кием полянским; песня знает также Киевца: «Чурила живет не в Киеве,/ А живет он пониже малого Киевца.»

Мы знаем, что дружинники переходили от одного владельца к другому, служили то в одной, то в другой стране; таковы и богатыри песни, таков знаменитый Дунай Иванович, который говорит о себе: «Служил я, Дунай, во семи Ордах,/ В семи Ордах, семи королям.»

В Галицкой Руси теперь еще поется об этих дружинниках, о наших старинных руссах, которые собирались идти на тихий Дунай служить царю болгарскому или в Константинополь к императору:

«В чистом поле шатер стоит; в шатре сидят добры молодцы, сидят они, думу думают: как пойдем мы к кузнецу доброму, покуем себе медные челна, медные челна, золотые весла: как пустимся мы на тихий Дунай, вдоль Дуная под Царь-город. Ой, чуем там доброго пана, что платит щедро за службу молодецкую: дает, что год, по сту червонных; по сту червонных да по вороному коню; по вороному коню да по сабельке; по сабельке да по кафтанчику; по кафтанчику да по шапочке; по шапочке да по красной девице».

Мы видели влияние христианства на древние наши богатырские предания, видели, как под этим влиянием переделывался характер богатырей, характер их поступков. Но есть еще целый ряд произведений народной фантазии, которые отзываются также глубокою древностию и которые своим существованием обязаны уже почти исключительно новой религии:

мы говорим о духовных наших песнях или стихах, которые обыкновенно поются слепыми нищими. Мы видели в предании о принятии Владимиром христианства, что князя всего более поразила рассказ греческого проповедника о начале и конце мира; мы видели также, что эти вопросы занимали сильно языческие народы севера; и вот народная фантазия овладевает этими вопросами и решает их по-своему, под непосредственным, однако, влиянием христианства. Так произошли важнейшие стихи – о *Голубиной книге* и о *Страшном суде*. В первой песне говорится, как из грозной тучи вышла исполинская книга, как из многочисленного собора всякого рода людей никто не мог разогнуть ее, как мог это сделать один царь Давид, совопросником которого о тайнах творения является наш Владимир. Здесь можно видеть связь песни с преданием о том, как Владимир спрашивал у греческого проповедника о содержании Ветхого и Нового завета.

Рассмотрев события начального периода и внутреннее состояние общества в это время, постараемся вникнуть в главные, характеристические черты эпохи. Прежде всего представляются нам племена, разбросанные на огромных пространствах и живущие под формами родового быта. На севере племена эти, по всем вероятностям, вследствие столкновения с другими историческими народами сознают необходимость выйти из родового быта, для чего призывают власть извне, призывают князя из чужого рода. Соединенные посредством нового начала, силы действуют; князь северных племен пользуется силами последних и подчиняет себе остальные племена на всем огромном пространстве великой восточной равнины. Племена эти, вследствие означенного подчинения, сосредоточения постепенно переходят из родового быта в областной; в городах, вследствие деятельности правительственного начала, вследствие переселений и нового разделения жителей, родовый быт ослабевает. Между тем является новое могущественное начало – церковь; князья северных племен движутся на юг по великому водному пути из Балтийского моря в Черное, утверждают свое пребывание в Киеве, откуда начинаются частые сношения с Византией; вследствие этих сношений является на Руси христианство, торжествует над язычеством в Киеве и отсюда мало-помалу распространяется во все стороны. Влияние церкви, духовенства на общественный строй оказывается немедленно, особенно при необходимом столкновении с семейным началом; ясно начинают обнаруживаться действия новой религии в конце периода, когда выступает новое поколение грамотных христиан. Главные условия, которые определяли при этом дальнейший ход русской истории, были, во-первых, природа страны, во-вторых, быт племен, вошедших в состав нового общества, в-третьих, состояние соседних народов и государств. Равнинность страны, а главное, величина и обилие рек условили быстрое очертание огромной государственной области, первоначальные основы которой положены по великому водному пути из Северной Европы в Южную, из Балтийского моря в Черное; путь шел, по выражению летописца, «от Варягов к Грекам»; этим условились два явления, имевшие решительное влияние на жизнь русского общества: от варягов пришло правительственное начало, от греков – христианство. Быт племен родовый условил явления, побудившие к призванию князей, он условил и отношения между призванным началом и призвавшими его, князь мог явиться не иначе, как в значении родоначальника; по отсутствию наследственности родового старшинства в одной линии старшины родов не могли выдвинуться на первый план с ограничивающим княжескую власть значением, и дружина необходимо получает характер только служебный. Природа страны и быт племен условили и особенную форму распространения русской государственной области, именно – колонизацию, которую мы замечаем с самого начала; при этом замечаем также, что движение отправляется преимущественно с севера на юг, замечаем большой прилив жизненных начал на севере: три раза вступает север в борьбу с югом и три раза остается победителем; но север не только дает победу князьям своим над князьями юга, он посылает часть своего народонаселения на постоянную защиту юга от степных варваров. Третьим главным условием, определившим изначала ход русской исто-

рии, назвали мы отношения к соседним государствам и народам. Русское государство образовалось на девственной почве, на которой история, цивилизация другого народа не оставила никаких следов; никаких преданий, никаких учреждений не досталось в наследство юному русскому обществу, которое должно было начать свою историческую жизнь с одними собственными средствами. Но при таких обстоятельствах важно было то, что новорожденное общество, находясь на краю восточной Европы, вследствие отдаленности, уединения своего, избегло чуждых сильных влияний со стороны народов, поставленных в более благоприятные обстоятельства относительно гражданственности. Западные славянские государства основались также на девственной почве, но они немедленно должны были подчиниться влиянию чужого племени, германского, которое действовало с помощью римских начал, усвоенных им на почве Империи. Это могущественное влияние чуждой народности, против которого славянская народность не могла выставить сильного сопротивления, нанесло при самом начале решительный удар самостоятельности западных славян во всех отношениях, при самом начале условило их будущую судьбу. Но влияние германского племени прекратилось Польшею, не могло достигнуть России вследствие самой ее отдаленности, уединения; свободная от влияния чуждых племен, Русь могла сохранить свою славянскую народность; она приняла христианство от Византии, которая вследствие этого обнаружила сильное влияние на жизнь юного русского общества, но это влияние не было нисколько вредно для славянской народности последнего, потому что Восточная империя по самой слабости своей не могла насильственно втеснять русскую жизнь в формы своего быта, навязывать русским свой язык, высылать к ним свое духовенство, свои колонии; византийская образованность действовала не чрез свой собственный орган, но чрез орган русской народности, чрез русский язык, и таким образом вместо удушения, содействовала только к утверждению славянской народности на Руси; Греция обнаруживала свое влияние на Русь не во столько, во сколько сама хотела обнаружить его, но во столько и в таких формах, в каких сами русские хотели принимать ее влияние; ни светская, ни духовная власть Восточной империи не могли иметь решительного влияния на явления древней русской жизни, не могли выставить начала, равносильного господствовавшему в ней началу, которые потому и развивались свободно и независимо; византийские государственные понятия, проводимые на Руси чрез духовенство, могли только тогда способствовать окончательному сокрушению некоторых форм жизни, когда эти формы были уже решительно поколеблены вследствие внутренних причин. Безопасная от насильственного влияния империй Римско-Греческой и Римско-Германской, древняя Русь была безопасна от насильственного влияния и других соседних народов: Польша и во времена могущества своего постоянно сдерживалась Западом, принуждена была постоянно смотреть в ту сторону, притом же силы двух юных государств были одинаковы, Польше не удалось утвердить своего влияния на востоке и при Болеславе Храбром, тем менее она могла иметь средств к тому после его смерти. Дикие литовцы и ятвяги могли только беспокоить русские границы своими набегами. В Швеции вследствие появления там христианства началось разложение древних языческих форм жизни, сопровождаемое внутренними волнениями, уничтожившими для народа и князей его возможность действовать наступательно на соседние страны. С Востока, от степей Азии, нет так же сильных напоров, могущих вырвать с корнем основы новорожденного общества, как некогда наплыв гуннский уничтожил в этих странах владение готов. Так с самого начала уже оказывалось, что из всех славянских государств одному русскому суждено было самостоятельное существование в Европе.

В заключение мы должны обратиться к вопросу, который так долго господствовал в нашей исторической литературе, именно к вопросу о норманском влиянии. Участие скандинавских племен, или варягов, в начальном периоде нашей истории, несомненно, ясно с первого взгляда. Первоначально областью Русского государства был путь от варягов в Гре-

цию и бесспорно, что этот путь открыт варягами задолго до половины IX века; бесспорно также, что явление, знаменующее в истории Северо-Восточной Европы половину IX века, соединение северных племен славянских и финских под одну власть, произошло вследствие столкновения этих племен с племенем скандинавским вследствие владычества варягов в этих странах. Первые призванные князья были из рода варяжского, первая дружина состояла преимущественно из их соплеменников; путем варяжским движутся северные князья на юг; в борьбе с югом, с греками, восточными степными варварами, Польшею русские князья постоянно пользуются варяжскою помощью; варяги – первые купцы, первые посредники между Северною и Южною Европою и Азиею, между славянскими племенами и греками, они же главным образом посредничают и при введении христианства в Русь. Но при этом должно строго отличать; влияние народа от влияния народности: влияние скандинавского племени на древнюю нашу историю было сильно, ощутительно, влияние скандинавской народности на славянскую было очень незначительно. При столкновении двух народов, при определении степени их влияния одного на другой должно обратить прежде всего внимание на следующие обстоятельства: один народ господствует ли над другим, один народ стоит ли выше другого на ступенях общественной жизни, наконец, формы быта одного народа, его религия, нравы, обычаи резко ли отличаются от форм быта другого, религии, нравов, обычаев?

Мы видим, что у нас варяги не составляют господствующего народонаселения относительно славян, не являются как завоеватели последних, следовательно, не могут надать славянам насильственно своих форм быта, сделать их господствующими, распоряжаться как полновластные хозяева в земле. Мы видим, что при Владимире в советах о строе земском подле бояр являются старцы, следовательно, если мы даже предположим, что сначала, тотчас после призвания, дружина преимущественно состояла из варягов, то ее влияние не могло быть исключительно, потому что перевешивалось влиянием старцев, представителей славянского народонаселения; что было в стольном городе княжеском, то самое должно было быть и в других городах, где место князя занимали мужи княжие. Варяги, составлявшие первоначально дружину князя, жили около последнего, так сказать, стояли подвижным лагерем в стране, а не врезывались сплошными колониями в туземное народонаселение; многие из них оставались здесь навсегда, женились на славянках, дети их были уже полуварягами только, внуки – совершенными славянами.

Варяги не стояли выше славян на ступенях общественной жизни, следовательно, не могли быть среди последних господствующим народом в духовном, нравственном смысле; наконец, что всего важнее, в древнем языческом быте скандинаво-германских племен мы замечаем близкое сходство с древним языческим бытом славян; оба племени не успели еще выработать тогда резких отмен в своих народностях, и вот горсть варягов, поселившись среди славянских племен, не находит никаких препятствий слиться с большинством.

Так должно было быть, так и было. В чем можно заметить сильное влияние скандинавской народности на славянскую? В языке? По последним выводам, добытым филологиею, оказывается, что в русском языке находится не более *десятка* слов происхождения сомнительного или действительно германского. После того как древнейший памятник нашего законодательства, так называемая Русская Правда, сличена была с законодательными памятниками других славянских народов, не может быть речи не только о том, что Русская Правда есть скандинавский закон, но даже о сильном влиянии в ней скандинавского элемента. Даже те исследователи – юристы, которые предполагают несколько значительное влияние скандинавского элемента в Русской Правде, видят, однако, в последней собрание обычаев преимущественно славянских и частью только германских. Но для ясного понимания событий первого периода нашей истории мало еще определить, что степень влияния народности пришлого элемента на народность туземного была незначительна; нужно тотчас же обратить

вопрос и следить, какому влиянию с самого начала стал подвергаться пришлый элемент от туземного, от новой среды, в которой он нашелся, надобно следить за обоими элементами в их взаимодействии, а не брать каждый порознь, заставляя их действовать от начала до конца в полной особенности с их первоначальным, чистым характером, какой они имели до своего соединения. Если Рюрик был скандинав, морской король, то следует ли отсюда, что внуки и правнуки его, князя многих племен, владельцы обширной страны, должны также носить характер морских королей? Разве новая среда, в которой они стали вращаться, нисколько не могла содействовать к изменению их характера? Говорят, что наши князья, от Рюрика до Ярослава включительно, были истые норманны, но в чем же состоит их норманство? В том, что они обнаруживают завоевательный дух? Но таким духом обыкновенно отличаются князья новорожденных обществ: одновременно с Русским образуется другое славянское государство – Польское; первые Пясты – не норманны, несмотря на то, они обнаруживают свою деятельность тем же, чем и первые Рюриковичи – распространением первоначальной области посредством завоевания. Первые Рюриковичи обнаруживают свое норманское происхождение, быть может, тем, что совершают походы преимущественно водою, на лодьях? Но причина этого явления заключается не в норманском происхождении князей, а в природе страны, малонаселенной, покрытой непроходимыми лесами, болотами, в которой, следовательно, самый удобный путь был водный; дружины, распространявшие русские владения за Уральским хребтом в XVII в., не были норманны, но по природе страны действовали так же, как последние; совершали свои походы водным путем. Обычай наших князей ходить на полюдь не есть норманский, он необходим во всех новорожденных обществах: так, мы видим его и в Польше. Военное деление на десятки, сотни и т. д. есть общее у народов различного происхождения. Дружинная жизнь не есть исключительная принадлежность германского племени: Болеслав польский живет с своею дружиною точно так же, как Владимир русский с своею.

Сделавши всех первых князей наших морскими королями, назвавши их всех истыми норманнами, определивши, таким образом, их общий характер, точку зрения на них, исследователи необходимо должны были оставить в стороне их главное значение относительно той страны, относительно тех племен, среди которых они призваны были действовать, должны были оставить в стороне различие характеров каждого из них и какое влияние это различие производило на судьбу страны. Обратив преимущественно внимание на элемент пришлый, на варягов, из характера их отношений к князю и Земле исключительно старались определить главный характер нашей истории, позабыв, что характер дружины условился отношениями призванных князей к призвавшему народонаселению и что эти отношения условились бытом последнего. Утверждая, что у нас имело место призвание, а не завоевание, не заметили противоречия, когда варягам дали характер завоевательный, заставив все явления отражать на себе исключительно их народность, заставив действовать одно пришлое начало, поразив совершенным бездействием туземное. Таковы вредные следствия того одностороннего взгляда, по которому варяги были исключительными действующими в начальном периоде нашей истории.

Но если влияние норманской народности было незначительно, если по признанию самых сильных защитников норманства влияние варягов было более наружное, если такое наружное влияние могли одинаково оказать и дружины славян поморских, столько же храбрые и предприимчивые, как и дружины скандинавские, то ясно, что вопрос о национальности варягов – руси теряет свою важность в нашей истории.